МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО»

На правах рукописи

Рудковская Маргарита Михайловна

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ТУЛОНЕ В 1920 – 1930-е гг.: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент И.В. Алфёрова

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ
ГЛАВА І. Начало формирования общины русских военных эмигрантов в Тулоне
1.1. Русско-французский альянс второй половины XIX – начала XX вв
ГЛАВА II. Социально-экономическая адаптация и интеграция русских военных эмигрантов в Тулоне
2.1. Формирование и состав русской военной эмигрантской общины в Тулоне в межвоенный период
2.3. Социально-правовые аспекты жизни русских военных эмигрантов в Тулоне
ГЛАВА III. Культурно-образовательная адаптация и интеграция русской военной эмиграции в Тулоне
3.1. Православный приход в Тулоне и его роль в жизни русской военной эмиграции

3.2. Образовательная и воспитательная деятельность русских военных эмигрантов
в Тулоне
3.3. Профессиональные союзы русских военных эмигрантов в Тулоне157
3.4. Историческая память о России в деятельности русских военных эмигрантов
Тулона
ЗАКЛЮЧЕНИЕ186
СПИСОК ТАБЛИЦ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ193
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ195
ПРИЛОЖЕНИЯ230
ШГИЛОЖЕПИЛ 230

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Первая волна российской эмиграции — это не только политическая и идеологическая эмиграция, но и культурная; «свободные люди, принадлежащие к привилегированному классу»¹, такие как политическая или финансовая элита, интеллектуалы, художники, военнослужащие всех чинов; добровольная эмиграция для одних, вынужденная для других, но без возможности возвращения до начала 1990-х годов XX века.

В 1924 году Франция считалась первой страной размещения российских беженцев². Несмотря на значительное и постоянное присутствие эмигрантов на французской земле, Франция, как отмечает исследователь Жан-Шарль Бонне, не сразу озаботилась определением правил рациональной иммиграции, созданием и продвижением административных, юридических и экономических механизмов адаптации и интеграции³.

Однако большая часть российских эмигрантов показала прекрасный пример интеграции во французское общество, параллельно продолжая свою «русскую жизнь», культура, обычаи, традиции и ментальность которой продолжали передаваться из поколения в поколение. Привлекающие тайной и очарованием русской души, «... белые русские, немногочисленные во Франции, тем не менее, были национальной группой, которая вызывала необычайно живое любопытство, вдохновляла бесчисленные журналистские исследования, романы, пьесы, фильмы.... Французы, спешившие в русские кабаре, покупали русские сигареты, блюда, одежду, предметы декора ...мода на всё русское, особенно в 1920-е годы, была повальной... »⁴.

¹Bonnet J.-C. Les pouvoirs publics français et l'immigration dans l'entre-deux guerres. Lyon, 1976. P. 24.

²Gousseff C. L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920-1939). Paris, 2008. P. 102-103.

³Bonnet J.-C. Op. cit. P. 376.

⁴Schor R. L'opinion publique et les étrangers en France 1919-1939. Paris, 1985. P. 114 (Περ c φp. – M.P.).

В этой связи крайне важное значение имеет вопрос об изучении самобытности русских эмигрантов и их социальной и культурной деятельности. Многие профессиональные объединения, союзы, ассоциации и клубы эмигрантов первой волны была интересным и необычным опытом не только сохранения своей культуры и традиций, но и своего рода инструментом передачи знаний российской культуры, инструментом социальной дипломатии между русскими эмигрантами первой волны и французским обществом.

«Русский Париж» с его системой центральных воинских организаций политических партий стал в 1920–1930-е гг. настоящим центром российского военного зарубежья. Поскольку истоки русской эмиграции «первой волны» берут начало в событиях революции и гражданской войны, то формирование русской военной эмиграции во Франции в 1920-е гг. как процесс испытывало влияния, характерные для развития военнополитических событий в России: фазы, стадии и эмиграционные потоки во Францию находились в прямой зависимости от хода гражданской войны 1917–1920 гг., политики большевиков внутри Советской России. Образование русской военной диаспоры во Франции имело ряд специфических черт, обусловленных характером процесса формирования военной колонии, его интенсивностью, направленностью миграционных количественным и качественным составом беженцев, их ментальностью, наличием воинских организационных структур.

Понятие «военная эмиграция» включает в себя: в социальном плане — бывших военнослужащих российской императорской армии, флота и белых военных формирований периода Гражданской войны, а также членов их семей и молодежь, проявившую тенденцию к объединению и продолжению войны. В организационном отношении — различные военные общества, союзы, диверсионные группы. В идейно-политическом — программу эмигрантского «активизма», принадлежность к военной культуре, воинскую ментальность 1.

¹Сотников С.А. Русская военная эмиграция во Франции в 1920-1930-е гг.: проблемы адаптации // Вестник МГУС. 2007. № 2. С. 120.

Российская военная диаспора во Франции образовалась в первой половине 1920-х гг., но процесс формирования военной эмигрантской колонии был значительно растянут во времени (в Париж приезжали российские эмигранты вплоть до конца 1930 гг.). Отличительной особенностью российской диаспоры в данном регионе являлась ее высокая организованность, сохранность системы военного командования и воинской иерархии, активная деятельность международных благотворительных организаций, в частности – Красного Креста.

Актуальность диссертационного исследования определяется необходимостью расширенного и углубленного изучения русского военного зарубежья, занимавшего важное место в системе эмигрантского сообщества. Военная эмиграция сыграла значительную роль формировании институциональных основ русского военно-политического зарубежья, внесла большой вклад в общественную, научную и культурную деятельность, процесс социально-экономической и культурной адаптации русских эмигрантов, создание региональных колоний, их количественной, структурной и социальной динамики; развитие образования и воспитательной деятельности эмигрантов.

Степень изученности проблемы. Для характеристики комплекса научных исследований по проблемам русской эмиграции предлагается его разделение на три большие группы: отечественная, зарубежная и эмигрантская историография.

Российская военная эмиграция, как и эмиграция в целом стали изучаться отечественными исследователями начиная с 1920-х гг. Первые публикации, появившиеся в Советской России, односторонне представляли эмиграцию частью «белого» движения, а эмигрантов — носителями антибольшевистской идеологии¹. Военная эмиграция, которая так же начинает интерпретироваться в первой половине 1920-х гг., рассматривается в работах исследователей как «зарубежная

¹Белов В.М. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность (Материалы для будущего историка). Ревель, Пг., 1922; Белов В.М. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. Опыт. исследования психологии, настроений и бытовых условий эмиграции в наше время. М., Пг., 1923; Владимиров Л. Возвратите их на Родину. Жизнь врангелевцев в Галлиполи и Болгарии, М., 1924; Гравицкий Ю.К. Военная эмиграция в Болгарии // Военная мысль и революция. 1923. № 3. С. 92-109.

контрреволюция»¹. В это же время появляются первые журнальные публикации посвященные анализу военно-политической деятельности русского зарубежья². Однако в целом появившиеся исследования отличались публицистичностью и пропагандистской направленностью.

В 1930-е – начале 1950-х тема российской эмиграции становится запретной. Безусловно, данное явление было отражением общественно-политических процессов, происходящих в стране. Как аргументированно отметил исследователь B.A. сужению историографического Митрохин, «резкому пространства способствовало также утвердившееся в этот период мнение, что история "контрреволюции" не заслуживает внимания»³. Тем не менее, и в это время предпринимались отдельные попытки исследования зарубежной России. Так, труды Э. Генкиной, Н. Мамая, И. Короткова⁴, написанные в русле идеологических содержали установок послевоенного времени, некоторую обрывочную информацию по теме военной эмиграции. Однако действительно научное исследование темы было осложнено не только из-за идеологического прессинга, но и недоступностью отечественных и зарубежных архивов, в том числе архивов эмигрантских организаций.

Начиная с конца 1950-х и в период 1960-х гг., можно говорить об изменении подходов в изучении истории российского зарубежья, в том числе и в такой неотъемлемой его части, как военная эмиграция во Франции. Работы А.М. Брюханова, М.К. Гаврилова, Я.И. Трифонова, Н.А. Филатова в некоторой степени

¹Кудрявцев Р. Белогвардейцы за границей. М., 1923; Михайлов Е.А. Белогвардейцы - поджигатели войны. М., 1932; Сонов И. Капиталистический заговор против Страны Советов. М., Д., 1927.

²Сводка сведений об армиях пограничных с Россией государств (Составлена на основании данных, полученных в военных журналах) / Ген. Н.Н. Головин. Белград, 1924.

³Митрохин В.А. Отечественная историография российской эмиграции «первой волны» (1920-е — середина 1980-х гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т.10. № 4. С. 1239.

⁴Генкина Э.Б. Из истории борьбы партии за укрепление идеологического фронта // Вопросы истории. 1949. № 1; Мамай Н. Коммунистическая партия в борьбе за идейнополитическое воспитание масс в первые годы НЭПа. М., 1954.; Коротков И.С. Разгром Врангеля. М., 1948.

смогли освободить рассмотрение вопроса от идеологических штампов, избавить от упрощенных схем и оценок¹. В исследованиях «меняются акценты в оценке судеб эмигрантов: русские изгнанники чаще всего предстают перед читателем "заблудшими" людьми, заслуживающими не только осуждения, но и сочувствия»².

В 1970-е ГΓ. продолжали появляться публикации политикопропагандистского характера, в которых эпизодически рассматривалась тема русской военной эмиграции³. Следует отметить, что в конце 1970-х – начале 1980х гг. происходила интенсификация историографического процесса, что нашло свое выражение не только в количестве издаваемой научной литературы, но и в разработке новых направлений исследований, повышении теоретического и методологического уровня научных публикаций. Фундаментальной работой по теме русского зарубежья данного периода может считаться иследование Л.К. Шкаренкова, который проанализировал основные причины политических неудач русской эмиграции первой волны⁴.

Период перестройки сильно повлиял на российские исследования, вопервых, с точки зрения «революции архивов» и появлением реального доступа к историческим источникам, а во-вторых, в связи с изменением парадигмы исторической науки, радикально модернизировав исследовательские инструменты и методы. Тем не менее в начале 1990-х годов появлялись работы, не лишенные некоторого субъективизма и публицистичности, как например, монография В.В.

¹Брюханов А.И., Гаврилов М.К., Филатов Н.А. Страница истории, ждущая своих исследователей // Вопросы истории. М., 1961; Трифонов Я.И. Из истории борьбы Коммунистической партии против сменовеховства // История СССР. 1959. № 3. С. 64-82.

 $^{^2}$ Митрохин В.А. Отечественная историография российской эмиграции «первой волны» (1920-е — середина 1980-х гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т.10. № 4. С. 1239.

³Голиков Д.Л. Крах вражеского подполья (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России. 1917-1925 гг.). М., 1975; Комин В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом: Учебное пособие. Калинин, 1977; Мухачев Ю.В. «Новая тактика» российской контрреволюции и ее провал. 1920-1922 // Исторические записки. М., 1977. Т. 99.

⁴Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1981.

Костикова¹.

Новые исследовательские подходы проявились в ряде концептуальных работ А.О. Чубарьяна², С.С. Ипполитова³, Е.И. Пивовара⁴, Н.Б. Селунской⁵, где авторы предложили современное толкование особенностей и этапов, связанных с проблематикой российской эмиграции.

Особо стоит отметить монографию Е.И. Пивовара, посвященную феномену российского зарубежья второй половины XIX – начала XXI века. В исследовании была выдвинута авторская концепция российской эмиграции как совокупности социокультурных, политико-экономических и национальных потоков, каждый из которых имел свои особенности, что приводило к выводу о высокой степени неоднородности российской эмиграции и о многоаспектности ее влияния на мировую цивилизацию. Большой интерес представляет начальная глава книги, определению И классификации теоретико-методологических посвященная подходов, использующихся исследователями в работе над проблематикой Российского зарубежья. Е.И. Пивовар предложил целый набор методологических подходов, апробированных современной исторической наукой: культурологический, историко-антропологический, компаративный, гендерный, микроисторический 6 .

В начале 1990-е гг. возникли центры по изучению российской эмиграции в Российской академии наук (Институт российской истории, Институт

¹Костиков В.В. Не будем проклинать изгнанье... Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990.

²Мир в XX веке / гл. ред. А.О. Чубарьян. М., 2001.

³Ипполитов С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004.

⁴Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008; Pivovar E.I. L'étranger russe comme un phénomène social et culturel: son rôle et sa place dans l'héritage historique et culturel. Saint-Pétersbourg, 2011.

⁵Пивовар Е.И., Селунская Н.Б. Новые теоретические подходы и необходимость новой интерпретации актуальных аспектов социальной и экономической истории России XX века // Исследования исторического факультета Московского университета / под ред. С.П.Карпова. М., 2001. С. 61-62.

⁶Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008; Pivovar E.I. L'étranger russe comme un phénomène social et culturel: son rôle et sa place dans l'héritage historique et culturel. Saint-Pétersbourg, 2011. С. 9-25.

славяноведения и др.), в Российском институте культурологии Министерства культуры РФ и РАН. Весомый вклад в разработку эмигрантской проблематики стали вносить научные коллективы вузов, в 1990 – 2000-е гг. были опубликованы многочисленные единоличные и коллективные труды по различным проблемам истории русского зарубежья¹.

Серия монографий по истории русского военного и военно-морского зарубежья была опубликована коллективом ученых-историков под руководством Ю.А. Полякова². Значительное место занимает тема военной эмиграции в 1920 – 1930-е годы в исследованиях М.В. Пановой³ и В.И. Рябовой⁴, посвященных истории формирования и развития русской колонии в странах Северной Африки. Исследования по истории военного зарубежья велись также и в других регионах Российской Федерации: в 1994 г. в Южно-Сахалинске был опубликован сборник документов с пояснениями «Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность»⁵.

¹Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов. Том 2. Русский мир в XX веке. В 6-ти томах / под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. – М., СПб., 2014; Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И. Российская эмиграция в Константинополе в начале 20-х годов (численность, материальное положение, репатриация) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 75-85; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М., 1994; Еременко Л.И. Русская эмиграция как социально-культурное явление // Обновление культуры: проблемы и перспективы. М., 1993. С. 74-90; Квакин А.В. Общее и особенное в положении российской диаспоры первой волны. Тверь, 1992; Кривошеева Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны (1936-1945 гг.). М., 2001; Культурная миссия российского зарубежья: История и современность / отв.ред. Шулепова Э.А. М., 1999; Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930-е годы. СПб., 2006; Русская эмиграция во Франции (1850-е-1950-е гг.) / под ред. В.И. Старцева и Т.Г. Фруменковой. – СПб., 1995; Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20 – 40х годов / Е.В. Алексеева, Н.П. Герасимова, Л.И. Демина и др.; редкол.: С.В. Карпенко (отв.ред.) и др. М., 2000; Русский Париж / сост., предисл. и коммент. Т.П. Буслаковой. М., 1998; Русское зарубежье 1917-1994 / под ред. Г.А. Толстых. М., 2002; Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. – Т. 1-4. 1920-1940. Paris; М.: YMCA-Press; ЭКСМО, 1995-1997; Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): Сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002.

²Поляков Ю.А. Проблемы изучения истории российского зарубежья. М., 1996; История российского зарубежья. Сборник статей ИРИ РАН. М., 1996.

³Панова М.В. Русские в Тунисе. Судьба эмиграции первой волны. М., 2008.

⁴Рябова В.И. Русская эмиграция в Африке в 1920 – 1930-е годы. М., 2005.

⁵Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945). Сборник документов. Южно-Сахалинск, 1994.

История военного флота П.Н. Врангеля, известного в историографии как «Русская эскадра», занимает центральное место в истории военно-морской эмиграции. Проблемам эвакуации российского флота, а также военным организациям Русского зарубежья, в том числе морским, посвящены работы Е.П. Челышева и С.В. Волкова в исследовании Н.А. Кузнецова представлена первая попытка обобщения всех трагических этапов исхода российского флота Монография дополнена приложениями, иллюстрирующими культурную жизнь моряков-эмигрантов, деятельность различных общественных организаций, а также данные о службе русских офицеров в иностранных флотах. Коллективная монография под редакцией А.Ю. Емелина повествует о русской эскадре в Бизерте, где судьба изгнанных описана с опорой на архивные документы, мемуары и многочисленные фотографические изображения, значительная часть которых считается редкими.

Важное место в отечественной историографии занимают вопросы правовой и социально-экономической адаптации и интеграции русских эмигрантов, ставшие предметом особого внимания со стороны специалистов из-за специфики этой миграционной волны. Большим подспорьем для интерпретации проблематики данного исследования стали работы З.С. Бочаровой, Ю.В. Бойко, Ю.С. Лагодзинской (Юрьевой), Н.В. Турыгиной. Исследования З.С. Бочаровой посвящены юридическим аспектам интеграционной политики в отношении русских беженцев и вопросам оказания им социальной помощи, в том числе и во Франции⁴. Механизмы социальной адаптации русских эмигрантов во Франции,

 $^{^{1}}$ Волков С.В. Энциклопедия Гражданской войны. М., 2002; Челышев Е.П. Российская эмиграция 1920—1930 гг. М., 2002.

²Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М., 2009.

³Русская эскадра: Прощание с Императорским флотом / под ред. А.Ю.Емелина. Москва, 2015.

⁴Бочарова З.С. Документы о правовом положении русской эмиграции 1920-30-х гг. и источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX - XX вв. М., 1997; Она же. Деятельность Лиги Наций по урегулированию статуса беженцев // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С.10-25; Она же. Социальная помощь российским беженцам в 1920-1930-е гг. // Русское зарубежье: История и современность: Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр комплексных исследований российской эмиграции / ред. колл. Мухачёв

также посредством заключения межнациональных браков, стали предметом исследования Ю.В. Бойко¹. Ю.С. Лагодзинская (Юрьева) и М.Г. Яковлева исследовали особенности становления правового статуса беженцев во Франции в 1920-е — начало 1930-х гг². Анализ правового положения русских эмигрантов во Франции накануне и в годы Второй мировой войны представлен в работе Н.В. Турыгиной³.

Вопросы образования русской эмигрантской диаспоры во Франции, её численность, социальный состав, этапы и особенности социально-экономической адаптации рассмотрены в трудах С.С. Ипполитова, В.М. Недбаевского, Ю.И. Руденцовой⁴, О.Н. Барковой⁵, В.И. Хрисанфова⁶, Н.В. Турыгиной⁷, С.А. Сотникова⁸. Большим подспорьем для разработки диссертационного исследования

Ю.В. (гл. ред.) и др. М., 2016. Вып. 5. С. 59-120; Она же. Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920-1930-е годы // Россия и современный мир. 2017. № 2(95). С. 161-176.

¹Бойко Ю.В. О влиянии смешанных браков на процессы социальной адаптации россиян во Франции в 1920-е годов // История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX веках: Сборник статей/ Отв. ред. Ю.Поляков. М., 1996. С. 105-114; Он же. Переписи населения Франции как источник по истории социальной адаптации российских эмигрантов // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв. М., 1997. С. 135-147.

²Юрьева Ю.С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженца в первой рети XX в. // Вопросы теории, истории государства и права. Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата. № 2(21). 2011. С. 39-45; Лагодзинская Ю.С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев // Вопросы российского и международного права. № 3-4. 2012. С. 132-144; Яковлева М.Г. Правовое положение русских эмигрантов во Франции, 1920-1930-е гг. // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2014. № 12. С. 139-146.

³Турыгина H.B. Sales Etrangers: положение русской эмиграции во Франции накануне и в годы Второй мировой войны // Клио. 2016. № 6(114). С. 132-142.

⁴Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. М., 1999.

 $^{^5}$ Баркова О.Н. К вопросу о численности, гендерном и социальном составе русской эмиграции во Франции в 1920-1930-е гг. // Клио. 2013. № 2. С. 55-59.

⁶Хрисанфов В.И. К вопросу о численности российской эмиграции «первой волны» // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 85-87; Хрисанфов В.И. Российский «исход»: мифы и реальность. Историографическое исследование о численности «первой волны» российской эмиграции 1917-1920 гг. СПб., 2014

⁷Хрисанфов В.И., Турыгина Н.В. К историографии вопроса о численности русской эмиграции во Франции в 1920-1930-е гг. // Вестник СпбГУ. Серия 2. 2014. Вып. 3. С. 17-27.

⁸Сотников С.А. Российская военно-политическая эмиграция во Франции. 1920—1945 гг.: монография. М., 2017.

стала монография С.А. Сотникова «Российская военно-политическая эмиграция во Франции. 1920—1945 гг.». В книге раскрываются количественные и качественные характеристики российской военной эмиграции во Франции, особенности адаптации российских военных беженцев и их интеграция во французский социум в указанный период, автор перечисляет наиболее крупные центры русской военной эмиграции во Франции, однако, история формирования и развития тулонской общины как центра русской военной эмиграции в исследовании не представлена¹.

Работы Е.И. Пивовара², В.Ф. Ершова³, С.В. Волкова⁴, В.И. Голдина⁵, А.В. Окорокова⁶, К.К. Семёнова⁷, Ю.П. Свириденко⁸, С.А. Сотникова⁹, В.Г. Чичерюкина-Мейнгарда¹⁰ представляют анализ идеологии и менталитета военной эмиграции, проблем формирования и функционирования ее институтов, общественных организаций, их роли в социальной, политической и культурной

¹То же. С. 54.

²Пивовар Е.И. Военные училища и военно-научная мысль белой эмиграции в 1920-1930 // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии национальной культуры. М., 1993.

³Ершов В.Ф. Русское зарубежье, военно-политическая мысль в 1918-1945. Москва, 2000.

⁴Волков С.В. Русская военная эмиграция. М., 2008; Он же. Трагедия русского офицерства. М., 2002.

⁵Голдин В.И. Армия в изгнании: страницы истории Российского Общевоинского Союза, Архангельск, Мурманск. 2002; Он же. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX-XXI веках. Архангельск: СОЛТИ, 2006.

 $^{^6}$ Окороков А.В. Молодежные организации русской эмиграции 1920-45 гг. М., 2000; Он же. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920-1990 гг. М., 2003.

 $^{^{7}}$ Семёнов К.К. Русская военная эмиграция во Франции в 1920-1945 гг. // Ежегодник Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына. 2011. М., 2011. С.170-189.

⁸Ершов В.Ф., Свириденко Ю.П. Мир российского военного зарубежья в 1920-1945 гг. // Россия: идеи и люди. Сборник научных трудов. Вып. 4. М., 1999. С. 3-43.

⁹Сотников С.А. Русская военная эмиграция во Франции 1920-1930 гг.: проблемы адаптации // Вестник Ассоциации ВУЗов туризма и сервиса. 2007. № 2. С. 120-126.

¹⁰Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Дроздовцы после Галлиполи. М., 2002; Он же. Воинские организации Русского Зарубежья после Второй мировой. М., 2008; Он же. Пути русского офицерства в годы Гражданской войны и эмиграции // Труды I Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875-1944). Исход на юге России и начало Галлиполийской эпопеи русской армии: 90 лет: 1920-2010. Спб., 2011. С. 150-159; Он же. К истории русских воинских организаций русского зарубежья. Корпус императорских армии и флота // Труды III Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875-1944)): сборник статей и материалов / сост. К.М. Александров, О.А. Шевцов, А.В. Шмелев. Спб., 2013. С. 313-336.

жизни российской эмиграции. Исследования А.В. Толочко, Н.А. Низовцева посвящены анализу деятельности профессиональных организаций русских моряков-эмигрантов во Франции и США¹.

Тема военного и военно-морского образования в эмиграции занимает особое место в российской историографии, как отметил А.Абданк-Коссовский «российский офицер всегда проявлял свое намерение и интерес к развитию своих профессиональных знаний»². Автором комплексного исследования по проблемам военного образования эмигрантов стал А.М. Бегидов³. Особенности организации процесса обучения в различных специализированных эмигрантских военных учреждениях рассматривали в своих работах А. Абданк-Коссовский, А.В. Антошин, В.А. Антошин, А.Н. Гребенкин, М.А. Яшина, А.Л. Худобородов⁴.

Проблемы функционирования русской эмигрантской школы, в том числе и во Франции, находятся в центре научных исследований многих специалистов. Подробный анализ факторов социализации подрастающего поколения в условиях инокультурной среды представлен в публикациях С.К. Кудряшовой⁵. Стоит

¹Толочко А.В. О деятельности Военно-морского исторического кружка в 1927-1930-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия История. 2013. № 3(23). С. 20-26; Низовцев Н.А. Общество бывших морских офицеров в Сан-Франциско в 1920-1930-е гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия 8: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. Т. 32. № 21. С. 134-139.

²Абданк-Коссовский А. Русские офицеры и изгнании // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 91.

³Бегидов А.М. Военное образование в зарубежной России. М., 2001.

⁴Абданк-Коссовский А. Русские офицеры и изгнании // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 90-96; Антошин А.В., Антошин В.А. Педагогическая деятельность русских морских офицеров в Тунисе в 1920-е годы // Дискуссия. 2015. № 7(59). С. 108-115; Антошин А.В., Антошин В.А. Организация учебного процесса в кадетском корпусе в условиях эмиграции (Египет, 1920-е годы) // Дискуссия. 2017. № 7(81). С. 72-78; Гребенкин А.Н. Физические занятия и спорт в жизни воспитанников кадетских корпусов Российской империи и Русского Зарубежья // Вестник БГУ. 2015. № 2. С. 136-140; Яшина М.А., Худобородов А.Л. Учебные заведения казачьей эмиграции в 1920-1930-х гг.: из истории культурнопросветительской деятельности русского зарубежья // Известия АлтГУ. 2016. № 4(92). С. 165-171.

⁵Кудряшова С.К. Российская эмиграция «первой волны»: социокультурные, педагогические и социально-психологические факторы национального воспитания детей и подростков // Научный журнал КубГАУ. 2012. № 82(08). С. 1-14; Она же. Особенности национального воспитания детей и подростков в условиях эмиграции «первой волны» // Инновации в науке. 2012. № 11-2. С. 2–3.

отметить интересные для разработки темы диссертации исследования, В.И. Лаптун, Н.В. Лычковской, Л.П. Муромцевой, Т.В. Скляровой Э.А. Шулеповой о значительной роли православной церкви в решении практических вопросов образования и воспитания молодого поколения и конструировании единого социокультурного пространства эмигрантской общины¹. Также важные для нашего исследования вопросы доступа к школьному образованию во Франции для детей из среды русских эмигрантов затронуты в публикации М.Г. Яковлевой².

Хорошим подспорьем в разработке проблематики диссертации стали работы О.В. Щупленкова. Автор проанализировал особенности учебных программ средних и младших учебных заведений и пришел к выводу о том, что стабильное функционирование системы русских школ гарантировалось единственной причиной: именно моральные ценности первого поколения офицеров-эмигрантов, верных патриотическим идеям императорской России, позволили осуществить эти учебные проекты, споосбствовали передаче традиций российского образования и сохранению национальной идентичности в среде детей и подростков³.

Многочисленные историко-культурные проекты, игравшие заметную роль в общественной жизни русских эмигрантов находятся в центре внимания широкого

¹Лаптун В.И. Русская православная церковь в образовательном пространстве российской эмиграции: 20-30-е гг. ХХ в. // Интеграция образования. 2009. № 1. С. 21-23; Лычковская Н.В. Особенности и основные черты педагогики русской эмиграции первой волны // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2010. Вып. 3(18). С. 104–113; Муромцева Л.П. Роль русской православной зарубежной церкви в жизни российской послереволюционной эмиграции // Православная церковь в век революций и модернизации. Смоленск, 2018. С. 292–302; Склярова Т.В. Религиозный аспект педагогической деятельности в среде русской эмиграции первой половины ХХ века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2003. № 1. С. 194-212; Шулепова Э.А. Роль и место православной церкви в процессе адаптации русской эмиграции // Культурная миссия Российского зарубежья: история и современность. сб. ст. М., 1999. С. 22-29.

²Яковлева М.Г. Проблемы воспитания детей русских эмигрантов во Франции (1918-1939 гг.) // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 153-158.

³Щупленков О.В. Сохранение национальной идентичности через преемственность образования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 6. С. 72-75; Он же. Русское самосознание в условиях эмиграции первой волны // Современные исследования социальных наук. 2010. № 3(03). С. 106-109; Он же Адаптационные возможности русской эмиграции «первой волны» // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2010. № 2 С. 115–116.

круга авторов. Для разработки диссертационной работы особенно важными мы считаем исследования П.Н. Базанова, В.Е. Дерюги, Г.П. Камневой, Л.В. Климович, С.К. Кудряшовой, А.Н. Мосейко, Л.П. Муромцевой, С.А. Сотникова, М.Г. Яковлевой, в которых историко-культурная деятельность русских эмигрантов, в том числе представителей военной эмиграции, представлена как полноценное общественное движение, направленное на сохранение за рубежом отечественного культурного наследия и русского языка, передачу новым поколениям эмигрантов знаний о национальных традициях и обычаях¹. Большое значение для диссертационной работы имеют исследования Л.П. Муромцевой, посвященные

¹Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русских эмигрантов (1917-1988 гг. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. СПбГУКИ, 2005; Издательская деятельность левых эсеров и берлинское издательство «Скифы» // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2005. № 3. С. 141-146; Издательская деятельность политических организаций русского зарубежья на примере «Русского трудового христианского движения» Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2006. № 1. С. 123-131; Издательская деятельность левых пореволюционных организаций русской эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 1(6). 70-79; Кудряшова С.К., Дерюга В.Е. Национальные праздники как источник сохранения русской культуры в условиях эмиграции // Инновации в науке. 2012. № 12-2. С. 24-28; Камнева Г.П., Сотников С.А. Историкокультурные проекты в системе воспитания детей и юношества российской эмиграции в XX веке // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. №3. С. 40-45; Климович Л.В. Праздники российской эмиграции как отражение исторического кода дореволюционной России (1920-1930е гг.) // Научный диалог. 2017. №11. С. 356-368; Мосейко А.Н. Культура повседневности российской эмиграции и её место в культурном разнообразии мира // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 152-162; Муромцева Л.П. Военно-исторические музеи российской эмиграции во Франции // И.С.Шмелев и писатели литературного зарубежья. XIX Крымские международные Шмелевские чтения 15-19 сентября 2010 г. Алушта, 2011. С. 436-444; Она же. Историко-культурная деятельность русской эмиграции во Франции в 1920-1930-е гг. // Вестник Московского универистета. Серия. 8. История. 2012. № 1. С. 92-107; Она же. Праздники и памятные даты в жизни российской эмиграции // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2013. № 6. С. 92-115.Она же. Типология русских эмигрантских музеев // Вопросы музеологии. 2013. № 1(7). С. 49-59; Она же. Военные музеи и музейные коллекции русской эмиграции // Вопросы музеологии. 2014. № 2(10). С. 50-63; Она же. Роль библиотек в сохранении историко-культурного наследия российской эмиграции // Румянцевские чтения – 2018. Библиотеки и музеи как культурные и научные центры: историческая ретроспектива и взгляд на будущее. Т. 2. М., 2018. С. 181–187; Она же. Традиции в жизни российской эмиграции // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 13. Собрание Москва, 2018. С. 84–104; Сотников С.А. Дети российских военных эмигрантов в 1920-1930-е гг.: судьбы, образование, ментальность // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 63-68; Яковлева М.Г. Проблемы идентичности и интеграции русских эмигрантов во французское общество на примере деятельности Русской общественной библиотеки им. А.С.Тургенева // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 2. Вып. 4. С. 234-240.

проблемам формирования исторической памяти в среде русских военных эмигрантов¹.

Постсоветский период можно назвать «золотым веком» диссертационных исследований по истории военной эмиграции. Пионером работ по теме стал В.Ф. Ершов². В дальнейшем изучению различных аспектов истории военной эмиграции были посвящены труды А.М. Бегидова, М.С. Соловьева, И.С. Шинкарук, В.Г. Чичерюкина, Ю.С. Цурганова³. В числе диссертационных работ в рамках обозначенной нами проблематики социальной, экономической и культурной адаптации и интеграции военных эмигрантов в 1920–1930-е гг., представляются

¹Муромцева Л.П. Деятельность российской эмиграции по сбережению реликвий Первой мировой и Гражданской войн // История Гражданской войны в России 1917-1922 гг. М., 2016. С. 318–325; Она же. Военно-патриотические традиции в жизни российской эмиграции // Войны и военные конфликты в истории России: к 70-летию великой победы. Материалы XIX Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 21-22 мая 2015 г. М., 2015. С. 251–262; Она же. Память о событиях Первой мировой войны // Первая мировая война - пролог XX века. Материалы международной научной конференции. Москва, ИВИ РАН - МГУ им. М.В. Ломоносова - МГПУ, 8-10 сентября 2014 г. Часть II / Отв. ред Е.Ю. Сергеев. М., 2015. С. 269–276. Она же. Деятельность эмиграции по сбережению реликвий Первой мировой войны // Историк-марксист. Альманах. М., 2014. С. 75–78; Она же. Историко-мемориальная деятельность российской военной эмиграции // Исторические записки Вып.15(133). М., 2014. С. 341–357; Она же. Первая мировая война в памяти российской эмиграции // Россия и современный мир. 2014. № 4. С. 155-165.

²Ершов В.Ф. Российская военная эмиграция в 1921–1939 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1996; Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг. (организация, идеология, экстремизм). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2000.

³Бегидов А.М. Военно-учебные заведения российской эмиграции в 1920–30-е годы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1998; Бегидов А.М. Военное образование в зарубежной России 1920–1945 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2001; Пронин А.А. Российская эмиграция в современной историографии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2001; Чичерюкин В.Г. Русские эмигрантские воинские организации в 1920–40-е годы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2000; Шинкарук И.С. Военная периодика российской эмиграции 1920–30-х гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2000; Цурганов Ю.С. Российская военная эмиграция в Европе 1939-1945 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2001.

важными исследования В.И. Климутина¹, Ю.В. Руденцовой², С.А. Сотникова³, А.В. Толочко⁴, Н.В. Турыгиной⁵.

При составлении биографических сведений о русских эмигрантах Тулона, в диссертационном исследовании широко использовались справочные издания, подготовленные С.В. Волковым⁶, В.В. Лобыцыным⁷, Л.В. Мнухиным⁸, А.В. Плотто⁹, В.Н. Чуваковым¹⁰, а также электронные ресурсы¹¹.

Первые исследования зарубежных авторов, посвященные русской эмиграции были связаны с изучением юридического статуса русских беженцев в Европе, деятельностью международных организаций, таких как Лига Наций и Красный Крест в решении данного вопроса¹².

¹Климутин В.А. Российская военно-морская эмиграция в 1920-1930-е гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2006.

²Руденцова Ю.В. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции (1920-1930-е гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2000.

³Сотников, С.А. Российская военная эмиграция во Франции в 19201945 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2006.

⁴Толочко А.В. Русская военно-морская эмиграция: политические ориентации и деятельность в межвоенный период. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Пермь, 2012.

⁵Турыгина Н.В. Русская эмиграция во Франции в годы Второй мировой войны. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. СПб, 2016.

⁶Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002; Он же. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004; Он же. Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004; Он же. Офицеры российской артиллерии: Опыт мартиролога, М., 2011.

 $^{^{7}}$ Мартиролог русской военно-морской эмиграции / ред. В.В.Лобыцын. Москва-Феодосия, 2001.

⁸Российское зарубежье во Франции, 1919—2000: биогр. слов. [L'Émigration russe en France, 1919—2000]: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008—2010.

⁹Люди Русской эскадры / сост. А.В.Плотто. М., 2015.

 $^{^{10}}$ Незабытые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917-1997: в 6 т. / Российская государственная библиотека. Отд. лит. рус. Зарубежья / сост. В. Н. Чуваков; под ред. Е. В. Макаревич. М., 1999-2007.

¹¹Участники Белого движения в России [электронный ресурс]: https://погибшие.pф/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-vojny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/; Список офицерских чинов русского Императорского флота царствования Николая II [электронный ресурс]: http://www.petergen.com/publ/omsn206.shtml; Офицеры русской Императорской армии [электронный ресурс]: www.ria1914.info.

¹²Huntington W. C. The Homesick Million – Russia out of Russia. Boston, 1933; Kulischer E. M. Europe on the Move: War and Population Changes, 1917-1947. NY., 1948; Simpson John H. Refugees: Preliminary Report of a Survey. London, 1939.

Одной из первых работ французских авторов по проблемам иммиграции, в которой была затронута тематика русской эмиграции, стала книга демографа Ж. Моко, где он подробно описывал эволюцию иммиграционных потоков во Францию в 1920-х годах, их территориальное, профессиональное и национальное распределение¹. К явным недостаткам исследования относится тот факт, что автор не скрывал свои ксенофобские и антисемистские настроения в представлениях об иммиграции. Журналист и историк Ш. Ледре в 1930 г. опубликовал книгу о русских эмигрантах, где достаточно поверхностно и не всегда логично описал типичное с его точки зрения поведение и трудности русских беженцев в процессе их социально-профессиональной адаптации во Франции в первые годы эмиграции². В том же году появилась монография Ж. Делажа, в которой более детально, чем у предыдущего автора, рассматривался «русский Париж»³. Жан Делаж представил список различных выдающихся деятелей российской эмиграции (генералов, интеллектуалов, художников, политиков), однако, в работе отсутствовали ссылки на источники информации.

Во второй половине XX века выделилось несколько направлений в исследованиях русской эмиграции. Проблемы военной эмиграции, в частности формирование институциональных основ русского зарубежья, военного взаимодействия с другими общественными эмигрантскими структурами находятся в центре внимания П. Робинсона⁴. В публикациях Н. Росса освещается константинопольский период изгнания русской армии⁵. Также стоит отметить книгу М. Сэбэна, посвященную судьбе кораблей врангелевского флота во время и Крыма⁶. В монографии подробно после ИЗ изучается ИХ исхода внешнеполитический и дипломатический контекст при подготовке и ходе

¹Mauco G. Les étrangers en France: leur rôle dans l'activité économique. Paris, 1932.

²Ledré Ch. Les émigrés russes en France, ce qu'ils sont, ce qu'ils font, ce qu'ils pensent/ Ch. Ledré. Paris, 1930.

³Delage J. La Russie en exil. Paris, 1930.

⁴Robinson P. The White Russian army in exile, 1920-1941. Oxford, 2003; Robinson P. Zemgor and the russian army in exile// Cahiers du monde russe. 2005/4. Vol 46. P. 719-737.

⁵Ross N. Aux sources de l'émigration blanche, Paris, 2011.

⁶Saibène M. La flotte des Russes blancs. Rennes, 2008.

Крымской эвакуации, роль и место Франции, проблемы взаимодействия врангелевского правительства с командованием французского Оккупационного корпуса в Константинополе. В публикации Э. Менегальдо освещаются вопросы пребывания кораблей Русской эскадры и членов их экипажей в Бизерте в 1921 — 1924 гг. Автор уделяет особое внимание анализу различных аспектов экономической и социальной адаптации русских эмигрантов в стране пребывания после ликвидации эскадры.

В 1994 году на русский язык была переведена монография М. Раева, ставшая первой научной работой обобщающего характера, в которой изучался историко-культурный аспект российской эмиграции. В исследовании приведена обширная историография темы и рассмотрена общая картина деятельности эмигрантов в разных центрах русского зарубежья².

Французская историография иммиграции не может быть рассмотрена без упоминания новаторских работ по изучению общественных установок в отношении иностранных диаспор. К их числу относятся важные для разработки нашей темы исследования Р. Шора, в которых особое место уделено анализу феномена русской эмиграции, представленному в средствах массовой информации, политическим и экономическим моментам адаптации русских во Франции, а также исключительному влиянию «моды на всё русское» на общественную жизнь в парижском регионе в 1920–1930-е годы³.

Деятельность различных дипломатических учреждений по решению русского вопроса представлена в публикациях Д. Кевонян, Ж. Кудри, К. Николя⁴.

¹ Ménégaldo H. Les russes à Bizerte : de la Tunisie à la France, les étapes d'une intégration contrariée / Mémoire(s), identité(s), marginalité(s) dans le monde occidental contemporain [En ligne], 13 | 2015, mis en ligne le 30 juin 2015, consulté le 02 août 2015. URL : http://mimmoc.revues.org/2077

²Raeff M.: Russia abroad. A cultural history of the Russian emigration, 1919-1939. New York, 1990; Раев М.И. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. М., 1994.

³Schor R. L'opinion publique et les étrangers en France 1919-1939. Paris, 1985.

⁴Kevonian D. L'organisation non gouvernementale comme acteur émergent du champ humanitaire: le Zemgor et la Société des Nations dans les années vingt // Cahiers du Monde russe. 46/4. déc. 2005. P.739-756; Kevonian D. Enjeux de catégorisations et migrations internationales // Revue européenne des migrations internationales [En ligne]. 2005. Vol. 21. № 3, mis en ligne le 01 décembre 2008, consulté le 15 octobre 2012. URL : http://remi.revues.org/2522; Coudry G., Notes sur le

Более точные размышления о французской дипломатической политике в отношении русских эмигрантов, проблемы предоставления убежища, оказания им гуманитарной помощи, присутствуют в работах К. Гуссефф и О. Пишон-Бобринской¹.

Историк К. Гусефф внесла значительный вклад в разработку проблем социальной адаптации русской эмиграции в межвоенный период в Европе и во Франции. В ее работах, основанных на неопубликованных архивах Центрального французского агенства по делам беженцев и апатридов², рассматриваются также вопросы еропейской политики в отношении беженцев, представлены траектории движения миграционных потоков русских беженцев в Европе, приводятся уточненные данные о количественном составе русской диаспоры во Франции. В 2014 г. монография К. Гусефф о проблемах социальной адаптации русских беженцев была переведена на русский язык³.

Первое обновление истории иммиграции во французской историографии произошло в середине 1990-х годов и продолжается в 2000-х: речь идет не об изучении иммиграционной общины в ее многообразии, а о направленном анализе отдельных социальных или профессиональных групп. Среди подобных работ, связанных с русскими эмигрантами, можно упомянуть исследования А. Реми о

[«]passeport Nansen» // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1996. №44. Exilés et réfugiés politiques dans la France du XXe siècle. [En ligne] http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/mat_0769 3206_1996_num_44_1_403048, consulté le 03/10/2018; Nicolas C. Le CICR au secours des réfugiés russes 1919-1939 // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 2009/3. № 95. P. 13-24.

¹Gousseff C., Pichon-Bobrinskoy O. L'invention d'une politique humanitaire : le Zemgor et les réfugiés russes (1921-1930) // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46/4, sept-déc. P. 667-672; Gousseff C. Politique d'asile et politique d'accueil des réfugiés en France : le cas des Russes dans les années vingt // Matériaux pour l'histoire de notre temps (BDIC). avril 1997. P. 39-45; Gousseff C. Le placement des réfugiés russes dans l'agriculture: L'Etat français et le Zemgor dans l'action internationale // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46/4, sept-déc. P. 757-776.

²Gousseff C. L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920-1939). Paris, 2008.

 $^{^3}$ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы). М., 2014.

солдатах Русского экспедиционного корпуса¹, Е. Гусефф и И. Гузевич о русских студентах и школьниках², О. Гийу о русских рабочих в Бийянкуре³.

Вторая историографическая тенденция по истории русской эмиграции активно развивается в направлении исследований по вопросам формирования и эволюции региональных общин русских эмигрантов, где первые работы представлены публикациями Ф. Альбера, Е. Гусефф, Э. Менегальдо о русских эмигрантских колониях в Париже⁴.

С точки зрения применения микроисторического анализа для разработки темы диссертации наибольший интерес представляют университетские работы Ж. Клеймана⁵, М. Пьетри⁶, А. Лаггуна⁷ по истории формирования русских общин в Каннах, Ницце, и Приморских Альпах в конце XIX – начале XX вв. Единственная работа, посвященная непосредственно тулонской эмигрантской общине – магистерская диссертация П. Башеллери была защищена в Университете Экс-Марсель в 1979 году⁸. В центре внимания автора – истории трех семей русских эмигрантов, проживавших в Тулоне в период с 1917 по 1939 год. Исследование базировалось на комплексе устных мемуаров членов семей эмигрантов, также

¹Adam R. Histoire des soldats russes en France 1915-1920. Les damnés de la guerre, Paris, 1996. ²Gouzevitch I. Etudiants, savants et ingénieurs juifs originaires de l'Empre russe en France (1860-1940) // Archives juives. 2002. Vol. 1(35). P. 120-128; Gousseff C. Les enfants de l'exil. Récits d'écoliers russes après la Révolution de 1917. Paris, 2005; Gousseff C. De la Grande Guerre aux révolutions, récits d'adolescents russes en exil // Vingtième Siècle. Revue d'histoire 2006. № 1/(89). P. 17-27;

³Le Guillou O. L'émigration russe en France, Boulogne-Billancourt et les usines Renault: lieux d'habitation et employés des émigrés russes dans l'entre-deux guerres // E.Guichard et G.Noiriel (dir.) Construction des nationalités et immigration dans la France contemporaine. Paris, 1997. P. 215-257.

⁴Albera F. Albatros. Des russes à Paris, 1919-1929. Milan-Paris, 1995; Gousseff C. Une intelligentsia chrétienne en exil : les orthodoxes russes dans le Paris des années 1920 // Intellectuels chrétiens et esprit des années 1920. Actes du colloque, sous la direction de Colin P. Cerf. Paris,1997. P. 115-137; Ménégaldo H. Les Russes à Paris 1919-1939. Paris, 1998.

⁵Kleinmann J. Les étrangers dans les Alpes Maritimes à travers les documents préfectoraux (1860-1944). Thèse de doctorat en histoire. Université de Nice, 2003.

⁶Pietri M. La communauté russe des Alpes-Maritimes durant l'entre-deux-guerres. Mémoire de maîtrise d'histoire contemporaine. Nice, 2004.

⁷Laggoune A. Les Russes de Cannes, 1879-1939. Master II Recherche en histoire. Nice, 2014.

⁸Bachellerie P. Les Russes blancs dans le Var 1917-1939. Mémoire de maîtrise. Aix, 1979.

привлекались отдельные документы Регионального архива департамента Вар по проблемам профессиональной интеграции русских эмигрантов.

В рамках заявленной проблематики, нам представляется необходимым упомянуть некоторые исследования, посвященные истории Тулона в период между мировыми войнами и представляющие интерес для понимания социально-экономического и культурного контекста формирования русской общины в этом городе. В третьей главе книги «История Тулона» под редакцией М. Агульона¹ и статье Ж. Матье «Тулон между мировыми войнами: сложности переходного периода»² особое внимание уделено экономической, политической, социальной и культурной ситуации жизни города в 1920 – 1930 годах. Г. Вите рассмотрел проблему поиска жилья и проанализировал различные варианты размещения и проживания эмигрантов в Тулоне³. В центре исследования Б. Ноэля — история старых городских кварталов⁴, что представляет интерес для иллюстрации географии расселения русских эмигрантов в Тулоне.

В диссертации также использовались некоторые материалы неопубликованной научной статьи французского военного историка Ж.-Ф. Пельярда о захоронениях солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса на кладбище военно-морского госпиталя в Сен-Мандрие⁵.

Эмигрантская историография российского зарубежья начала формироваться уже в 1920-е гг. Первые исследования в этой области сочетали в себе элементы мемуаристики и публицистических оценок происходившего в эмигрантской среде, чрезмерной политизированности. Ситуация жесткой идеологической борьбы внутри эмигрантского сообщества нашла отражение в работах Т.В. Локотя, А.Ф.

¹Histoire de Toulon / sld. de M. Agulhon. Toulouse, 1980.

²Mathieu J. Toulon dans les incertitudes de l'entre-deux guerres // Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. 1982. № 104. P. 153-175; 1985. № 107. P. 119-147.

³Noel B. Vieux quartiers, vieilles gens // Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. 1989. № 111. P. 165-198; 1991. № 113. P. 85-95.

⁴Vitse G. Emigrés toulonnais: les héros malgré eux // Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. 1973. № 95; P. 89-102.

⁵Pelliyard J.-F. Extraits militaires russes des Archives de l'hôpital de Saint-Mandrier. Tapuscrit. Toulon, 2005.

Керенского, В. Патека¹. В книгах И.А. Ильина, В.Х. Даватца, П.Н. Милюкова, Н.В. Устрялова были представлены более взвешенные и критичные оценки эмигрантской реальности². В 1930-е гг. появились исследования, авторы которых стремились продемонстрировать успехи и достижения русской интеллигенции в изгнании, оценить её вклад в мировую культуру. Именно в 1930-е годы сложились основные подходы, приоритеты и оценки эмигрантской историографической традиции.

Послевоенные годы стали временем своеобразного подведения итогов миссии первой послереволюционной эмиграции. Внимание авторов этого периода связано с осмыслением исторических судеб и культурного наследия зарубежной России. Г.П. Струве, В.В. Зеньковский, В.С. Варшавский, Г.В. Адамович, П.Е. Ковалевский представляли в своих исследованиях значительные успехи и достижения эмигрантов в сфере литературы, философии и сценического творчества³.

Современные исследования по проблемам русской эмиграции во Франции представлены работами М. Горбофф⁴, А. Жевахова⁵, Н.А. Струве⁶, в которых анализируются различные стороны общественной жизни и деятельности русских эмигрантов во Франции. Тема военной эмиграции затронута в книге А. Жевахова «Белые русские». Представитель второго поколения русской эмиграции,

¹Локоть Т.В. Завоевания революции и идеология русского монархизма. Берлин, 1921; Керенский А.Ф. Издалека. Сб. статей. 1920–1921 гг. Париж, 1922; Патек В. Исповедь сменовеховца. София, 1924.

²Ильин И.А. Родина и мы. Белград, 1926; Даватц В.Х. Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926; Милюков П.Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926; Он же. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т.1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927; Т.2. Антибольшевистское движение. Париж, 1927; Устрялов Н.В. Под знаком революции. Харбин, 1925.

³Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956; Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Париж, 1955; Адамович Г. В. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж, 1961; Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурнопросветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971; Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. Париж, 1973.

⁴Gorboff M. La Russie fantôme. L'émigration russe de 1920 à 1950. Lausanne, 1995.

⁵Jevakhoff A. Les Russes blancs. Paris, 2007.

⁶Struve N.A. Soixante-dix ans d'émigration russe (1919–1989). Paris, 1996.

председатель «Ассоциации потомков бывших офицеров флота и Морского ведомства», в своей монографии делает акцент на особом внешнеполитическом и дипломатическом контесте в процессе адаптации русских эмигрантов во Франции, однако, история формирования региональных общин в работе не рассматривается.

Определенный интерес для диссертационного исследования представляет интерес книга К.К. Парчевского «По русским углам», где содержатся отдельные сведения о русских фермерских хозяйствах в Тулоне в конце 1930-х годов¹. Талантливый журналист и общественной деятель, К.К. Парчевский написал в 1936-1937 гг. серию очерков о жизни русских эмигрантов в разных странах и регионах. Источником послужили не сухие факты, а рассказы живых людей, на своих плечах вынесших все тяготы и испытания жизни в изгнании.

Представленный историографический обзор показывает насколько значительным, многоаспектным и разноплановым является комплекс научных исследований по проблемам русской военной эмиграции.

Тем не менее, история формирования и развития региональных общин русских военных эмигрантов представляется недостаточно изученной как в рамках российской, так и в зарубежной историографиях. В том числе информация о русской колонии в Тулоне либо отсутствует в исследовательских работах, посвященных центрам русской эмиграции во Франции, либо содержится эпизодически. Магистерская диссертация П. Башеллери является единственным научным исследованием, которое обращалось к истории колонии, интерпретируя ее с точки зрения определенной методологии – биографического исследования.

Таким образом, изучение историографии, посвященной русской эмиграции, позволило выделить **объект диссертационного исследования**: военные и военноморские союзы офицеров-эмигрантов, общественные, религиозные и культурные объединения и структуры, идеологические установки эмигрантов, их творческое наследие.

¹Парчевский К.К. По русским углам. М., 2002.

Предметом исследования было определено: формирование общины русских военных эмигрантов в г. Тулон, её институализация, процесс адаптации офицеров и членов их семей в социуме страны пребывания, основные факторы и этапы интеграции.

Хронологические рамки исследования охватывают исторический период между двумя мировыми войнами. Дата нижнего рубежа связана с прибытием в Тулон первой группы русских военных эмигрантов и началом формирования русской колонии в 1921 г. Верхняя граница исследования ограничена датой начала Второй мировой войны, когда меняется внешне- и внутриполитическая и экономическая обстановка, повлиявшая на жизнедеятельность русской общины.

Территориальные рамки исследования определяются пространством тулонской городской агломерации (Тулон-Йер-Ла Сейн-сюр-Мер) в границах 1920—1930-х годов. Вместе с другими французскими городами и регионами, такими как Париж, Лион, Гренобль, Ницца, Канны, Марсель, Тулон стал одним из центров русской эмиграции после революции 1917 года и гражданской войны 1918—1922 годов.

В 1920-е годы город предоставил убежище многим семьям русских дворян и бывшим офицерам Императорской армии и Военно-морского флота. Географическое положение Тулона, портового города, который многие считали только транзитным пунктом, безусловно, повлияло на социальный состав общины. Кроме того, удаленность от главного французского центра русской эмиграции – Парижа также определила некоторые особенности образования и развития тулонской общины русских эмигрантов.

Цель настоящего исследования состоит в изучении истории формирования русской общины военных эмигрантов в Тулоне, процесса социально-экономической аккомодации и интеграции, определении специфики «культуры изгнания».

Обозначенная цель работы предусматривает необходимость решения следующих исследовательских задач:

- 1) обозначить и описать предпосылки, причины и условия прибытия русских эмигрантов в Тулон в 1921 году, а также реакцию общественного мнения на это прибытие;
- 2) охарактеризовать внешнеполитический и социально-экономический контекст формирования русской эмигрантской общины;
- 3) выявить факторы, определившие особенности адаптации и интеграции русских военных эмигрантов в Тулоне;
- 4) определить и содержательно охарактеризовать тип внутри- и внешнеобщинных связей, определяющих количественный и качественный состав русской колонии в Тулоне;
- 5) осуществить анализ особенностей социально-профессиональной и повседневной адаптации и интеграции русских эмигрантов в Тулоне;
- 6) исследовать разнообразие культурно-интеллектуальных практик русских эмигрантов и их место и роль в жизни общины.

Источниковая база исследования определена целью и задачами работы. В диссертационном исследовании были использованы письменные, а также изобразительные и устные источники, большая часть которых находится в государственных архивах Франции и России.

В ходе подготовки диссертационного исследования были использованы архивные коллекции следующих государственных архивов Франции: Archives départementales du Var (Региональный архив департамента Вар, г. Драгиньян), Archives départementales des Bouches-du-Rhône (Региональный архив департамента Буш-дю-Рон, г. Марсель), Archives municipales de Toulon (Муниципальный городской архив Тулона), Service Historique de la Défense Toulon (Военно-исторический отдел Министерства обороны Тулон), Service Historique de la Défense Vincennes (Военно-исторический отдел Министерства обороны Венсен Париж), Сһатве des Industries et du Commerce de Marseille (Архив торгово-промышленной палаты Марселя), Office français pour les réfugiés et les араtrides (Архив Центрального французского агенства по делам беженцев и апатридов, г. Париж),

Archives de la Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (Архив Библиотеки современной международной документации, г. Нантер). Кроме того, в работе широко представлены документы православной ассоциации Тулона: l'église Archives paroissiales de orthodoxe (Архив православной Воскресения). Интересный документальный комплекс, имеющий большое значение для разработки проблематики диссертационного исследования находится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Также в работе были использованы документальные коллекции Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ) и Российского государственного военноисторического архива (РГВИА).

К первому виду письменных источников относится делопроизводственная документация. Наиболее репрезентативный документальный комплекс по теме исследования хранится в архиве Военно-исторической службы Министерства обороны в Тулоне. В фонде «С» находятся документы, касающиеся периода пребывания флота генерала П.Н. Врангеля в Константинополе (протоколы досмотров русских кораблей, записки и приказы командования Французского Оккупационного корпуса, а также Российской военно-морской базы, отчеты французских и российских капитанов о передвижениях российских судов, переписка генерала Врангеля об отплытии русских кораблей из Константинополя). Обращения русских офицеров, проживающих в Тулоне на имя Морского Префекта и секретная переписка Префекта о русских эмигрантах сосредоточены в фондах «D» и «А»¹. В архиве Военно-исторической службы Венсен в фонде «ВВ», хранятся документы штаба Французского Оккупационного корпуса, детально описывающие пребывание кораблей Русской эскадры в Константинополе². Также для анализа первого периода пребывания в изгнании использовались документы фонда Р6425 Государственного архива Российской Федерации³.

¹Service Historique de la Défense de Toulon (ci-après – SHD Toulon). Série C. Sous-série 57. Cartons 10, 11; Série C. Sous-série 58. Cartons 12, 13; Série C. Sous-série 56. Cartons 17, 18, 62, 65.

²Service historique de la Défense Vincennes (ci-après – SHD Vincennes). Série 1 BB. Sous-série 2. Cartons 139, 140.

 $^{^3}$ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р6425. Оп. 1. Д. 7.

В фонде «М» из коллекции Регионального архива департамента Вар сосредоточены документы о прибытии русских эмигрантов в Тулон в 1921 году на пароходе «Рион» (телеграфическая депеша в Префектуру Вар, поименный список офицеров и членов их семей, прибывших в Тулон, полицейские отчеты, разрешения Префектуры на проживание в Тулоне)¹.

Отдельный интерес представляют документы фонда «4М» Регионального архива департамента Буш-дю-Рон, где содержится переписка канцелярии Префекта о взаимодействии французской администрации с русскими региональными дипломатическими структурами².

Вопросы экономической интеграции эмигрантов изучались на разнообразном архивном материале. Отдельные регламентирующие документы, связанные с экономической интеграцией эмигрантов, представлены в фонде «S» Регионального архива департамента Вар³. Небольшая, но очень интересная документов, также иллюстрирующая трудовую коллекция деятельность эмигрантов находится в Архиве торгово-Промышленной палаты в Марселе. В фонде «L» хранятся архивы известной французской морской компании перевозчика «Мессажери Маритим», в которых среди которых имеются документы о покупке и дальнейшем использовании компанией несколько кораблей русского торгового флота, а также найме русских офицеров-моряков на службу⁴. Весьма значимыми для данного исследования являются документы фонда Р5916 Государственного архива Российского Федерации, где собраны протоколы Особого совещания помощи чинам флота и их семьям, иллюстрирующие финансовые И трудовые проекты военно-морской эмиграции программа займов для офицеров-предпринимателей) 5 .

¹Archives départementales du Var (ci-après – AD du Var). Série M. Sous-série 4. Cartons 99, 100.

²Archives départementales des Bouches-du-Rhône (ci-après – AD des Bouches-du-Rhône). Série M. Sous-série 4. Carton 964.

³AD du Var. Série S. Sous-série 5. Carton 159.

⁴Archives de la Chambre de Commerce et d'Industries Marseille (ci-après – CCIM). Série L. Journaux de campagnes d'Odessa, d'Affon, de Jérusalem.

⁵ГА РФ. Ф. Р5916. Оп. 1. Д. 1.

Комплекс административных досье о выдаче временных видов на жительство и о натурализации, карта предпринимателя-иностранца в Региональном архиве департамента Вар, позволили сделать наблюдения о степени юридической интеграции русских эмигрантов¹. Архив Центрального французского агенства по делам беженцев и апатридов обладает уникальной коллекцией административных документов, благодаря которой становится возможным не только изучить юридические вопросы эмиграционного процесса, но и подробно восстановить биографические сведения о русских эмигрантах, проживавших во Франции². Кроме того, для реконструкции биографий эмигрантов в работе были использованы документы некоторых других архивов. Содержание фонда 432 Российского государственного архива Военно-морского флота составляют личные дела военно-морских офицеров³. В фонде 348 Российского государственного военно-исторического архива находятся документы Александровской военно-юридической академии, где проходили обучение некоторые офицеры-эмигранты⁴.

Приходские архивы русской православной ассоциации при храме Воскресения содержат различные делопроизводственные документы об основании прихода, метрики о рождении детей, а также стенографические отчеты о заседаниях Церковного Совета, исповедальные книги, приходские регистры, данные инспекционных комитетов, инвентарные списки имущества прихода, справочники для новобрачных, клировые ведомости⁵. Работа с документами упомянутого церковного архива была интересной и важной не только с точки зрения анализа социального и количественного состава диаспоры, но прежде всего,

¹AD du Var. Série M. Sous-série 7. Carton 130; Série M. Sous-série 4. Cartons 131-139; Série M. Sous-série 6. Carton 478.

²Archives de l'Office français pour les réfugiés et les apatrides (ci-après – Archives OFPRA). Dossiers de demande de naturalisation des réfugiés russes. Non-côtées. Années 1930.

 $^{^3}$ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 432. Оп. 2 Д. 583, 714, 880; Ф. 432. Оп. 3. Д. 45; Ф. 432. Оп. 5. Д. 8214, 8385, 8564; Ф. 432. Оп. 6. Д. 27; Ф. 432. Оп. 7. Д. 538, 809, 2237; Ф. 434. Оп. 2. Д. 710, 719.

⁴Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 348. Оп. 1. Д. 701; Ф. 348. Оп. 4. Д. 135.

⁵Archives paroissiales de l'Eglise de la Résurrection de Toulon. Non côtées. 1929-1938.

дала возможность проследить внутренние связи в общине и осветить ее многогранную культурно-образовательную деятельность.

Также, для анализа общественной деятельности эмигрантов в работе были использованы отдельные документы фондов Р9145 Государственного архива Российской Федерации («Коллекция отдельных документов различных Библиотеки учреждений») 1 , современной международной эмигрантских документации документы о деятельности Морского собрания в Париже², и Регионального архива департамента Буш-дю-Рон с небольшой коллекцией полицейских рапортов и распоряжений о создании и функционировании общественных организаций военных эмигрантов (фонд «1М»)³.

Кроме того в диссертационном исследовании были использованы отдельные документы, иллюстрирующие развитие различных этапов русско-французских отношений в военно-морской сфере в конце XVIII — начале XX века, хранящиеся в архиве Военно-исторической службы в Тулоне, Региональном архиве департамента Буш-дю-Рон и Государственном архиве Российской Федерации .

Ко **второму виду** письменных источников относятся **статистические источники**. В Региональном архиве департамента Вар сохранилась ежегодная общая статистика учета иностранцев и статистические сведения по профессиям, дающие возможность проследить изменение численности, социального, полового, а в некоторых случаях возрастного состава русской эмигрантской колонии в Тулоне в 1920–1930-х годах⁷.

¹ГА РФ. Ф. Р9145. Оп. 1. Д. 480, 658.

²Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (ci-après – BDIC). F/DELTA/RES/0917///Chemises 1-10. Fonds Savelieff Serguey. Foyer des Anciens officiers de la Marine russe, années 1950-1970.

³AD des Bouches-du-Rhône. Série M. Sous-série 1. Carton 916-918.

⁴SHD Toulon. Série 2D. Sous-série 2. Cartons 24, 75; Série 2D. Sous-série 4. Carton 21; Série A2. Sous-série 4. Carton 11; Série A4. Sous-série 2. Carton 12; Série 2A. Sous-série 6. Carton 273-274; Série 2D. Sous-série 10. Carton 21; Série 2A. Sous-série 1. Carton 1825; Série D1. Sous-série 2. Carton 99.

⁵AD des Bouches-du-Rhône. Série F. Sous-série 200. Carton 1579.

⁶ГА РФ. Ф. Р9112. Оп. 1. Д. 5.

⁷AD du Var. Série M. Sous-série 4. Cartons 99-105.

Следует особо отметить ценность такого источника как полицейская статистика Отдела по работе с иностранными гражданами Главного управления полиции Тулона. Опираясь на уникальные сведения упомянутой статистики, представляется возможным проследить эволюцию профессиональных интересов русских эмигрантов (французские полицейские вели отдельный учет профессий иностранцев с адресами предприятий и указанием занимаемых должностей)¹. В Муниципальном городском архиве в фонде «F» хранятся такие информативные источники как общие переписи городского населения 1926—1940 гг. Кроме того, фонд «IIIJ» содержит полицейские статистические отчеты об иностранных общинах². Необходимо отметить, что статистические источники являются самым значимым источником для изучения количественного и качественного состава русской общины в изучаемый период. Однако данный вид источников имеет свои ограничения, связанные с особенностями статистического учета городского населения, так как в переписных листах указывались данные только о взрослых домовладельцах и членах семей.

К третьему виду относятся документы личного происхождения. При разработке данного исследования были неоднократно использовали документы фонда Р5903, где собрана переписка Военно-морского агента во Франции капитана 1 ранга В.И. Дмитриева с офицерами флота и членами их семей. Именно эти источники позволили реконструировать детали быта, жилищные и финансовые условия, сферы профессиональной занятости русских моряков на юге Франции в первой половине 1920-х годов³. Также среди наиболее интересных и важных необходимо упомянуть документы дела 143, содержащего инструкции о техническом состоянии транспорта «Рион», переписку командира «Риона»

¹AD du Var. Série M. Sous-série 7. Carton 130; Série M. Sous-série 4. Cartons 131-139; Série M. Sous-série 6. Carton 478.

²Archives municipales de Toulon (ci-après – AM Toulon). Série F. Sous-série 1. Cartons 4-15bis; Série JII. Sous-série 1. Carton 5-6.

³ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 23, 81, 122, 139, 435, 473, 483, 496, 497, 499, 503, 504, 527, 543, 5516, 556, 578.

Анатолия Городыского с штабом российского флота в Бизерте и письма-отчеты об условиях жизни членов экипажа судна, проживших в Тулоне и Йере¹.

В исследовании также использовались документы некоторых личных фондов. В деле 49 фонда Р5970 содержится переписка адмирала флота, бывшего морского министра России в 1911 – 1917 гг. И.К. Григоровича с морским офицером М.В. Казимировым². Из фонда Р6666, где хранится архив командующего Черноморским флотом ВСЮР вице-адмирала М.А. Кедрова в диссертационной работе были использованы документы дела 3 (письма белоэмигранта Ермакова)³.

Все использованые в диссертации источники личного поисхождения представляют большой интерес для описания и анализа содержания повседневной, трудовой и культурно-образовательной жизни русских эмигрантов в изучаемый период. Как и любые другие источники личного происхождения, безусловно, они несвободны от субъективных оценок происходивших событий. Однако в изучаемом контексте данный недостаток чаще оборачивается положительной стороной, помогая рассмотреть суть тех настроений, которые господствовали в изучаемый период в среде непосредственных участников событий. В связи с этим, при использовании документов личного происхождения, было важно основываться не на отдельном тексте, а на комплексе представленных источников, что позволяет выявить наиболее важные составляющие рассматриваемой проблемы.

Не менее важными для анализа социально-экономической адаптации эмигрантов в процессе их взаимодействия с органами местной администрации являются актовые источники, которые представлены договорами о сотрудничестве⁴, декретами, распоряжениями и законодательными актами,

¹ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 2. Д. 143.

²ГА РФ. Ф. Р5970. Оп. 1. Д. 49.

³ГА РФ. Ф. Р6666. Оп. 1. Д. 3.

⁴Documents diplomatiques. L'alliance franco-russe : Origines de l'alliance, 1890-1893: Convention militaire 1892-1899 et Convention navale 1912. Paris, 1918.

регулирующими права иностранцев при приеме на работу¹ и при поступления в государственные образовательные учреждения².

К еще одному виду письменных источников, используемых в исследовании, относится периодика. Эмигрантская пресса представлена в диссертационном исследовании изданиями, имеющими символическое значение в кругах русской журналом «Часовой»³, главным военной эмиграции: печатным органом Российского общевоинского союза, и пражским «Морским журналом»⁴ издававшимся в Чехословакии с 1928 г. по 1942 г. под редакцией М.С. Стахевича и ставшим печатным органом военно-морской диаспоры, объединявшей бывших офицеров ветеранов императорского флота. Кроме того, в работе использовались отдельные материалы «Записок военно-морского исторического кружка им. А.В. и «Морского сборника», первого военно-морского журнала, издававшимся в Бизерте с 1921 г., опубликованные В.В. Лобыцыным в 2003 году⁶. В рамках исследования социокультурной деятельности русских эмигрантов, материалы периодической печати имеют огромное значение для разработки вопросов, связанных с формированием системы общественных офицерских организаций, изучении их научного и литературного наследия.

Французская локальная пресса также представляет большой интерес для изучения. Местные газеты «La Jeune Corse» (Молодая Корсика) 7 , «Le Petit-Var» (Маленький Вар) 8 , «Je dis tout» (Я скажу всё) 9 иллюстрируют детали общественного мнения вокруг прибытия и размещения белых русских в регионе,

¹Décret du 28 novembre 1938 portant règlement d'administration publique pour l'application de la loi du 11 juillet 1938 sur l'organisation de la nation pour le temps [ressource électronique] // https://www.legifrance.gouv.fr/affichtexte.do, consulté le 01/10/2018.

²Archives de la Société des Amis du Vieux Toulon (ci-après – SAVTR) Lycée de Toulon. Distribution solennelle des Prix; Lycée de Toulon. Extraits de règlement. Conditions d'admission; Lycée de Toulon. Composition des trousses.

³Часовой. Париж, 1928-1939.

⁴Морской журнал. Прага, 1928-1942.

⁵Записки Военно-Морского Исторического имени адмирала Колчака Кружка. Сан-Франциско, 1937.

⁶Бизертинский морской сборник / сост. и науч. Ред. В.В. Лобыцын. М., 2003.

⁷La Jeune Corse. Ajaccio, 1909-1943.

⁸Le Petit Var. Toulon, 1921-1939.

⁹Je dis tout. Toulon, 1921-1939.

Газетные публикации также помогают понять возможности и механизмы трудоустройства русских военных эмигрантов в Тулоне в начальный период их проживания в городе.

В архиве Торгово-промышленной палаты Марселя собрана примечательная подборка газетных статей, посвященная роли и месту русского флота в период Гражданской войны 1917–1922 гг. и эвакуации. В данной коллекции имееется статья французского каритана Гулли о переходе военного транспорта «Рион» из Константинополя в Тулон. Особенно ценными можно считать его ремарки о командире судна, о характере взаимоотношений членов экипажа и условиях жизни на корабле, которые он мог наблюдать, во время буксировки «Риона» в Мессину¹.

В диссертационном исследовании был использован такой **тип** источников как **изобразительные источники**: иконы алтаря, сохранившиеся со времен основания первой церкви и нарисованные художником Р. Лукиным²; фотографии парохода «Рион», офицеров экипажа и других прибывших в Тулон. Большую ценность для иллюстрации культурно-образовательной и релизиозной жизни русской общины представляет коллекция фотографий из личного архива Филиппа Андреевича Куцева³. Кроме того, в диссертационном исследовании были использованы фотографии из личного архива автора⁴, а также кинодокументы⁵.

Важно отметить, что огромное количество архивных документов, в том числе коллекции фотографий, касающихся повседневной жизни русской общины в Тулоне (приходские архивы, фотографии офицеров, членов хора, театральной труппы и многие другие) находятся в частных архивах семей потомков эмигрантов 1920-х годов, таких как Куцевы, Николаевы, Звягинцевы, Фёдоровы. До

¹CCIM. Série L. Notes de presse. 1919-1921.

²Icône de la Sainte Vierge Marie. Par R. Loukine. Eglise de la Ressurrection. Toulon, fin des années 1920; Icône du Saint-Sauveur. Par R. Loukine. Eglise de la Ressurrection. Toulon. fin des années 1920.

³Archives familiales de Philippe Koutseff (photos). Années 1930.

 $^{^4}$ Фотографии из личного архива автора (Тулон, Ла Сейн-сюр-Мер, Сен-Мандрие), 2014-2017 гг.

⁵Крест над Европой. О жизни и творчестве Марины Петровны Романовой-Голицыной // www.amities-russes-de-provence.com/expositions. доступ 12/12/2018.

сегодняшнего дня эти архивы остаются закрытыми для исследователей. С другой стороны, их введение в научный оборот могло бы обогатить и разнообразить исследовательские темы, взгляды на панораму жизни и деятельности русских эмигрантов в Тулоне.

Отдельную группу источников использованных в диссертационном исследовании, составили устные мемуары, проживающих в Тулоне в наши дни потомков русских эмигрантов, зафиксированные автором в форме интервью¹.

Таким образом, источниковая база настоящего диссертационного исследования представляется разнообразной и достаточной для решения поставленных задач. В контексте обозначенной проблематики исследования по вопросам адаптации и интеграции русских военных эмигрантов в Тулоне в 1920 – 1930-е гг. часть исторических источников вводится в научный оборот впервые.

Методологическая основа исследования. Настоящее исследование опирается на принципы научности, историзма, объективности и системности. Из специально-исторических методов в диссертационном исследовании были использованы методы микроисторических исследований, а также истории ментальностей и истории политической эмиграции (теория Сильви Априль²).

История политической эмиграции — это междисциплинарная область научных исследований. Теоретический подход, разработанный Сильви Априль, предлагает интепретацию игнания как «пространства ожидания», где прошлое и настоящее пересекаются, образуя конкретные отношения «с будущим, которое представляет собой многогранный политический вопрос»³.

Именно с данной теоретической точки зрения анализируется специфика русской эмигрантской колонии в Тулоне. В диссертационном исследовании разделяются различные периоды эмиграционного процесса, где первый этап

¹Entretien avec M.Georges Zapolsky. le 6 novembre 2012, Toulon; Entretien avec Mme Natacha Babotchenko. le 27 avril 2013; Entretien avec Mme Tatiana Evfimieff. le 27 avril 2013; Entretien avec M. Youry Klimoff. le 17 mai 2013, Toulon; Entretien avec M. Philippe Koutseff. le 26 mai 2013, Toulon.

²Aprile S. Réflexions sur le temps en politique : l'exemple de l'exil // Revue d'histoire du XIXe siècle [En ligne], 25 | 2002, mis en ligne le 29 juin 2005, consulté le 28 janvier 2015. URL: http://rh19.revues.org/428; DOI: 10.4000/rh19.428 (Πep c фр. – M.P.).

³Ibid.

расселения в изгнании наполнен идеями скорого и обязательного возвращения на родину, прежде чем наступает осознанный этап адаптации и интеграции в принимающее общество, а затем период осмысления и сохранения памяти о жизни в изгнании. Данный процесс исследуется на примере группы эмигрантов, демонстрирующей сильные формальные и неформальные связи внутри колонии.

Для детального исследования истории образования русской эмигрантской общины был сделан выбор в пользу микроистории¹, что позволило изучить процесс формирования и развития русской эмигрантской колонии Тулона в указанный период в конкретном эконономическом, политическом и социокультурном контексте.

Кроме того, изучение истории эмигрантов требует от исследователя самого пристального внимания к проблемам истории ментальностей². Настоящее понятие изучалось впервые в рамках такого научного направления как «школа Анналов». Для изучения российской военной эмиграции менталитет можно считать одним из основных факторов понимания миграционных процессов³. Для того, чтобы проанализировать опыт отдельных лиц, используя зафиксированные ими образцы материальной и духовной культуры, изучалась частная переписка, литературные и публицистические произведения.

При работе с фотографическими изображениями использовались методы визуальной антропологии⁴, которая интерпретирует различные изобразительные тексты как средства трансляции повседневной культуры.

Что касается практического применения научных подходов и методов исследования, то наиболее эффективным способом решения обозначенной научной проблемы представляется их сочетание.

Научная новизна исследования определена вводом в научный оборот

¹Ginzburg C. Le fromage et les vers. L'univers d'un meunier du XVIe siècle. Paris, 1980.

²Burguière A. L'École des Annales. Une histoire intellectuelle. Paris, 2006; Lepti B. Certaines questions générales de l'interdisciplinarité // Les discussions sur l'essentiel, les discussions sur le présent et sur le futur de la science historique autour de l'école des «Annales». M., 1993. P. 71-75.

³Pivovar E. I. L'étranger russe comme un phénomène social et culturel: son rôle et sa place dans l'héritage historique et culturel. Moscou, 2011. P.24.

⁴См.: Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов, 2007.

большого количества архивных документов из государственных и частных архивов Франции и России. Также научная новизна диссертации состоит в том, что это первая работа, в которой применяется комплексный подход к изучению истории создания и развития русской эмигрантской колонии в Тулоне в 1920 — 1930-е гг., которая рассматривается как целостное явление на основе анализа фактов во всех их совокупности и взаимосвязи.

Русская община Тулона исследуется во всех её аспектах и проявлениях — политическом, социально-адаптационном, культурно-идеологическом. В диссертационном исследовании впервые на основе значительного комплекса источников изучены количественный и социальный состав русской общины, показаны условия и формы социальной и экономической адаптации и интеграции русских военных эмигрантов. Впервые на примере небольшой региональной колонии показана разнообразная культурная и интеллектуальная деятельность русских эмигрантов по сохранению национальной культуры и идентичности.

К **основным положениям** диссертационного исследования, **выносимым на защиту**, относятся:

- 1- Создание русской военной эмигрантской колонии в Тулоне стало следствием сложной и быстро меняющейся дипломатической политики в отношении русских беженцев, находящихся в Константинополе после Крымской эвакуации 1920 г. Первоначальный план дислокации русской эмиграции в Бразилии претерпел существенные изменения, в результате чего группа русских военных моряков оказалась во Франции и в августе 1921 г. получила разрешение на проживание в Тулоне. Таким образом, ими была образована русская община в городе, с котором Россиию связывало плодотворное и длительное сотрудничество в военно-морской сфере во второй половине XIX начале XX вв.
- 2- Политический и социально-экономический контекст жизни в Тулоне в начале 1920-х гг. соответствовал общим тенденциям развития послевоенной Франции, остро нуждающейся в рабочей силе для развития промышленности и сельскохозяйственного производства. Специфика Тулона как самой большой базы

военно-морского флота определяла наличие в городе предприятий в сфере кораблестроения, вокруг которых происходило развитие тулонской городской агломерации в исследуемый период.

- 3- К основным факторам, определившим положительный характер процесса адаптации и интеграции русских военных эмигрантов в Тулоне в 1920-1930-е гг. относятся общие меры социально-экономической политики Франции в первые послевоенные годы, высокая степень мотивации самих русских эмигрантов, их профессионализм, хорошая квалификация и аполитичность. Также важно отметить разработку и внедрение в юридическую практику комплекса административных документов, способствующих юридической интеграции эмигрантов. Общественное мнение по отношению к русским военным беженцам, несмотря на то, что в них видели недавних союзников по Первой мировой войне, в целом, было настроено достаточно сдержанно, но не отрицательно.
- 4- В процессе адаптации и интеграции в принимающее общество община, созданная русскими военными эмигрантами в Тулоне в 1920 1930-е гг., представляла собой сообщество, где коммунитарные связи были основаны на принадлежности к общему корпоративному миру, сохранении национальной идентичности через повседневное использование родного языка, религиозные практики и различные формы культурно-образовательной деятельности.
- 5- В 1920 1930-е гг. Тулон стал одним из региональных центров русской военной эмиграции во Франции. Несмотря на то, в указанный период численность русской колонии не была значительной, русские эмигранты продемонстировали высокую степень экономической интеграции, активно включившись в трудовую деятельность. Отсутствие в Тулоне крупного промышленного предприятия, осуществлявшего найм иностранцев, как это было в некоторых других регионах Франции, повлияло на выбор профессий беженцев, искавших работу в различных сферах занятости. Кроме того, данный факт определил особенности расселения русских эмигрантов в городе не существовало русского квартала. В то же время наблюдались некоторые ограничения в сфере профессиональной интеграции:

невозможность продолжить службу во французском флоте и армии, а также в связанных с ними организационных структурах.

6- Русские военные эмигранты в Тулоне создали разнообразную сеть общественных профессиональных, культурно-образовательных и религиозных структур, включенных в систему подобных им организаций и составивших институциональную основу военного зарубежья во Франции в 1920 — 1930-е гг. Представители тулонской общины организовывали многочисленные мероприятия историко-культрного характера, участвовали в научной и литературной деятельности русского военного зарубежья, тем самым способствуя сохранению многих культурных традиций и профессиональных знаний в условиях изгнания.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в применении принципов микроисторического анализа для изучения диаспоры русских военных эмигрантов на примере общины в г. Тулон в 1920 – 1930-е гг. В настоящем диссертационном исследовании затронуты вопросы, связанные с феноменом создания региональной эмигрантской колонии, где стихийный, почти случайный характер иммиграционного процесса, опирается на мощные исторические традиции торгово-экономического и военного сотрудничества.

Комплексный подход к анализу социокультурной деятельности русских эмигрантов Тулона позволил выявить определенные закономерности процесса адаптации и интеграции русских эмигрантов в 1920 — 1930-е гг. во Франции. Данный подход может найти применение как при характеристике русских эмигрантских колоний в различных регионах, так и при сравнительном анализе деятельности иностранных диаспор иммигрантов.

Практическое значение работы состоит в возможности использования материалов диссертации для дальнейших исследований в рамках обозначенной тематики. Результаты работы могут быть использованы при подготовке научных исследований и публикаций в области отечественной истории первой половины XX века, истории эмиграции. Также результаты диссертационной работы могут быть использованы при подготовке учебных курсов и семинарских занятий по

истории России, при разработке специальных курсов по истории русской армии и флота, истории русского зарубежья на исторических факультетах средних и высших учебных заведений.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования отражены в пятнадцати публикациях общим объемом 6,9 печатных листа, пять из которых опубликованы в журналах, входящих в список изданий, рекомендованных ВАК для апробации результатов научных исследований. Идеи исследования были представлены на различных научных конференциях и форумах, в том числе международных. Диссертация обсуждалась и была рекомендована к защите на кафедре отечественой истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

Структура диссертационного исследования. В соответствии с поставленными целями и задачами в основу диссертации положен проблемно-хронологический принцип исследования. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на одиннадцать параграфов, заключения, списка источников и литературы, списка таблиц и иллюстраций, приложений.

ГЛАВА І.

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ОБЩИНЫ В ТУЛОНЕ

1.1. Русско-французский альянс второй половины XIX – начала XX вв.

Русско-французские отношения в военно-морской сфере начались с катастрофы: верхняя площадка Королевской башни в Тулоне хранит следы первого пребывания в городе русских моряков. Две русские чугунные пушки взяты с обломков военного корабля «Слава России» под командованием капитана Ивана

Баскакова, который 11 ноября 1780 года в результате лоцманской ошибки врезался в один из мысов Левантского острова, позже названного «Русским мысом»¹. Спасенные офицеры и матросы, 457 членов экипажа, впоследствии вернулись в Россию. Подводные раскопки, проведенные по инициативе частных французских инвесторов, на глубине 40 метров в 1957 году, а затем в 1980-1981 годах, позволили найти большое количество различных предметов (пушки и пушечные ядра, бронзовые иконы, складки, посуду, монеты)²; ежегодно на островах Поркероль в окрестностях Тулона проводятся выставки, посвященные истории этого корабля.

На протяжении XIX столетия во взаимоотношених России и Франции этапы боевых действий сменялись дружественными визитами. Военно-морское сотрудничество между двумя странами в рамках союза «Entente cordiale» формировалось постепенно, начавшись с партнерства в экономической сфере, так как Российская империя строила и ремонтировала десятки военных судов на верфях в Ла Сейн-сюр-Мер рядом с Тулоном, затем этот союз получил развитие с соответствующими визитами эскадр в 1891 и 1893 годах. С конца 1950-х гг. XIX века в Тулоне постоянно функционировало русское Императорское консульство, расположенное на улице Жан-Жорес, д.50 и управляемое г-ном консулом Марциалом Дражоном. Консульские службы активно участвовало во французскороссийских морских делах (встреча судов, административные вопросы, переписка Префектурой), а также обеспечивали визовое обслуживание Морской иностранных пассажиров, выезжающих в Россию³.

Экономическое сотрудничество, а также политическая обстановка в Европе повлияли на процесс заключения двустороннего договора между двумя странами. После окончания Крымской войны императорская Россия, в основном, была

¹SHD Toulon. Série 1A. Sous-série 1. Carton 125. Correspondance Préfet Maritime. 1780.

²Dumas A. Trente siècle sous la mer. Paris, 1972; Guerout M. Les icônes de la « Slava Rossii », contexte historique et archéologique // Parc National de Port-Cros. 1993. № 15. P. 28-54; Joncherey A. et J.-P. 100 épaves en Côte d'Azur de la Ciotat à Saint-Tropez. Gap, 2007.

³Некоторые документы, касающиеся истории российского Императорского консульства в Тулоне, хранятся в архиве Военно-исторической службы Министерства обороны Франции в Тулоне (SHD Toulon. Série 2A. Sous-série 6. Carton 310; Série 2D. Sous-série 10. Carton 21) и в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. Р5903. Оп.1. Д. 44, 527).

заинтересована в сбалансированной ситуации на Западе европейского континента, Франция, стремившаяся поддерживать существующий баланс сил и сохранить свои колонии, казалась перспективным союзником.

В ходе Крымской войны 1853-1856 гг. военно-морские силы Российской империи были практически уничтожены. Черноморский флот уже не существовал, Балтийский флот сильно пострадал, сохранив в своем составе несколько устаревших парусных судов. Тулон являвшийся главным портом высадки войск, погрузки оружия и продовольствия для военно-морского флота и армии в 1856 году после заключения мирного договора принял русских военнопленных, которые работали в городе над строительством казарм в квартале Мурийон.

Двустороннее экономическое сотрудничество между двумя странами началось практически сразу после окончания военных действий. Великий князь Константин, ставший во главе военно-морского флота, обратил своё внимание на европейские судостроительные программы, прежде всего, британские и французские. Однако для строительства кораблей нового типа требовалась промышленность и ресурсы, которыми Россия не обладала. Великий князь обратился к практике размещения военных заказов за границей.

Компания «Форж и Шантье де ля Медитерранэ» созданная специальным указом императора 21 мая 1856 года с самого начала своей деятельности вышла на международный уровень: в 1857 году Россия разместила здесь свои первые заказы. В январе 1857 года Тулон посетили фрегат «Полкан» и бриг «Филоктет», подготовившие официальный визит великого князя. Через три месяца небольшая эскадра кораблей Балтийского флота под командованием Его Императорского Высочества великого князя Константина, младшего брата царя Александра II, бросила якорь на тулонском рейде.

¹Maushart E. 1891-1893, L'alliance franco-russe. L'escadre russe à Toulon, Bandol, Ollioules, Hyères, Saint-Tropez. Toulon, 2016.

²Badoin L. Histoire de la Seyne, annexe III Histoire maritime. Société des Amis de la Seyne ancienne et moderne, 1965; Vasseur L.-M. Les principaux chantiers de construction navale sur les côtes de la Méditerranée française [La Seyne-Sur-Mer — La Ciotat — Port De Bouc]. Méditerranée. 2º année. 1961. № 3. doi: 10.3406/medit.1961.1008: http://www.persee.fr/doc/medit_0025-8296 1961 num 2 3 1008.

Утром 21 апреля, великий князь посетил тулонский Арсенал, 26 апреля он отправился на судостроительные верфи в Ла Сейн, самые большие в Европе того времени, там трудилось более двух тысяч рабочих. Константин Павлович принимал участие в закладке киля парохода, предназначенного для новой российской судоходной и торговой компании в Средиземном и Чёрном морях. Год спустя он также присутствовал при спуске судна, названного «Кириналь» (Рисунок 1.). «Ла Сейн – это живописный городок, расположенный на пляже к западу от Тулона, ... Именно здесь компания «Форж и Шантье де ля Медитерранэ» создала один из самых активных строительных центров и, скажем, один из самых известных по величию и красоте кораблей, которые находятся в её доках. Великий князь Константин пожелал посетить этот городок ... Главное событие дня – спуск на воду нового судна "Кириналь", принадлежащего российской императорской курьерской компании. Увы! как было отмечено единодушным голосом толпы, это было не только освящение "Кириналя", это было всеобщее водолитие. ... Тем не менее, церемония завершилась благополучно, г-н настоятель Макро, капеллан флота, смешал люстральную воду с потоками ливня! Великий князь присутствовал течение всей религиозной церемонии причем с непокрытой головой! Великолепный, элегантный корабль триумфально вознесся над волнами»¹.

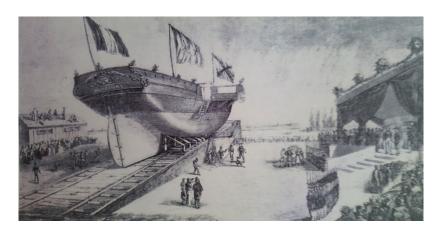

Рисунок 1. Спуск парохода «Кириналь» в Ла Сейн 26 апреля 1857 года.

 $^{^{1}\}text{Cit\'e}$ in: Mongin L. Toulon, sa rade, son port, son arsenal. Marseille, 1904. P. 42 (Пер. с фр. – M.P.).

Тем не менее, политика государственных заказов военных и торговых судов за рубежом не продлилась долго. Император Александр II в 1866 году объявил о прекращении всех зарубежных покупок, посчитав, что все необходимые работы должны проводиться внутри страны под контролем военного ведомства, а также Министерства внутренних дел.

Франко-прусская война 1870 — 1871 годов существенно изменила распределение сил в Европе и ускорила процесс официального оформления русскофранцузского партнёрства¹. 1 августа 1892 года в Санкт-Петербург прибыл заместитель начальника Генерального штаба Франции генерал-майор Рауль де Буаддеффр. Начались переговоры по военной конвенции, проект которой был подписан 17 августа 1892 года и представлен императору России и президенту Франции². Конвенция была ратифицирована Александром III 27 декабря 1893 года; правительство Франции ратифицировало её через несколько дней, 4 января 1894 года, предварительно предприняв попытку договориться о дополнительном военно-морском соглашении, но безуспешно. Документ был оформлен только в 1910-х годах XX века, в процессе реформирования Россией флота, основательно пострадавшего в годы русско-японской войны 1904 — 1905 годов³.

Переговоры, проведенные Обручевым, позволили организовать взаимные визиты французской и российской эскадр. Летом 1891 года эскадра французского военно-морского флота под командованием контр-адмирала Альфреда Жервэ посетила с официальным визитом Кронштадт. Через два года, русская эскадра отправилась во Францию с ответным визитом. В качестве главного военного порта

¹Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М.,1975; Павленко А.П. Разработка и реализация новых оснований морской политики России в начале XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток. 2010. № 4. С. 60.; Korobov Yu. Les relations militaires franco-russes de 1870 au lendemain de la guerre russo-japonaise // Revue historique des armées [En ligne], 245| 2006, mis en ligne le 25 novembre 2008, consulté le 30 septembre 2016. URL : http://rha.revues.org/5612; Renouvin P. Les relations franco-russes à la fin du XIXe siècle et au début du XXe siècle [Bilan des recherches] // Cahiers du monde russe et soviétique. Mai 1959. Vol. 1. № 1. P. 128-147.

²Maushart E. 1891-1893. L'alliance franco-russe. L'escadre russe à Toulon, Bandol, Ollioules, Hyères, Saint Tropez. Toulon, 2016.

³Documents diplomatiques. L'alliance franco-russe: Origines de l'alliance, 1890-1893; Convention militaire 1892-1899 et Convention navale 1912. Paris, 1918. P. 12.

город Тулон играл важную роль в международных отношениях и именно он с 13 по 23 октября 1893 года приветствовал российскую эскадру под флагом адмирала Федора Карловича Авеллана. Появление на тулонском рейде броненосных крейсеров «Адмирал Нахимов» и «Память Азова», крейсера «Рында» и канонерской лодки «Терец» ознаменовало исторический момент появления у Франции союзника в Средиземномном море.

Пребывание русских моряков «оставляет незабываемые воспоминания в коллективной памяти тулонцев»¹. Популярность России и царя оставалась значительной. После смерти Александра III в 1894 году Тулон и Париж скорбили вместе. В 1895 году город с радостью приветствовал дар адмирала Авеллана и офицеров русской эскадры: статую русского моряка в знак признания и увековечивания памяти о тёплом приёме. 22 октября 1895 года набережная тулонского порта стала называться Кронштадской².

Также во время правления царей Александра III и Николая II возобновилось экономическое партнерство. Будучи обеспокоена растущим развитием немецких и японских морских сил, Россия в конце XIX века предпринимала значительные усилия по модернизации своего флота. Российская промышленность, хотя и в полной мере развивающая свои возможности, была не в состоянии удовлетворить все необходимые требования. Санкт-Петербург вынужден вновь обратиться к иностранным судостроителям. Российско-сейнское партнерство возобновилось в начале 1880-х годов со строительством военных судов для различных структур флота (Таблица 1.).

Таблица 1.

Список военных судов российского флота, построенных на верфях в Ла Сейн-сюр-Мер с 1857 году в 1905 гг.³

¹AM Toulon. Délibération du Conseil municipal du 23 octobre 1893 (Περ. c φp. – M.P.).

²Néptunia. Cadeaux des Tsars. La diplomatie navale dans l'alliance franco-russe 1891-1914. Musée National de la Marine, Les Amis du Musée national de la Marine. Numéro Hors-série «Patrimoine, histoire et culture maritimes». Paris, 2010. P. 22.

³SHD Toulon. Série 2A. Sous-série 6. Carton 273-274. Correspondance du Préfet Maritime, 1908-1916.

«№"	Название	Тип	Год (начало	Флот (прохождение службы)
			строительства)	
1.	Кириналь	колесный пароход	1856	Императорская курьерская компания
2.	Эльбрус	пароход	1857	Российская судоходная и торговая
				компания
3.	Керчь	пароход	1857	Российская судоходная и торговая
				компания
4.	Великий князь	пароход	1857	Российская судоходная и торговая
	Константин			компания
5.	Колхида	пароход	1857	Российская судоходная и торговая
				компания
6.	Ярославль	крейсер	1880	Черноморский флот
7.	Ботик Ведетта	крейсер	1886	Черноморский флот
8.	Светлана	крейсер	1895	Балтийсий флот, Тихоокеанский флот
9.	Геленджик	миноносец	1882	Черноморский флот
10.	Осётр	эскадренный миноносец	1898	Тихоокеанский флот
11.	Властный	эскадренный миноносец	1898	Тихоокеанский флот, Балтийский флот,
				Сибирская флотилия
12.	Грозный	эскадренный миноносец	1898	Тихоокеанский флот, Балтийский флот,
				Сибирская флотилия
13.	Искусный	эскадренный миноносец	1904	Балтийский флот
14.	Исполнительный	эскадренный миноносец	1904	Балтийский флот
15.	Крепкий	миноносец	1904	Балтийский флот
16.	Лейтенант Бураков	миноносец	1904	Балтийский флот
17.	Меткий	миноносец	1904	Балтийский флот
18.	Молодецкий	миноносец	1904	Балтийский флот
19.	Мощный	миноносец	1904	Балтийский флот
20.	Цесаревич	эскадренный броненосец	1895	Тихоокеанский, Балтийский флот
21.	Баян	броненосный крейсер	1898	Балтийский флот
22.	Адмирал Макаров	броненосный крейсер	1905	Балтийский флот

В первые годы XX столетия русско-французские связи в военно-морской сфере выходят на новый уровень. Ещё накануне русско-японской войны 1904-1905 годов распространенной была практика использования русскими моряками французских портов, как мест для проведения маневров и небольших учений. В ноябре-декабре 1903 года колониальный порт Бизерта принимал специальный отряд русских военных кораблей под командованием Андрея Андреевича Вирениуса, который затем отправился в Тихий океан. Один из крейсеров эскадры, «Дон», первый из российских кораблей вошёл во внутреннее бизертинское озеро для того, чтобы осуществить серию торпедных выстрелов 1. Долгосрочная парковка

 1 Русская эскадра. Прощание с Императорским флотом / под ред. А.Ю. Емелина. М., 2015. С. 56.

в Бизерте оказалась фатальной: отряд не успел добраться до Дальнего Востока, чтобы напасть на Японию и укрепить силы Тихоокеанской эскадры. 20 декабря 1906 года в Бизерту прибыл Отдельный гардемаринский отряд под командованием контр-адмирала Ивана Федоровича Бострема. Корабли находились на озере в течение 40 дней. Отряд выполнял рейдовые упражнения, организовал гребные и парусные гонки, провёл серию торпедных выстрелов, а также упражнения против ночной атаки торпеды на внешнем рейде. 1 февраля 1907 года эскадра направилась в Тулон для ремонта, а затем вернулась в Балтийское море. В период с 10 по 30 ноября 1907 года гардемаринский отряд вновь посетил Бизерту: проводились учения по артиллерийской стрельбе.

Кроме того, многие суда военно-морского флота России постоянно прибывали в Тулон и Ла Сейн для выполнения необходимых ремонтных работ, отдыха и стоянки (Таблица 2.). Российское Императорское консульство в Тулоне обеспечивало поддержку в решении вопросов административного характера¹. Благодаря документам, хранящимся в Военно-историческом архиве Министерства обороны, мы можем рассмотреть один из примеров такого плодотворного сотрудничества: в октябре 1910 года в порт вошёл российский дивизион, состоящий из крейсеров «Рюрик», «Богатырь» и «Цесаревич». Командир, контрадмирал Николай Степанович Маньковский, хотел бы запастись водой и провести небольшой технический ремонт судна. Российский консул в Тулоне Марциал Дражон обратился к Морскому префекту: «11 октября 1911 года ... Российский дивизион находящийся на стоянке на малом рейде, отплывает в четверг утром, я обращаюсь к Вам от имени г-на контр-адмирала Маньковского, попросить Вас о последней услуге: добросердечно предоставить трём крейсерам ... средства снабжения пресной водой для обеспечения их нужд до прибытия в де Виго»².

Таблица 2.

¹После революционных событий консульство продолжало функционировать, предоставив административную поддержку российским морякам-эмигрантам, проживающим в Тулоне. Завершение его деятельности произошло в 1925-1926 годах.

²SHD Toulon. Série 2D. Sous-série 10. Carton 21. Correspondance. Major Général. 1910 (Пер. с фр. – М.Р.).

Военные корабли российского флота в Тулоне, 1908-1916 гг. 1

	Название	Тип	Год	Виды работ
			(пребывание в Тулоне)	
1.	Полтава	линкор	1908	заправка углём (250 тонн)
2.	Слава	линкор	1910	ремонт (котлы, гидравлические работы)
3.	Аскольд	линкор	1911	заправка пресной водой (250 тонн)
4.	Слава	линкор	1911	заправка пресной водой (250 тонн)
5.	Адмирал Макаров	линкор	1911	заправка углём, ремонт котлов и
				подсобных помещений
6.	Дивизион : Рюрик, Богатырь,	крейсеры	1911	стоянка, общий ремонт, заправка пресной
	Цесаревич			водой, ремонт подсобных помещений
7.	Россия	крейсер	1914	стоянка, общий ремонт, ремонт
				подсобных помещений, доставка и
				погрузка товаров
8.	Олег	крейсер	1914	стоянка, доставка и погрузка товаров
9.	Аскольд	крейсер	1916	замена артиллерийских орудий, установка
				миномётов, снабжение боеприпасами,
				покупка и доставка спасательных плотов
10.	Ярославна	сторожевое судно	1916	общий ремонт, переоборудование в
				посыльное судно военного времени,
				установка вооружения, испытательные
				стрельбы

После начала Первой мировой войны российские корабли продолжали заходить в порт Тулона. Партнерство приняло военный характер установка артиллерийского и минометного вооружения, ремонт пушек, организация маневров и артиллерийских стрельб.

Кроме того, в начале XX в. русско-французский союз укрепилсяся через двустороннее сотрудничество Военно-морских штабов, конечным результатом которого стала военно-морская конвенция 1912 года. Вспоминая о великолепном и громком приёме, организованном жителями Тулона для своих русских гостей в 1893 году, российское правительство стремилось укрепить свой союз с Францией. Весной 1902 года вице-адмирал Алексей Алексеевич Бирилёв сформулировал идею заключения русско-французской военно-морской конвенции. Изучив ситуацию в Средиземном море в период своего командования специальным отрядом кораблей, 13 апреля 1902 года, Бирилёв подал записку на имя императора. По мнению вицеадмирала, России был необходим более тесный союз с Францией, так как, не имея

¹Ibid.

собственных баз в Средиземном море, она могла бы получить их в Тулоне и Бизерте. При этом Россия имела бы возможность контролировать транспортные коммуникации всех своих потенциальных противников в Средиземном море. Однако рассуждения Бирилева не были приняты во внимание в связи с отсутствием какого-либо интереса со стороны Франции по данному вопросу. Идея военноморского соглашения была отложена.

Тем не менее, Адмиралтейство не желало останавливаться только на Бизерте, которая считалась удобным местом для обучения молодых моряков в зимний русско-французской военно-морской период. Идея конвенции переосмыслена. Реализация большой судостроительной программы в рамках общей реформы военно-морских сил побудила Морское министерство империи начать переговоры с Францией. В июле 1912 года в Париже состоялись переговоры между главами военно-морских штабов двух стран. Конвенция была подписана 6 июля 1912 года¹. Стороны рассмотрели несколько вариантов стратегических совместных действий в случае начала войны. Ситуация во внешней политике была неясна, некоторые события зависели от того, вступят или не вступят в возможную войну Италия и Турция против Австрии-Венгрии. Предполагалось, что порт Бизерта является лучшим местом для базирования французского флота, Россия подтвердила свою готовность использовать его в качестве тренировочной базы. Кроме того, российская сторона дала обещание своим союзникам направить на помощь в Средиземное море бригаду мощных линкоров типа «Измаил», ввод которых в эксплуатацию был запланирован на 1915 год.

Французское общественное мнение пристально следило за развитием событий и ответило серией публикаций, превозносящих русско-французское соглашение: «Париж, 2 августа — как мы телеграфировали вам вчера вечером, информация ... относительно русско-французского военно-морского соглашения была неофициально подтверждена. В последние годы стала очевидной важность

¹Documents diplomatiques. L'alliance franco-russe: Origines de l'alliance, 1890-1893; Convention militaire 1892-1899 et Convention navale 1912. Paris, 1918. P. 12.

того, чтобы две страны пришли к согласию в сфере военно-морского сотрудничества. Подобное значительное усиление русско-французского альянса — это лучший ответ, который можно было бы сделать на комментарии со стороны Германии по поводу ненужности российского Балтийского порта. Учитывая напряженность наших отношений с Англией, очевидно, что правительство Лондона было проинформировано о переговорах и проектах двух штабов»¹.

В рамках развития военно-морского альянса глава Генерального штаба Военно-Морского флота адмирал Александр Иванович Русин вместе со своими помощниками посетил Тулон с 24 по 27 июня 1914 года с целью обсудить некоторые вопросы сотрудничества флотов в случае войны с Тройственным союзом. В переписке Морского префекта Тулона уточнялся состав российской делегации: адмирал Русин, капитан 1 ранга Пилкин, капитан 2 ранга Дмитриев, капитан 2 ранга Смирнов, капитан 2 рага Мищенко, капитан 2 ранга Егорьев, старший лейтенант Апрелев².

Русских офицеров пригласили принять участие в маневрах французского военно-морского флота, им продемонстрировали множество различных секретных приборов. Один из членов делегации, старший лейтенант Борис Апрелев, вспоминал об этом визите «... Я упомяну только, что вопросов стратегического характера ни с той, ни с другой стороны не имелось; нас взаимно интересовали, главным образом, тактически-организационные принципы наших флотов и их технические особенности. Мы имели богатый опыт русско-японской войны, у французов была прекрасная техника. ... Адмирал А.И. Русин ... предложил адмиралу Пивэ обсудить вопрос о том, не будет ли для Франции желательным, чтобы наша бригада строящихся линейных крейсеров типа «Бородино» ... была бы по готовности переведена в Средиземное море»³. Данное предложение вызвало живую поддержку и интерес среди членов французского штаба. Практические

¹Journal de Roubaix. Samedi 3 août. 1912 (Πep. c φp. – M.P.).

²SHD Toulon. Série 2A. Sous-série 1. Carton 1825. Correspondance. Ministre de la Marine. Étatmajor général, 1914.

 $^{^{3}}$ Апрелев Б. О «Гебене» в Великую войну 1914-1918 гг. // Зарубежный морской сборник. 1930. № 9. С. 39-40.

результаты подобного сотрудничества были очевидны: Франция выиграла бы, используя в ходе своих учений лучшие из русских военных судов, а Россия имела бы возможность постоянно присутствовать в средиземноморском регионе и парализовать деятельность немецкого флота. Вице-адмирал Пивэ, глава себя обязательство французского штаба, ВЗЯЛ на построить Тулоне специализированную базу для размещения русского морского дивизиона, который должен был стать частью 1-й Военно-морской бригады. После переговоров в Тулоне вице-адмирал Русин встретился в Париже с президентом Франции Ф. Пуанкаре, проявившим глубокий интерес к срокам строительства и некоторым элементам вооружения и оснащения новых российских судов. Начало Первой мировой войны помешало реализации всех планов союзников.

В годы Первой мировой войны двустороннее сотрудничество России и Франции, опиравшееся на уже богатый опыт взаимодействия в военной сфере, обрело новые формы. В 1914 – 1918 гг. тулонская городская агломерация входила в состав в XV военного округа. Военно-морская база и Арсенал стали базой военно-морских сил союзников в Средиземном море; через тулонский рейд прошли тысячи военных кораблей, их экипажей и пассажиров, будь то французские комбатанты, союзники, или гражданские лица в составе делегаций (дипломаты и журналисты). На верфях тулонского пригорода Ла Сейн-сюр-Мер французские и китайские рабочие участвовали в строительстве и ремонте не только военных судов, но и железнодорожных вагонов¹.

В городе функционировали 14 временных военных госпиталей, среди которых и русский госпиталь в Ла Сейн-сюр-Мер². Занявший помещения пансионата Сент-Мари, госпиталь, рассчитанный на 550 коек и имевший собственную операционную, получил статус дополнительной больницы №4. 7

¹Regnard C. Les travailleurs chinois de la Grande Guerre – l'exemple de la Seybe-sur-Mer // Regards sur l'histoire. Traces et mémoire de la Grande Guerre sur le front occidental et le front d'Orient. Var. 2015. № 15. P. 30-33.

²Marcellesi D. Soins des malades et des blessés à La Seyne: institution de la Sainte-Marie et l'hôpital russe // Regards sur l'histoire. Traces et mémoire de la Grande Guerre sur le front occidental et le front d'Orient. Var. 2015. № 15. P. 22.

января 1917 года первые раненые русские солдаты прибыли в Ла Сейн. 10 марта 1917 года тулонский еженедельник «Le Petit Var» (Маленький Вар) опубликовал заметку о преобразовании дополнительной военной больницы №4 в Русскую больницу: «Императорское общество Красного Креста под председательством Его Величества Императрицы решило создать больницу для лечения офицеров и солдат русской армии, находящихся на Восточном фронте. Выбор пал на пансионат Сент-Мари»¹. Больницей руководил врач первого класса Пётр Белавенец; по данным муниципального архива к больнице были прикомандированы четыре доктора, фармацевт, два офицера для решения административных вопросов, переводчик, семнадцать медсестёр и семьдесят четыре медбрата, все русские². Больница в Ла Сейн предназначалась для лечения русских офицеров и солдат 2-й специальной бригады (3 и 4 полка) и 4-й специальной бригады (7 и 8 полка) Русского экспедиционного корпуса, которые сражались вместе с союзниками против болгар и австро-турок после подписания императором Николаем II в мае 1916 года специального протокола о взаимодействии. Всего триста тридцать шесть русских солдат и офицеров, доставленных с передовой, были госпитализированы в этой больнице, семьдесят два человека скончались от ран и инфекционных болезней и были похоронены на военном кладбище в Ла Сейн³.

Кроме того, при необходимости, лечение в госпитале в Сент-Мари проходили русские моряки, офицеры транспортных и коммерческих судов, находящихся на рейде в Марселе. Так, в своём письме-обращении на имя капитана 1 ранга В.И. Дмитриева, военно-морского агента в Париже, помощник капитана парохода «Императрица Екатерина Вторая» Кирилл Эммануилович Желадов сообщил, что в ноябре 1917 г. проходил лечение в русском госпитале в Ла Сейн,

¹Le Petit Var. le 10 mars. 1917 (Πep c фp. – M.P.).

²Marcellesi D. Soins des malades et des blessés à La Seyne: institution de la Sainte-Marie et l'hôpital russe // Regards sur l'histoire. Traces et mémoire de la Grande Guerre sur le front occidental et le front d'Orient. Var. 2015. № 15. P. 23.

³Idem. P. 24.

находится на реабилитации, и через генерального консула просил посредничества в переписке с французскими властями в Марселе по выплате ему суточных денег¹.

Отдельной, и весьма важной, формой сотрудничества двух стран стали стажировки и служба офицеров флота в Морских префектурах Тулона, Марселя и Бреста, а также наём русских экипажей. Прежде всего, необходимо отметить, что практика организации служебных командировок по обмену опытом появилась в 1900 г. по инициативе французской стороны. Как установила в своей работе исследовательница М. Авис-Анун, французские офицеры-стажёры направлялись в армейские корпуса или училища для сбора сведений о русской армии². Первоначально поездки носили личный характер, но с 1908 г. французским военным, приезжающим в командировки в Россию, стало выплачиваться жалованье.

Первые достоверные сведения о стажировках офицеров военно-морского флота относятся к 1911 году. Так, в специальной депеше, адресованной Морскому Префекту Тулона, вице-адмирал Ля Брис, начальник Генерального Военно-морского штаба Франции, сообщал, что русский «капитан 1 ранга Весёлкин, командир крейсера "Бородино", получил разрешение на пребывание в течение трёх-четырёх дней на борту крейсера "Париж", прибывающего в Ла Сейн. Командиру корабля Вёселкину, который у себя в стране является членом Комитета по судостроительству, поручено изучить повседневные условия жизни на борту»³. Автор депеши также специально отмечал, что профессиональные интересы русского капитана никак не затрагивают вопросов, связанных с судовой артиллерией и организацией боевых учений.

Отдельной плодотворной формой сотрудничества следует считать наём русских морских офицеров и экипажей на французскую службу. По данным документов, сохранившихся в Российском государственном архиве Военно-

¹ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 81. Л. 111-111об.

²Avice-Hanoun M. Les relations stratégiques franco-russes de 1892 à 1914. Thèse de doctorat. Paris, 2001. P. 425-434.

³SHD Toulon. Série D1. Sous-série 2. Carton 99. Dépêche adressée par le Ministre de la Marine au Préfet Maritime de Toulon, le 3 juillet 1914 (Περ c φp. – M.P.).

морского флота, в 1918–1919 гг. для прохождения службы в различных административных подразделениях военно-морских сил Франции были направлены пятьдесят шесть русских моряков. Так, согласно приказу от 16 августа 1918 г., лейтенант Любимов поступал в распоряжение Морского Префекта Тулона, а лейтенант Смиренский должен был предстать перед начальником отряда тральщиков в Марселе.

В 1919 г. с целью обеспечения взаимодействия с командованием Французского Оккупационного корпуса в Константинополе была создана Русская военноморская база. После крымской эвакуации специалисты базы занимались вопросами размещения и сохранности русских кораблей в Константинополе, наймом экипажей, использованием русских судов французскими и турецкими властями. Для работы в штабе Оккупационного корпуса нанимались русские морские офицеры, выполнявшие функции переводчиков и секретарей-делопроизводителей; они считались поступившими на французскую службу и получали жалованье от властей оккупационного корпуса 1.

Наём русских экипажей практиковался не только в Константинополе, но и в других портах пребывания русских кораблей военного и торгового флота. О практических аспектах данного сотрудничества мы можем судить по документам из коллекции Государственного архива Российской Федерации. В своём письмарапорте, адресованном военно-морскому агенту в Париже, командир парохода «Чихачёв» сообщал, что специальным распоряжением морского министра все русские корабли, находящиеся на марсельском рейде, были «переведены под французский флаг. ... Офицеры остались, плюс офицеры с "Екатерины", вернувшиеся из отпуска. Живут на берегу. ... Начальник Морского штаба в Марселе заявил мне, что я и мои офицеры, а также и механики с парохода "Императрица Екатерина II", все, давшие свое согласие оставаться на французской службе и на французских условиях, будут находиться в запасе на берегу со следующим месячным жалованием: капитану – 600 франков, старшему офицеру – 350 франков,

¹SHD Toulon. Série C. Sous-série 56. Cartons 61-62. Certificat Androssov. le 5 mars 1921.

2-му офицеру – 250 франков, старшему механику – 500 франков, 2-му механику – 350 франков, 3-му механику – 300 франков, 4-му механику – 250 франков, радиотелеграфисту – 200 франков и с суточными каждому по 8 франков в день. ... Отношение Марины всегда было к нам, морякам, самое великолепное и желательно было бы, чтобы оно таковым и оставалось...»¹. Как правило, русские экипажи нанимались на небольшие новые пароходы, совершавшие регулярные маршруты. Впоследствии, некоторые русские корабли торгового флота² были куплены известной транспортной компанией «Мессажери Маритим» (Messageries Maritimes), выполнявшей пассажирские перевозки. Компания также практиковала наём русских экипажей, имевших репутацию квалифицированных и грамотных специалистов.

Подводя итоги, необходимо отметить, что военно-морское сотрудничество России с базой французского флота в г. Тулон в указанный период претерпело различные периоды не только активного взаимодействия, но и спада в зависимости от меняющейся внешнеполитической и экономической ситуации. Особенно эффективным оно было в сфере военного кораблестроения и использования Россией французских военно-морских баз в Средиземном море для обучения гардемарин, стоянки, ремонта и переоборудования русских кораблей. В начале XX века с подписанием военно-морской конвенции 1912 г. альянс получил документальное оформление и новые перспективы сотрудничества, однако, наметившаяся программа полноценного сотрудничества на уровне военно-морских штабов двух стран не была реализована в связи с началом Первой мировой войны. Тем не менее в годы Первой мировой и Гражданской войн партнерские отношения были сохранены, приняв дополнительные формы сотрудничества в условиях военного времени.

¹ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 81. Л. 156-157.

²CCIM. Série L. Journaux de campagnes d'Odessa, d'Affon, de Jérusalem.

1.2. Истоки и предпосылки формирования русской военной эмиграции в Тулоне

История появления русской колонии в Тулоне неразрывно связана событиями Революции 1917 г. и Гражданской войны на юге России, с историей эвакуированного врангелевского флота, а частности, с военным транспортом «Рион».

Транспорт «Рион» (первое название — «Смоленск») имел замечательную судьбу как военный корабль, и как судно коммерческого транспортного флота. Он был построен в Ньюкасле в Англии в 1901 году по контракту с Добровольным Флотом.

В 1903 году «Смоленск-Рион» совершил несколько переходов между Одессой и Севастополем с целью транспортировки войск. В январе 1904 года судно совершило переход из Одессы на Дальний Восток, после чего 12 апреля 1904 года «Смоленск-Рион» был передан в ведение Министерства Военно-морского Флота для участия в действиях по контролю за кораблями противника. 22 июня 1904 года он покинул Севастополь, имея поддельные документы на груз угля, припасов и артиллерии во Владивостоке. После прохождения под флагом волонтеров турецкого флота проливов и Суэцкого канала в Красном море на судне была приведена в боевую готовность артиллерия и поднят военно-морской флаг. В соответствии с инструкциями экипаж судна проводил инспекцию нейтральных судов для выявления несанкционированных грузов¹.

12 октября 1904 года «Смоленск» был официально включен в список кораблей флота как крейсер II ранга под наименованием «Рион». 11 марта 1904 года корабль покинул Либаву в отряде морской группы капитана I ранга Л.Ф. Добротворского. Вооружение судна состояло из 8-ми 120 мм пушек, 8-ми 75 мм, 4-х 47 мм и двух пулеметов. 2 января 1905 года он вошёл в состав крейсерского отряда 2-ой эскадры Тихоокеанского флота. 12 мая 1905 года «Рион» отделился от

¹Пароход-крейсер«Смоленск». [электронный ресурс]: http://www.retroflot.com/dobrovoljnyj flot/parohodkrejser smolensk.html, доступ 03/03/2013.

основного состава эскадры для проведения операций против вражеских кораблей в южной части Жёлтого моря. 15 мая 1905 г. в 60 милях от мыса Шантунг задержал немецкий пароход «Тетартос», направлявшийся из Отару в Тянцзин с железнодорожными материалами и рыбой, и 16 мая 1905 г. потопил его. 20 мая 1905 г. в 80 милях от Вусунга остановил шедший из Шанхая в Модзи английский пароход «Силурнум». Его груз, состоящий из бобов и хлопка был выброшен за борт, а сам пароход отпущен.

18 июля 1905 г. «Рион» вернулся в Кронштадт. 30 июля 1905 г. исключен из списка судов Морского ведомства и 18 августа 1905 г. возвращен Добровольному флоту с восстановлением наименования «Смоленск». В 1905 – 1906 гг. корабль был капитально отремонтирован в Ньюкасле. 25 июня 1906 г. вышел из Либавы в Нью-Йорк, открыв регулярное движение судов Добровольного флота по данному эмигрантскому маршруту. Однако 10 декабря 1907 г. вернулся в Либаву из последнего рейса через Атлантику, после чего из-за нерентабельности был снят с американской линии. 16 апреля 1908 г. «Рион» прибыл в Севастополь с Балтики, где в октябре 1908 г. в качестве войскового транспорта участвовал в маневрах Черноморского флота, затем был выведен в резерв в Одессе и некоторое время не эксплуатировался 1.

3 июня 1913 г. корабль был продан Морскому ведомству за 350 000 рублей для использования его в качестве базы подводных лодок. 20 июля 1913 г. как учебное судно был зачислен в список судов Черноморского флота с присвоением наименования «Рион». Впоследствии входил в состав учебного отряда Чёрного моря. После начала Первой мировой войны передан Плавучей базе флота, а после сформирования в начале 1915 г. Транспортной флотилии Чёрного моря придан последней для осуществления воинских перевозок. 31 августа 1916 г. в качестве транспорта официально зачислен в состав Транспортной флотилии с присвоением «№ 28». С 01 октября 1916 г. имел «№ 147». В конце 1916 г. получил на вооружение

¹Там же.

два 75-мм орудия. 22 мая 1917 г. перечислен обратно в состав учебного отряда с восстановлением наименования «Рион».

После революции большевиков и начала гражданской войны «Рион» пережил новые перипетии; 1 мая 1918 г. в Севастополе корабль был захвачен немецкими войсками, а 24 ноября 1918 г. – союзниками¹. В феврале 1919 года, включенный в транспортный взвод Военно-морского Флота Вооруженных Сил Южной России, перешёл под командование капитана 1 ранга Анатолия Городыского, который оставался на этом посту и после эвакуации Крыма².

Перед занятием весной 1919 г. частями Красной Армии Крыма корабль готовился к эвакуации. При этом 11 апреля 1919 г. на его борту произошел взрыв бомбы, заложенной подпольщиками. Из находившихся на судне почти 4.000 беженцев погиб 21 и были ранены 79 человек. 16 апреля 1919 г. «Рион» был уведён на буксире из Севастополя в Новороссийск, где из-за плохого состояния использовался как блокшив для жилья семей офицеров флота. В начале 1920 г. был возвращён в Севастополь и отремонтирован.

31 октября 1920 г. «Рион» навсегда покинул порт Севастополя и ушёл в Константинополь. В этот же самый период, в Севастополе генерал Врангель подписал конвенцию, предъявленую ему Верховным комиссаром Франции господином Артелем и адмиралом Дюменилем, в которой он подтвердил своё согласие о передаче эвакуированных армии, флота и своих сторонников под покровительство Франции, предлагая в качестве оплаты расходов на эвакуацию доходы от продажи кораблей военного и гражданского флота.

Вследствие этого соглашения все русские военные и торговые корабли обязались поднять на мачтах французский флаг³. По требованию союзников после прихода в Константинополь многие службы флота были аннулированы, офицеры и матросы списаны на берег. Черноморский флот приказом № II от 21 ноября 1921 года был переименован в Русскую эскадру под командованием адмирала М.А.

¹Там же.

²Там же.

³Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М., 2009. С. 46

Кедрова. В письме В.И. Дмитриеву, последний сообщал, что «главнокомандующий Армией.... Русской обязался передать для эсплуатации французскому правительству весь имеющийся у него казенный тоннаж для покрытия расходов французского правительства на содержание армии и флота. Этот тоннаж Франция обязуется вернуть обратно России по установлении в последней конституционного правительства. ... Прошу должным образом отстаивать сохранение военного флота в неприкосновенности и русского личного состава как на нем, так и на транспортах, передаваемых для эксплуатации французскому правительству. ... Хотя нынешний состав суден нашего Черноморского флота по отсталости его техники не представляет никакого боевого значения не только для будущей России, но и для настоящего момента, но моральной стороной акта сохранения флота и передаче его будущей России я придаю громадное значение»¹.

Тем не менее, французы реквизировали все имущество, вывезенное из Крыма, а также винтовки, пулеметы, гранаты и снаряды. Было отобрано даже продовольствие (зерно, сахар), белье, обмундирование, обувь. Кроме того, необходимо было где-то разместить воинский контингент, не говоря уже о штатских, нужно было прокормить многочисленную массу людей, пусть даже временно. В своем очередном протоколе совещания, контр-адмирал В.Н. Шрамченко, начальник русской базы в Константинополе, обрисовал «ужасное положение офицеров-беженцев и их семей, из которых многие, потеряв все в пути или при отъезде, живут буквально впроголодь, зачастую при полном отсутствии одежды, даже самой необходимой»².

Возвращаясь к судьбе транспорта «Рион», необходимо отметить, что так же как и все другие корабли военно-морских сил Юга России, формально он находился под командованием генерал-лейтенанта М.П. Ермакова, но в действительности все прибывшие в составе эскадры корабли были реквизированы

¹ГАРФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 435. Л. 9, 11.

²ГАРФ. Ф. Р9112. Оп. 1. Д. 5. Л. 136.

администрацией французского Оккупационного корпуса¹. Суда были осмотрены технической комиссией, составлявшей подробные досье с рекомендациями о стоимости, необходимости и объёма ремонтных работ каждого, его практическом интересе для французского флота и возможностях использования². Согласно протоколу реквизиционной комиссии, в Константинополе транспорт «Рион» «появился в хорошем состоянии, хотя его котлы должны быть в обязательном порядке заменены»³. Следует также отметить, что на судне находилось очень много различных грузов и через неделю интенсивной переписки с командованием российского флота французские власти Константинополя позволили вернуть их владельцам: «коммерсанты, у которых есть товары на судне ... "Рион" должны явиться во французскую капитанскую гавань Кэ де Галата в понедельник, 29 ноября 1920 года, с 12 часов. Для получения разрешения на вывоз товаров, они должны располагать всеми необходимыми бумагами, устанавливающими их имущественные права»⁴.

Несмотря на то, что транспорт считался собственностью государственного Секретариата морского транспорта Франции, на нём сохранялся русский экипаж. С первых дней пребывания в турецком порту, русские моряки стремились найти возможность практического использования кораблей для оказания финансовой помощи экипажам. Группа офицеров «Риона» вместе с капитаном А.П. Длусским проявила инициативу и предложила командованию порта Константинополя передать судно в аренду экипажу для организации коммерческого движения. Действительно, в конце ноября 1920 года транспорт «Рион» и два других судна начали свою новую службу по доставке грузов (Таблица 3.). Русские корабли перевозили санитарное оборудования, медикаменты, одежду, детали для сборки

¹SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10. Note №0233 du général Verderevsky, président de la Commission du Debarquement-Distribution. Décembre 1920.

²SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 11. Instruction du Service de l'Intendance maritime aux capitaines des vaisseaux. Novembre 1920.

³SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10. Procès-verbaux des séances. 29 Novembre 1920; Légende des colonnes des navires; Dossier XXII Rion (пер. с фр. – М.Р.).

⁴SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10. Les marchandises chargées sur les bâtiments provenant de la Crimée (πep. c φp. – M.P.).

мебели, канаты и веревки, продукты питания¹. Большой и вместительный «Рион» также использовался для транспортировки людей: раненых, больных, семей военнослужащих.

Таблица 3. Использование «Риона» французской военно-морской базой в Константинополе, ноябрь-декабрь 1920 года².

Дата	Количество маршрутов, в день	Груз, в тоннах	Транспортировка беженцев, человек	Направление
24/11/1920	1	не указано	1500	лагеря: Азия, Европа, Халки
25/11/1920	2	120	500	лагеря: Азия, Европа
27/11/1920	?	60	-	лагеря: Азия, Европа
28/11/1920	2	170	85	Халки
29/11/1920	1	80	-	лагеря
30/11/1920	1	300	-	лагеря
01/12/1920	41	-	121	Халки
02/12/1920	1	-	16	Галлиполи
03/12/1920	1	51	-	Бейкос
05/12/1920	1	-	36	лагерь Азия
06/12/1920	?	750	-	Мудрос
07/12/1920	1	65	-	не указано

Несмотря на постоянную активность судна и реальные получаемые доходы, служба «Риона» была прервана в конце января 1920 года из-за повседневных потребностей командования Российской военно-морской базы в Константинополе.

¹SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10. Quittance de l'officier-adjoint du 2è classe Castelli, Reserve du matériel sanitaire. le 3 janvier 1921.

²SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 11. Compte-rendus des mouvements du capitaine de frégate Wilm, commandant de la base de Moda.

Корабль выбран для другой миссии: поставленный на якорь «Рион» становится плавучей тюрьмой для солдат и офицеров армии Врангеля¹.

Несмотря на плохие условия жизни, гигиену и санитарные условия, «Рион» оставался плавучей тюрьмой до апреля 1921 года, пока не был выбран для другой миссии — доставки в Тулон группы беженцев, выезжающих на сельскохозяйственные работы в Бразилию.

16 января 1921 года Аристид Бриан был назначен председателем Совета министров Франции, и вопрос о российских беженцах стал одним из приоритетов его политической деятельности². Бриан призвал все страны мира принять участие в их судьбе, однако, ответом на этот призыв было оглушительное молчание: после Первой мировой войны у каждой страны нашлось достаточно собственных проблем, чтобы не заниматься устройством вопроса беженцев из России.

Через месяц из Бразилии пришел ответ: штат Сан-Паулу заявил о своей готовности принять 10.000 русских беженцев в качестве сельскохозяйственных рабочих. Французские оккупационные власти в Константинополе незамедлительно получили инструкции по скорейшему выявлению кандидатов. Они обратились за посредничеством в штаб генерала П.Н. Врангеля, который пообещал принять меры, однако, русские офицеры не проявляли усердия в поиске добровольцев. Выражая свою позицию в отношении «бразильского проекта» генерал Врангель подчеркнул, что он не может нанять своих солдат в Бразилию, не зная точно, что их ждет, именно поэтому нужна дополнительная информация о предложениях правительства этой страны.

С другой стороны, констатируя, что сохранение власти генерала П.Н. Врангеля и смысл существования русской армии имели больше негативных последствий, чем положительных, французское правительство стало вести переговоры в ультимативной форме. Через командующего Оккупационным корпусом, генералу П.Н. Врангелю, было объявлено решение правительства

¹SHD Toulon. Série C. Sous-série 56. Carton 62. Note du général Rongine, le procureur général de l'armée et de la flotte au général Chatiloff, chef de l'Etat-major de l'Armée russe.

²Bagni B. Les Russes en Corse // Etudes corses. № 49. 1999. P. 126.

Франции о его намерении «в кратчайшие сроки исключить любой кредит на содержание российских беженцев», поэтому они должны выбирать между тремя вариантами, указанными ниже: возвращение в советскую Россию, поездка в Бразилию или самостоятельное существование¹.

26 апреля 1921 г. состоялась встреча между генералом П.Н. Врангелем, генералом Шарпи, адмиралом де Бон и представителем Верховного комиссара Франции, во время которой последний спросил барона, готов ли тот использовать свое влияние для ускорения расселения беженцев². Генерал П.Н. Врангель заявил о своем намерении обеспечить добросовестное сотрудничество. Пользуясь случаем, французы попросили в качестве доказательства его искренности опровергнуть слухи, препятствующие отъезду в Бразилию, однако, генерал отказался, утверждая, что соблюдает в этом вопросе полный нейтралитет. Подобная позиция стоила П.Н. Врангелю обвинений в русофильстве и была сотрудничать представителями французского расценена как отказ c командования³.

Вместе с тем, положение русских беженцев в Константинополе можно было смело назвать катастофическим. Найти работу в городе, переполненном эмигрантами, практически не представлялось возможным, ещё сложнее была ситуация размещенных на Лемносе и Галлиполи. О бедственной моральной и материальной ситуации офицерского состава свидетельствуют заявления самих представителей эмигрантской колонии: «...Самое печальное — это полный развал офицерского состава. Константинополь наводнён русскими. Кое-кто устроился на службу, очень многие спекулируют и занимаются подозрительными аферами, а большинство ничего не делает и влачит жалкое существование. ... Я очень жалею, что не согласился на безвозмездную работу в Италии, потому что прослужив там некоторое время, пока позволили бы средства, я сумел бы там сделаться полезным

¹Bagni B. L'odyssée du Rion. 1921: 3700 réfugiés russes dérivent en Méditerranée. Garamond, 2013. P. 40.

²SHD Toulon. Série C. Sous-série 56. Carton 61-62. Ordre №47-3R du général Charpy, commandant du Corps de l'Occupation à Constantinople.

³Bagni B. Les Russes en Corse // Etudes corses. 1999. № 49. P. 130.

управлению человеком и мне бы назначили содержание»¹. Выбор между поездкой в Бразилию или возвращением в Россию с риском попадания в Чека, по сути был отстутствием такового, вместе с тем, французское правительство, начиная с декабря 1920 года, ежемесячно озвучивало угрозу прекращения снабжения, чтобы побудить беженцев принять решение.

27 апреля, было объявлено, что 6500 русских заявили о своей готовности отправиться в Южную Америку. К этой группе также присоединились 500 добровольцев, набранных в лагерях Бизерта. Данная статистика не закрывала предложенную квоту, так как Бразилия предлагала 10.000 мест, но для французских властей, ежедневно подсчитывающих деньги, которых им стоили эти беженцы, подобное стечение обстоятельств уже было успехом. Поэтому незамедлительно было принято решение о том, что первая группа в количестве 3.000 человек будет отправлена как можно скорее. Согласно разработанному маршруту следования, из Константинополя группа должна быть доставлена в Тулон, где 2.500 беженцев будут перевезены на другое судно, которое сразу же отправится в Рио-де-Жанейро; остальные будут находиться на судне на рейде в Тулоне или Йере, ожидая прибытия из Туниса транспорта «Кассель» с 500 добровольцами набранными в Бизерте².

29 апреля 1921 г., когда военный транспорт с добровольцами на борту уже покинул Константинополь, власти штата Сан-Паулу предоставили официальную информацию, о том, в каких условиях эмигранты должны были работать в качестве рабочих на плантациях: «...Правительство гарантирует предоставление дома с небольшим участком земли, инструментов для работы, снабжение хозяйства водой и дровами, денежную компенсацию в размере 150 тысяч реалов на каждые 1000 кофейных деревьев, ... а также выплату 3 тысячи реалов в день за выполнение любых других дополнительных работ по договоренности с владельцем

¹ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 473. Л. 9-10.

²SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10. Note №2764 Envoi des réfugiés russes au Brésil.

плантации....»¹. Стоит отметить, что, настоящие условия и указанные в них суммы компенсаций не слишком проясняли реальную обстановку дела для русских эмигрантов, не имеющих никаких знаний о Бразилии, а также не обладающих опытом работы на кофейных плантациях.

Французские власти спешно занялись подготовкой судна для скорейшей доставки беженцев из Константинополя в Тулон, остановив внимание на транспорте «Рион». Большой пароход с водоизмещением в 7.800 тонн, с хорошей вместимостью: во время крымской эвакуации «Рион» прибыл в Босфор, имея 8.500 беженцев на борту. Кажется, никто не беспокоился о том, что во время перехода из Крыма, корабль попал в шторм и получил повреждения. Выбор судна диктовался исключительно политическими мотивами, но не стандартами безопасности и комфорта. В письме М.А. Кедрову от 21 февраля 1921 г. М.П. Ермаков сообщал, что «транспорт "Рион" продолжает испытывать свои котлы и есть надежда, что он приготовится к отходу. Ежедневные скандалы на нём с беженцами. Уменьшили штат до 170 человек, но французы требуют ещё меньше. ... В ремонт котлов поставили "Поти", "Крым", "Осторожный" и "412", причем Вандье прислал от имени де Бона дерзкую бумагу, обвиняя наших механиков в питании котлов солёной водой. ... суть в том, что французы сами не давали пресной воды для котлов, чему и вы были свидетелем»².

Важно также отметить, что выбором корабля французы озаботились заранее, словно будучи уверенными в успехе проекта эмиграции в Бразилию и только дожидаясь официального подтвердения: настоящая гипотеза легко проверяется данными источников, найденными автором в архиве Военно-исторической службы Министерства обороны Франции в Тулоне: согласно указаниям, данным командованию Оккупационного корпуса в зашифрованной телеграмме Министерства иностранных дел от 21 апреля 1921 г., «...пароход «Рион»,

¹SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10. Note №2775 Aux Russes désirant se rendre au Brésil (πep. c фp. – M.P.).

²ГА РФ. Ф. Р6666. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.

находящийся на рейде, намерены использовать для перевозки российских беженцев в Бразилию...» 1 .

Ещё 15 марта 1921 г. реквизиционная комиссия Оккупационного корпуса в Константинополе во главе с генералом Шарпи в присутствии делегированных офицеров российского флота завершила обыски и проверки на борту «Риона»²: всё найденное оружие, сырьё, товары и оборудование были перевезены на французские склады; обмундирование было передано 47 членам экипажа яхты «Лукулл», «...абсолютно лишенным какого бы то ни было белья, одежды и обуви...»³. В то же время экипаж судна по-прежнему был обеспокоен отсутствием выплат жалования, которое не было положительно завершено до отправки «Риона» в Тулон⁴.

24 апреля начинается посадка завербованных на борт, перед тем, как подняться на судно, каждый эмигрант в присутствии двух свидетелей, подтверждающих его личность, должен был подписать заявление о том, что он согласен заниматься сельскохозяйственным трудом⁵. 26 апреля «Рион» (Рисунок 2.) начинает свой путь; он останавливается в Галлиполи, а затем на Лемносе для погрузки, находящихся там пассажиров. Согласно справке Оккупационного корпуса Константинополя говорится о 3.435 человек, в том числе 90 женщин и 120 детей в возрасте до пятнадцати лет; а также, экипаж в составе 138 человек офицеров в сопровождении 58 человек их семей, 17 французских репатриированных солдат и группа из 52 российских сирот, уезжающих во Францию, всего более 3.700 человек на борту⁶. Предполагалось, что «Рион» достигнет Тулона 10 мая 1921 года.

¹SHD Toulon. Série C. Sous-série 56. Carton 61-62. Télégramme chiffré au général Charpy, commandant de Corps de l'Occupation à Constantinople. le 21 avril 1921 (περ. c φρ. – M.P.).

²SHD Toulon. Série C. Sous-série 56. Carton 61-62. №553 Perquisitions au bord de Rion. le 15 mars 1921.

³SHD Toulon. Série C. Sous-série 56. Carton 61-62. Lettre №587 du capitaine de vaisseau Vandier. le 30 mars 1921 (πep. c фp. – M.P.).

⁴SHD Toulon. Série C. Sous-série 56. Carton 61-62. Lettre du général-lieutenant Ermakoff, Commandant de la Marine russe à Constantinople.

⁵Certificat d'arrivée sur «Rion». https://fr.sputniknews.com/france/201801201034815831-corserusses/, consulté le 12/05/2018.

⁶SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10. Note №2775 Aux Russes désirant se rendre au Brésil.

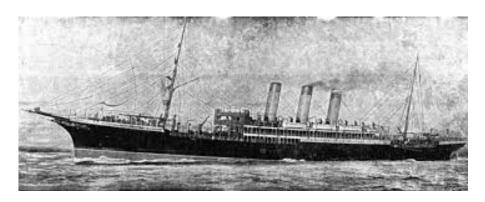

Рисунок 2. Военный транспорт «Рион», 1920 г.

Почти с самого начала выхода из Константинополя «Рион» ожидало множество непредвиденных препятствий. Первые неприятности пассажиров начались 2 мая. Подробная информация о технических сложностях перехода изложена в рапорте командира «Риона» А.В. Городыского: «С самого выхода из Константинополя котлы очень часто выходили из строя вследствие образования свищей, - однако, мы успевали вместо вышедших вводить отремонтированные; ... темп выхода котлов из строя настолько ускорился, что с ремонтом стали не справляться и включенных котлов на машину оставалось 4-5, ... видов на улучшение положения не имелось, барометр резко падал. В этом положении я увидел обгонявший нас Cargo "Orne" под французским флагом, ... объяснивши положение правительственному комиссару мичману Le Boles и сопровождавшему транспорт капитану Davin, я подозвал сигналом "Orne" и попросил отбуксировать в бухту Kalamata, отстоявшую от места в 50 милях; через 2-3 часа после начала буксировки (помогал одной из своих машин) при ухудшавшейся уже погоде от WSW капитан "Orne" а предложил буксировать в Тулон, на что после совещания со "своими французами" согласился, донёс по радио через Мальту в Тулон о положении. Перед Мессинским проливом получил радио приказание зайти в Мессину, куда будет выслан буксир»¹. С помощью буксира «Рион» добрался до Мессины 6 мая 1921 года и оставался там до прибытия из Марселя буксира «Обстине», с помощью которого 10 мая вышел в Тулон.

 $^{^{1}}$ ГАРФ. Ф. Р5903. Оп. 2. Д. 143. Л. 79-79об.

Между тем в Париже заботы накапливались. З мая 1921 г. поступила телеграмма из Рио-де-Жанейро: президент штата Сан-Паулу объявил о том, что в порту Сантос невозможно высадить одновременно 6500 беженцев. Бразильские власти опасались беспорядков и трудностей, связанных с размещением этой рабочей силы на плантациях. Власти Сан-Паулу согласились только принимать ежемесячно группы по 1500 человек. Тем не менее, самое худшее было ещё впереди. 10 мая в Рио-де-Жанейро прибыла новая телеграмма посла с заявлением о том, что президент Сан-Паулу считает нежелательным прибытие в Бразилию российских эмигрантов¹. По словам посла, причины недоразумения были связаны с внутренней политической борьбой, но он не исключает, что «оскорбления генерала Врангеля» сыграли определенную роль в оппозиции федерального правительства.

Французское правительство вынуждено было срочно искать решение, относительно группы беженцев, находящихся на борту «Риона». По заявлению министра Военно-Морского Флота, это решение было найдено в соответствии с актуальной политической ситуацией: «Вопрос о высадке и длительном пребывании российских беженцев в Тулоне не может быть решён положительно, поскольку местные материальные условия не могут быть им обеспечены. Близость к большому рабочему центру также будет иметь самые серьезные недостатки. ... Арсенал Тулона — очень чувствительная точка; он является портом пребывания французской средиземноморской эскадры, часть кораблей которой два года назад плавала в Чёрном море в знак протеста против вмешательства Франции в русскую гражданскую войну; в Тулоне в июне 1919 года матросы даже пытались поднять красный флаг на броненосец "Прованс"; революционная агитация с тех пор успокоилась, но есть опасность, что данный инцидент послужит поводом к новым вступлениям. Что касается рабочих Арсенала, то многие из них испытывают глубокое сочувствие к Советам. Пребывание 3.700 белых русских в этой

¹Bagni B. L'odyssée du Rion. 1921: 3700 réfugiés russes dérivent en Méditerranée. Garamond, 2013. P. 50.

потенциальной пороховой яме может стать серьёзной провокацией. ... Поэтому представляется необходимым отвлечь внимание от "Риона", отправив его в порт Аяччо, где присутствие этих беженцев будет иметь минимальные недостатки»¹.

15 мая 1921 года транспорт прибыл в порт Аяччо. Местные власти уже были хорошо осведомлены о катастрофических условиях пребывания пассажиров на борту судна и были готовы принять срочные меры для дезинфекции судна и постепенной высадке пассажиров на берег, но необходимо было дождаться распоряжений из Парижа. Важно также отметить, что общественное мнение целиком и полностью находилось на стороне нуждающихся российских эмигрантов. Местная пресса вела кампанию о необходимости скорейшего размещения пассажиров «Риона» в нормальных условиях на берегу: через 3 дня после прибытия судна газета «La Jeune Corse» (Молодая Корсика) отмечает, что «все же было бы неплохо принять оперативное решение в отношении этих 3.800 человек, более двадцати дней проживающих на борту корабля, едва способного вместить их»².

В конце концов, Бриан принял решение относительно размещения беженцев в Ливрелли, расположенных центре Aяччо³. Ha протяжении казармах В последующих нескольких недель пассажиры постепенно высаживались с корабля, одни искали работу, другие все ещё надеялись отправиться в Бразилию на других кораблях. В докладе Ф.И. Гаярина, председателя Совета по расселению русских беженцев в Константинополе, отмечалось, что «Префектура Корсики сообщила председателю Земского городского комитета о том, что через некоторое время прибудет пароход для отправки 1) желающих / 2) безработных беженцев в Константинополь. ... Может останутся на острове беженцы, имеющие занятие; лагерь Ливрелли с выдачей пайка беженцам с приходом парохода уничтожается... в лагере должно быть вывешено объявление, что желающие остаться должны

¹SHD Vincennes. Série 1BB. Sous-série 2. Carton 139. Lettre du Ministre de la Marine au Président du Conseil, Ministre des affaires étrangères. le 13 mai 1921 (πep. c φp. – M.P.).

²La Jeune Corse. le 14 mai 1921 (пер. с фр. – М.Р.).

³Bagni B. L'odyssée du Rion. 1921: 3700 réfugiés russes dérivent en Méditerranée. Garamond, 2013. P. 70.

приискать себе работу. Но несмотря на это население лагеря продолжало увеличиваться и доходило до 900 человек. Часть живущих в лагере не искала себе работы, питаясь даровым пайком. ... тем не менее, поддерживается спрос на рабочие руки и последние дни в Бюро труда совершалось от 15 до 20 контрактов в день»¹.

22 июня на борту все еще оставалось 1.500 человек; 11 июля их число сократилось до 1.250. После дальнейших переговоров с правительством Бразилии две группы беженцев сумели получить разрешение на прием в страну: первая часть 450 человек под руководством полковника Брагина покинула Корсику с пароходом «Аквитания», а затем вторая группа полковника Гилинского, которая отплыла на борту парохода «Трансвал»².

Две недели спустя на «Рионе» осталось 196 человек экипажа и членов их семей, однако, по мнению Морского Префекта, эти люди не должны были высаживаться на берег: «что касается офицеров и моряков экипажа, то все советуют не высаживать их здесь на Корсике ... По словам их соотечественников, которых я видел ... они будут отказываться от любой работы, они не слишком дисциплинированны»³. Судьба этих 196 нежелательных решалась на уровне министров внутренних и иностранных дел: было предложено перевезти их в Тулон, откуда они должны быть затем отправлены обратно в пункт отправления, то есть в Константинополь.

Но в конечном итоге большая часть этих людей останется во Франции во многом, благодаря усилиям, авторитету и активным мерам, предпринятым командиром «Риона» капитаном І ранга Анатолием Вячеславовичем Городыским⁴. Данная группа из 104 человек, офицеров, матросов и кондукторов составила ядро русской общины в Тулоне в 1920-е годы.

¹ГА РФ. Ф. Р6425. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

²Saibène M. La flotte des Russes blancs, Rennes, 2008. P. 170.

³SHD Vincennes. Série 1BB. Sous-série 2. Carton 140. Lettre du Ministre de la Marine pour CF commandant de la Marine en Corse. le 20 juillet 1921 (Πep c φp. – M.P.).

⁴ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 2. Д. 143. Л. 81-81об; SHD Toulon. Série A4. Sous-série 2. Carton 12. Liste de l'équipage installé en France par le capitaine de vaisseau Horodyssky.

В конце июля 1921 г. «Рион» перестал играть роль плавучего отеля; на его борту осталось только 6 моряков, отвечающих за охрану корабля. Судно подлежало продаже с целью компенсировать расходы на эвакуацию и содержание беженцев. В начале 1922 года транспорт был приобретен для сноса на итальянской строительной площадке Савона 218¹. Корабль был не в состоянии осуществить самостоятельное плавание; поставленный на буксир, он покинул Аяччо 17 марта 1922 года в 9 утра. Примечательно, что уход «Риона» вызвал прилив ностальгии у редактора «La Jeune Corse» (Молодой Корсики), который использовал данное событие для того, чтобы проанализировать историю годичной давности: «русский пароход «Рион»... был продан итальянскому промышленнику ... для сноса. Таким образом, этот замечательный корабль, спасший от голода и смерти почти 4.000 человек, мужчин, женщин и детей, чье неожиданное прибытие в наш порт, как мы помним, так сильно тронуло наше население, символизирует обломки ужасного русского крушения...»². В апреле 1922 года «Рион» был продан на аукционе в размере 300 000 франков, а в 1923 году утилизирован³.

Таким образом, на примере истории военного транспорта «Рион» удалось проанализировать техническое состояние эвакуированных кораблей русского военного и коммерческого флота, а также изучить вопросы о статусе экипажей кораблей, правовом и материальном положении русских военных моряков в первые месяцы их пребывания в Константинополе. Русские корабли активно использовались оккупационными властями для решения практических задач по траспортировке различных грузов, а также пассажиров. Необходимо отметить, что изучаемые события разворачивались на фоне сложнейшего и постоянно меняющегося политического контекста, что приводило к неожиданным и неоднозначным последствиям, о чем красноречиво свидетельствует финал истории

¹Пароход-крейсер «Смоленск». [электронный ресурс]: http://www.retroflot.com/dobrovoljnyj flot/parohodkrejser smolensk.html. доступ 03/03/2013.

²La Jeune Corse. le 17 mai 1922 (пер. с фр. – М.Р.).

³Пароход-крейсер«Смоленск». [электронный ресурс]: http://www.retroflot.com/dobrovoljnyj flot/parohodkrejser smolensk.html. доступ 03/03/2013.

проекта русской эмиграции в Бразилию в 1921 году, приведший к созданию русской общины в г.Тулон на юге Франции.

1.3. Экипаж транспорта «Рион» и создание русской колонии в Тулоне

При появлении в городе русских эмигрантов в тулонском обществе произошел определенный переворот общественного мнения, отраженный в новостных публикациях. Известно, что журналисты самых различных французских изданий пристально следили за событиями гражданской войны в России: Франция была их активной участницей, выступая на стороне вождей Белого движения. В контексте внимательного освещения общественно-политических событий в советской России, поражения белых армий и Крымской эвакуации, происходило конструирование образа русского эмигранта в локальной прессе.

Местные печатные издания, такие как «Le Petit Var» (Маленький Вар)¹, внимательно следили за событиями гражданской войны в России, именно поэтому прибытие в конце июля 1921 г. на рейд Тулона военного госпитального судна «Дюгай-Труин» с русскими моряками на борту вызвало оживленную реакцию властей и общественного мнения, которое отражено в серии газетных публикаций.

Получение разрешения на проживание в Тулоне для моряков с «Риона» было результатом очень интенсивной и длительной переписки между Министерством внутренних дел, Управлением Префекта департамента Вар и командованием военного округа Тулона. «Дело моряков с Риона» было воспринято французскими властями как вопрос чрезвычайной политической важности, чья судьба решалась на самом высоком уровне, а освещение событий было внимательным и последовательным.

¹«Le Petit Var» (Маленький Вар) — республиканская газета социалистической направленности была основана в 1880 году мэром Тулона Анри Дютаста, который стал её редактором по окончании своего мандата. В разное время в газете работали известные общественные деятели и журналисты: Пьер Лаваль, Раймон Патерносте, Гайар Бурраже, Проспер Ферреро. Как и многие другие издания, «Le Petit Var» прекратила своё существование в связи с немецкой оккупацией Франции во время Второй мировой войны.

К концу дня 25 июля 1921 все члены экипажа и их семьи были доставлены из порта Аяччо в тулонскую гавань на французском госпитальном судне «Дюгай-Труин», который часто использовался для транспортировки пассажиров. Согласно приказу № 856 от 26 июля 1921 г., капитана 1 ранга Гризон, начальника штаба военного округа Тулона, о судьбе русских беженцев сказано: они должны быть перемещены на корабль «Бьенхоа» и отправлены в Константинополь¹. Соответствующие инструкции записаны в распоряжении № 83 от 2 августа 1921 г. коменданта Арсенала адмирала Сулеза, что высадка беженцев на «Бьенхоа» «…будет завершена в течение дня в четверг»².

Однако, офицеры экипажа «Рион» во главе с командиром корабля, капитаном 1 ранга Городыским, запросили разрешение поселиться в городе. Городыский вел переговоры с российским консульством в Марселе, настаивая на том факте, что все пассажиры имели необходимые документы и средства к существованию. Изучением ситуации русских моряков тщательно занимался Отдел контроля и безопасности государственной полиции Тулона. Начальник отдела г-н Бланк, в течение всего дня 6 августа лично беседовал с «русскими пассажирами», собирая подробную информацию: личные данные, происхождение, семейное положение, наличие имущества или денежных средств, сведения о службе во флоте, вопрос политической благонадежности³.

10 августа 1921 г., Префект департамента Вар телеграфировал в Министерство внутренних дел: «...У русских есть паспорта, выданные консулом Нидерландов в Константинополе, большинство из которых имеют специальную отметку о прохождении пограничного контроля ... Мне представляется, что имеющиеся в наличии паспорта и другие документы в порядке – точка – Директор Госполиции сообщил мне, что дополнительные разрешительные документы будут

¹SHD Toulon. Série D2. Sous-série 2. Carton 75. Ordre №856 du 26 juillet 1921 du C.V. Grison, chef d'Etat-Major de l'arrondissement militaire de Toulon.

²SHD Toulon. Série D2. Sous-série 4. Carton 21. Ordre №83 du 2 août 1921 du contre-amiral Soulez, major général, commandant de l'Arsenal (Πep c фp. – M.P.).

³AD du Var, Série M, Sous-série 4, Carton 100. Liste des sujets russes arrivés à Toulon – rade sur le navire «Rion». le 6 août 1921.

выдаваться российским консулом в Марселе — точка — прошу в кратчайшие сроки сообщить ваше мнение и инструктировать о дальнейших действиях, в частности, могу ли я разрешить высадку только с паспортами консула Нидерландов и обеспечить беженцам передвижение в регионе»¹.

Несмотря на опасения со стороны французских властей, вид на жительство для членов экипажа и их семей был получен: запрос был одобрен министром 11 августа. К 18 августа, начальник Госполиции Тулона должен был передать Префекту полный список прибывших с отметками о городе проживания и точными адресами².

Тем не менее, вопрос о высадке беженцев с корабля на берег, занял еще несколько дней, о чем свидетельствует весьма интенсивная переписка между Службой контроля иностранных удостоверений личности, Морским Префектом Тулона и Министерством внутренних дел: рапорт, поданный Префектом на имя министра свидетельствует о том, что военное командование не было проинформировано о различных этапах взаимодействия гражданских властей с Министерством: в распоряжении № 974 от 25 августа 1921 г. Префект готовил отправку беженцев в Константинополь. Только во второй половине дня 25 августа, военные получили информацию об изменении ситуации, что отмечено в распоряжении № 975 того же дня: отправка беженцев в Константинополь отменяется, они передаются в распоряжение государственной полиции, при этом пассажиры «Дюгай-Труин» должны были выдержать еще одну инспекцию «...чтобы удостовериться в их политической благонадежности»³.

В это же самое время, по сохранившемуся свидетельству командира «Риона» непосредственные отношения между военными моряками можно было назвать благожелательными: «...25 июля перешёл с экипажем на транспорт «Duguay

¹AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Dépêche télégraphique du Préfet du Var. le 10 août 1921 (Πep c фp. – M.P.); SHD Toulon. Série D2. Sous-série 2. Carton 75. Ordre №975 du 25 août 1921 du C.V. Grison, chef d'Etat-Major de l'arrondissement militaire de Toulon.

²AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Références sur les sujets russes résidés à Toulon, Hyères et Marseille. le 19 août 1921.

³SHD Toulon. Série D2. Sous-série 2. Carton 75. Ordre №975 du 25 août 1921 du C.V. Grison, Chef d'Etat-Major de l'arrondissement militaire de Toulon (Περ c φp. – M.P.).

Trouin», который прибыл в Тулон 26 июля, где мне было объявлено, что все отправятся через неделю на «Вien Hoa» в Константинополь; считая это недоразумением вошёл через Русского Генерального консула в Марселе с послом и В.-м. агентом в Париже, а также лично действовал через Морского Префекта в Тулоне, прося ходатайства, чтобы вопрос был решён именно в смысле предоставления желающим остаться во Франции, а желающим отправиться в порт найма – Константинополь; решение затягивалось хотя отношение местных морских властей к экипажу было хорошим; это хорошее отношение, может быть, следует объяснить тем, что поведение экипажа было образцовым: 24 июня, когда в Аячио среди цистерн с керосином и бензином загорелся керосин, с транспорта сейчас же была послана пожарная партия, которая среди всеобщей паники, сжигая на себе обувь и платье, перекрыла нужные клапаны и, находясь почти в огне, обливала водой соседние цистерны с бензином, чтобы спасти нас от взрыва. Особенно отличился, по отзывам чинов порта и прессы, мичман Школинский. Командир порта прислал мне благодарственное письмо, был лично свидетелем и донес Морскому министру, который распорядился выдать денежную награду и возместил обмундирование. В газетах при описании события были приблизительно такие выражения: "было приятно видеть как французское казенное имущество спасается русскими...", нужно бы кроме вина, которое им дали за такую работу, выдать одежду вместо сожженной, чтобы им было в чем явиться на следующий пожар, если таковой случится» и т.п. Кроме этого случая, бывшего очевидно известным в морских кругах Тулона, хорошее впечатление было произведено тем, что когда "Duguay Trouin" начал грузить полный запас угля после похода в Тулон, команда через меня заявила желание "помочь" и грузила так старательно, что корабль ложился на тот борт, где грузила наша команда, несмотря на то, что её было вдвое меньше чем французов. Командир "Duguay Trouin" приказал нашим грузившим выдать двойную порцию пищи и вина»¹.

¹ГАРФ. Ф. Р5903. Оп. 2. Д. 143. Л. 80-80об.

Общественное мнение также не осталось равнодушным к теме «русского вопроса», что нашло отражение в ряде публикаций в самой популярной тулонской газете начал 1920-х гг. газете «Le Petit Var» (Маленький Вар). Очевидно, что тема политических событий в Советской России вызывала большой интерес у французской общественности.

Моряки с «Риона» описываются как «мученики веры»: «О, эти белые русские.... Российские беженцы прибывают в Тулон. Они находятся в ужасающем состоянии...» 1. Тем не менее, все члены экипажа, без исключения, в представлении французских журналистов были теми, кто «...принадлежит к высшим слоям русского общества. В большинстве своем, это генералы, полковники и врачи» 2. Данный тезис, безусловно, – преувеличение, если мы говорим о принадлежности к дворянству. Среди членов экипажа, прибывших на борту «Риона» было только 17 офицеров, среди них 2 генерала, 1 армейский полковник, 1 капитан первого ранга и 1 доктор.

С другой стороны, французские журналисты словно не замечали, что большинство пассажиров – машинисты, механики и члены семей экипажа, то есть, женщины и дети. В действительности, данная позиция является отражением их видения ситуации в советской России: лучшие люди оставляют её, дабы не стать жертвой большевизма.

Номер от 6 августа 1921 г. вышеназванной газеты, с публикацией «о русских беженцах» на первой полосе, открывал целую серию статей о бедственном положении, выезжающих из Советской России, «стране холеры, голода и страданий, где 2 кг яблок стоит 5000 рублей»³.

Журналисты были сконцентрированы на образе «несчастного аристократа», вынужденного покинуть свою Родину, пережившего «сидение» в одном из лагерей

¹ Le Petit Var. le 6 août 1921 (Πep c фp. – M.P.).

²Ibid.

 $^{^{3}}$ Le Petit Var. le 14 août 1921 (Πep. c φp. – M.P.).

беженцев в Константинополе, где «... бывший московский карманник делит кров и стол с юной аристократкой княгиней»¹.

Именно вопрос социального происхождения, принадлежности к русскому потомственному дворянству, как гарантия политической благонадежности, становится центральным в восприятии русских моряков-эмигрантов, прибывших в город летом 1921 г. французов больше заботил вопрос о не проникновении в город «большевистской заразы», чем детали биографии реальных людей, желающих поселиться в их городе.

Вездесущие газетчики также уделяли внимание такому вопросу как трудоустройство русских беженцев: автор публикации от 6 августа с уверенностью писал о том, что бывшие «аристократы», образованные и культурные люди, во Франции могли рассчитывать на работу «водителя автомобиля или помощника по хозяйству…»².

Для того, чтобы лучше понять, кем были люди, прибывшие в Тулон в августе 1921 г., необходимо детально проанализировать персональный и социальнопрофессиональный состав членов экипажа транспорта «Рион». Как уже было упомянуто выше, решающую роль в истории основания колонии русских в Тулоне корабля, капитана 1-го ранга Анатолий Вячеславович сыграл командир Городыский. В период пребывания экипажа на борту французского госпитального судна, ему удалось наладить контакты с французскими административными службами и получить разрешение на проживание для всего экипажа «Риона». В Гулли, рапорте французского Жозефа корабля, капитана командира буксировавшего «Рион» в Аяччо, сохранилось небольшое портретное описание русского капитана каким он его увидел: «командир "Риона", капитан 1 ранга, был приятный, стройный мужчина, высокого роста, казался еще выше и мощнее оттого, что носил в ножнах изящную шпагу, которая несколько сковывала его движения.

¹Le Petit Var. le 16 août 1921 (Пер. с фр. – М.Р.).

²Le Petit Var. le 17 août 1921 (Περ. c φρ. – M.P.).

... Он был очень разговорчив, говорил только по-французски, постоянно выражал обеспокоенность тем, что провизии и воды у него оставалось всего на 4-5 дней...»¹.

Анатолий Вячеславович Городыский родился 23 июля 1881 года в Харькове. Сын офицера, он продолжил семейную традицию и в 1902 году окончил полный курс обучения в Морском корпусе². Молодой мичман Городыский начинал свою карьеру на Черноморском флоте. В 1906 году он окончил Временный штурманский офицерский класс, в 1909 году — Артиллерийский офицерский класс³. А.В. Городыский считался одним из лучших артиллерийских офицеров во всём императорском флоте. В 1911 году он был награжден специальной премией императора в ходе соревнований по артиллерийской стрельбе с борта линейного корабля «Пантелеймон». Городыский также был известен благодаря своим научным исследованиям: за изобретения в области артиллерийской стрельбы и использование технических новинок он получил личную благодарность от императора Николая II⁴. В 1914—1915 годах А.В. Городыский служил в должности старшего офицера на линейном корабле «Императрица Мария». 1 января 1915 года ему было присвоено звание капитана 2-го ранга за ревностную службу и особые труды⁵.

В годы гражданской войны 1917-1922 гг. Городыский продолжал службу в Белом флоте Чёрного моря, командовал крейсером «Диомид». Он был повышен до звания капитана 1-го ранга и назначен флагманским артиллерийским офицером штаба Черноморского флота, в апреле 1919 года был назначен капитаном Севастопольского порта⁶. В марте 1920 года, в качестве офицера-артиллериста, принимал участие в военной экспедиции в Хорлы (зерновой порт в 23 км от

¹CCIM. Série L. Notes de presse: Gulli J. Révolution à bord. 1921.

²Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 127. ³Кубе фон О. Памяти Анатолия Вячеславлавовича Горолысского (некролог) // Морской

 $^{^3}$ Кубе фон О. Памяти Анатолия Вячеславлавовича Городысского (некролог) // Морской журнал. 1933. № 2. С.1.

⁴Терещенко С. Анатолий Вячеславович Городысский (некролог) // Часовой. 1933. № 106. С. 30.

⁵Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 127. ⁶Кубе фон О. Памяти Анатолия Вячеславлавовича Городыского (некролог) // Морской журнал. 1933. № 2. С .4.

Севастополя)¹. Целью экспедиции являлась поставка зерна для воинских соединений Юго-Западного фронта.

К сожалению, отследить детально процесс эвакуации капитана Городыского и его семьи из Крыма не представляется возможным, но предполагается, что он был эвакуирован в конце весны 1920 года, в соответствии с его новым назначением: 5 мая 1920 года Городыский уже находился в Константинополе, чтобы проинформировать начальника штаба французского Оккупационного корпуса о том, что «согласно приказу Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России я назначен начальником Русской военно-морской базы в Константинополе и готов приступить в своим обязанностям»². На этом посту Городыский занимался делами, касающимися статуса и использования российских судов во время их стоянки на базах Мода и Бейкос³, а также административными вопросами ликвидации капитанства российского порта в Константинополе⁴, включая «Рион», командиром которого он являлся с весны 1919 года.

В связи с преобразованием капитанства в январе 1921 года в ликвидационный орган планировался выезд капитана Городыского и его семьи в составе группы офицеров-чиновников российского Военно-Морского флота «во Францию для передачи отчётов о порте и бывшей Российской военно-морской базе Константинополя адмиралу Хоменко, главе отдела Российского торгового флота в Париже...»⁵.

¹To же. С. 7.

²SHD Toulon. Série C. Sous-série 58. Carton 12-13. Lettre du capitaine de vaisseau Horodyssky au capitaine de vaisseau de Closmadeuc, chef des Services de la Marine. le 5 mai 1920 (Περ.c φρ. – M.P.).

³SHD Toulon. Série C. Sous-série 58. Carton 12-13. Note №8183 du capitaine de vaisseau Horodyssky, Capitaine de Port Russe à Constantinople au Monsieur le commandant de Moda. le 6 décembre 1920.

⁴SHD Toulon. Série C. Sous-série 56. Carton 62. Note №8731 du capitaine de vaisseau Horodyssky, capitaine de Port Russe à Constantinople à Monsieur le Chef d'Etat-Major du Commandant en Chef de l'Escadre de la Méditerranée Orientale. le 31 décembre 1920.

⁵SHD Toulon. Série C. Sous-série 56. Carton 62. Note №4964 du général Wrangel, commandant en Chef de l'Armée Russe à Monsieur le Vice-Amiral le Bon, commandant en Chef de l'Escadre de la Méditerranée Orientale. le 2 janvier 1921 (Περ. c φρ. – M.P.).

Однако ситуация изменилась, и капитан Городыский оставался в Константинополе в качестве командира «Риона», ответственного за руководство путешествием корабля с беженцами. К сожалению, мы не располагаем архивными источниками, которые позволили бы подтвердить ожидания и планы капитана в отношении этого дела: либо он отправляется на эмиграцию в Бразилию в соответствии с предлагаемыми условиями, либо он просто берёт на себя обязанности начальника экипажа судна. Следует, однако, отметить, что все члены семей экипажа присутствовали на борту «Риона» в день отъезда из Константинополя.

Во время болезненного пребывания «Риона» в Аяччо капитан Городыский предпринимал множество шагов, необходимых для защиты офицеров и матросов и избежания риска возвращения в советскую Россию. Чтобы получить разрешение на проживание во Франции, он связывался с администрацией Префектуры департамента Вар и российским консульством в Марселе¹.

Согласно информации отдела полиции по контролю за иностранцами, капитан А.В. Городыский со своей женой и двумя дочерьми поселился в тулонском пригороде Йере на неопределенный период². Тем не менее, семья искала способы, чтобы начать стабильную жизнь на новом месте, что подтверждает тот факт, что 10-летняя Галя Городыская с большим успехом обучалась по полному курсу в пансионате для девочек города Йер³. В данный период капитан Городыский исполнял функции неформального главы экипажа «Риона»: именно он информировал командование российского флота в Бизерте о ситуации экипажа «Риона», помогал офицерам в их административных делах в тулонской Морской префектуре (информация об адресах резидентства⁴) и переписке с канцелярией

¹AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Références sur les sujets russes arrivés à Toulon-rade sur le navire "Rion", autorisés à résider en France.

²Ibid.

³ГАРФ. Ф. Р5903. Оп. 2. Д. 143. Л. 78.

⁴SHD Toulon. Série A4. Sous-série 2. Carton 12. Note №256 du 13 septembre 1921 pour le capitaine de vaisseau Horodyssky.

российского военно-морского агента в Париже (подготовка служебных рапортов и записок о выдаче жалования или оказании материальной помощи¹).

Имеющиеся источники не позволяют установить точную дату переезда семьи А.В. Городыского из тулонского региона в Париж², а также причины, по которым они покидают город. Предполагается, что в первую очередь необходимо указать на экономические трудности, нестабильное материальное положение и желание находиться ближе к столице, являющейся главным центром российской эмиграции во Франции.

В изгнании капитан А.В. Городыский посвятил себя научной работе. В 1928 году он основал в Париже Военно-исторический кружок имени адмирала А.В. Колчака, полностью отдав себя работе по собиранию и сохранению памяти по истории русского императорского флота. По инициативе Городыского кружок организовывал лекции, конференции, встречи офицеров, выставки; члены кружка работали над выявлением и исторических документов по истории флота и публикацией их в ежемесячном журнале³.

Капитан 1-го ранга Анатолий Городыский скончался 13 февраля 1933 года на пенсии в Давосе (Швейцария) из-за приступа болезни легких (туберкулеза)⁴.

Исследовав документы французских и русских архивов, представляется необходимым изучить количественный и квалификационный состав членов экипажа транспорта «Рион». Кем были эти люди до их прибытия во Францию в 1921 году и кем они стали в эмиграции? Во-первых, стоит отметить, что можно «расшифровать» всего несколько этапов биографии именно офицеров «Риона», в отношении матросов имеется только поименным списком. В документах, представленных в Морскую префектуру Тулона капитаном корабля А.В. Городыским, идентифируется семьдесят один человек экипажа в непосредственной

¹ГАРФ. Ф. Р5903. Оп. 2. Д. 143. Л. 61-66.

²ГАРФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 551б. Л. 218.

³Военно-морской исторический кружок // Часовой. 1929. № 19-20. С. 28-29; Военно-морской исторический кружок в Париже // Морской журнал. 1928. № 3. С. 52-53.

⁴Терещенко С. Анатолий Вячеславович Городыский (некролог) // Часовой. 1933. № 106. С. 30.

связи с их должностными обязанностями на борту: восемнадцать матросов, два плотника, два официанта, один пекарь, один медбрат, семь кроссеров, три электрика, двадцать два кондуктора, один священник и восемь офицеров экипажа, а также шесть охранников, оставшихся в Аяччо на «Рионе». В списке офицеров экипажа значатся «капитан 1 ранга Анатолий Городысский, капитан 2 ранга Николай Трасковский, старший лейтенант Вячеслав Килященко, старший лейтенант Владимир Казаков, старший лейтенант Николай Маляревский, генералмайор Александр Иванов, старший лейтенант Иван Зубков, лейтенант Николай Фёдоров»¹.

Тем не менее, источники, найденные в Региональном архиве департамента Вар, а также Государственном архиве Российском Федерации позволили констатировать присутствие других офицеров на «Рионе», большинство из которых выполняло функции матросов во время путешествия корабля из Константинополя в Аяччо: старший лейтенант Борис Вавилов (матрос), старший лейтенант Всеволод Котельников (боцман), старший лейтенант Константин Жевахов (матрос), генерал-майор Сергей Беркалов (матрос), мичман Владимир Школинский (матрос), лейтенант Николай Петров (пекарь), лейтенант Владимир Котенков (матрос), лейтенант Осман Джанибеков (матрос), капитан Христофор Тополянц (электрик), лейтенант Виктор Кинжалов (машинист), капитан Иван Косуля (матрос), капитан Николай Петрунин (машинист), капитан Владимир Степанов (матрос)².

Архивные и библиографические сведения позволяют проследить лишь некоторые стороны биографий офицеров-матросов «Риона». Очень важно отметить, что в Россиийской империи конца XIX – начала XX веков абсолютное большинство юношей, поступающих на обучение в Морской корпус должны были принадлежать к потомственному дворянству, данное условие было обязательным

¹SHD Toulon. Série A2. Sous-série 4. Carton 12. Liste de l'équipage du «Rion» par Horodyssky. le 9 août 1921.

²Ibid.

при поступлении¹. Большинство офицеров «Риона», являлись выпускниками именно этого учебного заведения, за исключением нескольких человек, обучающихся в специализированных учреждениях, как например, генерал-майор Александр Иванов (1875 – 1953)², инженер-механик, окончивший Морское инженерное училище в Кронштадте (1899), в 1904 – 1906 годах он плавал инженером-механиком на миноносцах на Дальнем Востоке, в 1908 – 1909 годах был старшим механиком на борту крейсера «Аскольд». Затем служил на Черноморском флоте в должности старшего судового механика на канонерской лодке «Уралец» и входил в состав комиссии по надзору за строительством кораблей в Чёрном море. С 1919 года он находился в Белом флоте, где занимал должность командира военного порта Мариуполя. В 1920 году служил в Азовском отряде. В эмиграции проживал в Тулоне, с конца 1920-х годов – в Марселе, где на протяжении многих лет руководил Кают-компанией русских военных моряков-эмигрантов.

Второй генерал в списке — генерал-майор флота Сергей Беркалов (1878 — 1962)³, бывший главный интендант Черноморского белого флота. В изгнании много лет проживал в Тулоне, где в 1931 — 1938 годах возглавлял кружок бывших офицеров служивших во флоте и Морском ведомстве.

Большинство офицеров «Риона» — капитаны и лейтенанты. Например, Николай Трасковский (1893 – 1948)⁴, выпускник Морского корпуса (1913), капитан 2 ранга. В 1915 году Трасковский находился на службе на броненосце «Императрица Мария» вместе с Анатолием Городыским и Николаем Маляревским (1892 – 1972)⁵. В годы гражданской войны командовал канонеркой «Терец». В эмиграции на протяжении небольшого периода проживал в Тулоне, затем в Париже. В 1928 году числился сопредседателем Кружка помощи бывшим

¹Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М., 2009. С. 12.

²Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004. С. 186.

³To же. С. 48.

⁴To же. С. 477.

⁵То же. С. 297.

офицерам броненосца «Императрица Мария» со своим боевым товарищем старшим лейтенантом Николаем Маляревским. Важно отметить, что во время своего пребывания в Париже эти два офицера по-прежнему контактировали с командиром «Риона», капитаном 1-го ранга Анатолием Городыским, который также являлся одним из бывших офицеров знаменитого линкора. Все трое также сотрудничали в рамках функционирования Военно-исторического кружка имени адмирала А.В. Колчака¹.

Среди других членов экипажа транспорта стоит упомянуть офицеров, оставшихся в Тулоне и Марселе; впоследствии, в конце 1920-х годов, некоторые из них будут стоять у истоков местных военных офицерских организаций: в августе 1921 года, капитан 2 ранга Вячеслав Килященко, капитан Иван Косуля, капитан Николай Петрунин, старший лейтенант Всеволод Котельников, старший лейтенант Константин Жевахов, старший лейтенант Иван Зубков, лейтенант Владимир Котенков, лейтенант Осман Ожанибеков, лейтенант Виктор Кинжалов, лейтенант Николай Фёдоров, лейтенант Николай Петров получили разрешено на проживание в Тулоне², старший лейтенант Борис Вавилов, старший лейтенант Владимир Казаков и мичман Владимир Школинский, поселились в Марселе³.

К сожалению, мы не располагаем подробными сведениями для уточнения всех этапов их карьеры, однако, представляется возможным проанализировать некоторые отрывки из их биографии в соответствии с индивидуальными библиографическими данными, касающимися офицеров Императорского флота. Во-первых, мы можем констатировать, что все упомянутые офицеры являлись выпускниками Морского корпуса; данное открытие позволяет подтвердить их принадлежность к дворянскому сословию. Некоторые из них получили дополнительное специальное образование, которые использовалось для их профессиональной интеграции в изгнании: старший лейтенант Вячеслав

¹Морской журнал. 1928. № 3; 1929. № 1.

²AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Références sur les sujets russes résidés à Toulon, Hyères et Marseille. le 19 août 1921.

³Ibid.

Килященко¹ в 1901 году окончил Михайловскую артиллерийскую школу в Петербурге и некоторое время работал на заводе в Марселе², старший лейтенант Иван Зубков (1881 –?)³, инженер-механик, окончил в 1914 году шестым в списке Морское инженерное училище и в 1930-х годах успешно сотрудничал с транспортной компанией в Африке в Бельгийском Конго.

Также считаем важным упомянуть, что офицеры экипажа транспорта «Рион» являлись участниками боевых действий на фронтах Первой Мировой Войны и Гражданской войн. Так, в 1916 году старший лейтенант Константин Жевахов⁴ успешно участвовал в различных боевых операциях Черноморского флота, был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. В эмиграции постоянно проживал в Тулоне, где и умер в 1966 году. Интересно проследить за карьерой капитана Христофора Тополянца (1893 – 1967)⁵, изучавшего право в Харьковском университете, а в годы Гражданской войны сражавшегося в знаменитом пехотном полку Маркова. Эвакуированный в 1921 году, капитан Тополянц выбрал путь духовной профессиональной жизни: он стал священником. С конца 1930-х годов постоянно проживал в Париже, в 1961-1966 годах был настоятелем храма Рождества Пресвятой Богородицы в Кламаре (близ Парижа) и президентом Ассоциации православных прихожан. В мае 1967 года в храме Святого Михаила архангела в Каннах капитан Тополянц участвовал в организации выставки, посвященной истории России.

Таким образом, можно отметить, что русские эмигранты, прибывшие во Францию на борту транспорта «Рион», принадлежавшие к сословно-профессиональной группе кадровых офицеров Военно-морского флота и армии обладали высоким уровнем образования и профессионального опыта в областях их

¹Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004. С. 216.

²ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 122. Л. 197.

 $^{^{3}}$ Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004. С. 184. 4 То же. С. 167.

⁵Российское зарубежье во Франции: 1919-2000: биографический словарь. В 3 т./ под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008-2010. [Электронный ресурс] // URL: http://dommuseum.ru/index.php?m=dist&pid=1, доступ 12/03/2012.

специализации. Французские журналисты, активно включившиеся в процесс описания «приёма» и «адаптации» русских изгнанников, сконцентрировали свое внимание на двух аспектах: финансовая нестабильность и разрыв социальных связей в связи с потерей социальной и национальной идентичности. Вместе с тем, представленные французскими журналистами многочисленные детали, иллюстрирующие ужасы жизни в новой России, послужили основой для создания образа русского беженца как бедствующего аристократа, в котором смутно улавливались черты офицера-моряка.

Подводя итоги первой главы, можно сделать следующие выводы. Во-первых, во второй половине XIX — начале XX вв. сотрудничество военно-морских сил России с базой военно-морского флота в Тулоне успешно развивалось, прежде всего, в области военного кораблестроения, а также обмена опытом между специалистами двух стран. Несмотря на долгосрочное партнерство, а также постоянное присутствие в городе русского консульского учреждения, в Тулоне не существовало исторической русской колонии.

Во-вторых, образование русской общины в начале 1920-х гг. стало прямым следствием событий Революции 1917 г. и Гражданской войны в России, когда вооруженный конфликт между большевиками и белыми армиями привел к поражению последних и Крымской эвакуации 1920 г. Исследовав историю военного транспорта «Рион» и его членов экипажа мы заключаем, что нестабильность политической ситуации, безусловно, повлияла на географию рассеивания русских беженцев, вследствии чего Тулон стал одним из центров русской эмиграции на юге Франции.

В-третьих, пример беженцев транспорта «Рион» показывает многоступенчатую и сложную картину «вхождения» в эмиграцию во Франции, где, несмотря на лояльное, в целом, отношение со стороны местных органов государственной власти, в 1921 г. еще отсутствовал чёткий механизм «приёма» эмигрантов из России. Ключевыми вопросами становятся детали политической

биографии, классовой принадлежности, а также все сложности, связанные с юридической легализацией документов, удостоверяющих личность.

В-четвертых, важно отметить высокий уровень социальной активности, который демонстрировали прибывшие беженцы в начальный период своего нахождения в стране, что, впоследствии, безусловно, сказалось на процессе их адаптации и интеграции в принимающее общество, о чем пойдет речь во второй главе диссертационного исследования.

Глава II.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ РУССКИХ ВОЕННЫХ ЭМИГРАНТОВ В ТУЛОНЕ

2.1. Формирование и состав русской военной эмигрантской общины в Тулоне в межвоенный период

Послевоенный период начала 1920-х годов характеризовался постепенным переоборудованием базы военно-морского флота в Тулоне, что дало городу возможность использовать финансовые активы, замороженные в период военного времени. Экономическая деятельность вокруг Арсенала и Военно-Морского Флота имела жизненно важное значение для развития города. В различных цехах и на площадках Арсенала работали более 5.000 человек; гражданские судостроительные и ремонтные площадки по-прежнему функционировали в коммуне Ла Сейн-сюр-Мер, где было занято от 3.000 до 5.000 человек¹.

Даже в эпоху «ревущих 1920-х» и в период Великой депрессии, Тулон и его окрестности оставались привлекательным местом отдыха на южнофранцузском побережье. В городе, где насчитывалось больше десятка музыкальных кафе, можно было поселиться в роскошном Гранд-Отель на площади Свободы, отдохнуть в термах Святой Елены, снять чудесную виллу в приморском районе Мурийон, а также понаблюдать за ежегодной парусной регатой прямо с городской набережной.

¹Albera F. Albatros des Russes à Paris, 1919-1929, Milan-Paris, 1995. P. 312.

Несмотря на сложности послевоенного периода, к середине 1930-х годов численность населения Тулона уверенно росла. Согласно статистическим данным 1936 года, тулонская городская агломерация насчитывала 228 272 человека. Непосредственно в Тулоне проживало 150 319 человек, в то время как в его пригородах спутниках Йере и Ла Сейн-сюр-Мер население составляло соответственно 26 378 и 25 785 человек¹.

Высокий уровень социально-экономической жизни города связан возвращением к власти Мариуса Эскартефига, мэра Тулона, который в течение своего первого срока нахождения у власти уже обеспечил тулонцам сеть государственных школ и провёл реформу по охране и профилактике гигиены и здоровья². Вернувшись в генеральный Совет в 1927 году, Эскартефиг поддерживал, в свою очередь, политические и экономические преобразования Пуанкаре, баллотировался на апрельских парламентских выборах. Впервые в истории города, он организовал предвыборные комитеты во всех городских кварталах, постоянно проводил личные встречи и беседы с населением в бедных и отдаленных районах и был легко избран депутатом первого округа. В мае 1929 года он вступил в битву на муниципальных выборах и был повторно избран мэром. В своей предвыборной программе Эскартефиг сделал ставку на решение таких вопросов как проведение реформы системы водоснабжения, расширение сети городского освещения, техническое переоснащение системы городского транспорта, в частности, трамвайного сообщения с отдалёнными от центра районами и некоторыми пригородами³.

Эскартефиг также серьезно относился к проблемам роста тулонской агломерации, которая, безусловно, повлекла за собой решение проблемы жилого фонда. Так, в 1930 году по инициативе мэра, в Тулоне был построен первый

¹Noel B. Vieux quartiers, vieilles gens // Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. 1989. № 111. P. 117.

²Mathieu J. Toulon dans les incertitudes de l'entre-deux guerres // Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. 1983. № 105. P. 116.

³Idem. P. 112.

многоквартирный дом, находящийся в управлении городской администрации¹. В соответствии с Законом об урбанизации для Тулона, Ла Сейн-сюр-Мер и Йера должны были быть разработаны планы по планировке, расширению и благоустройству общегородской территории. В Тулоне такой план был предложен ещё в 1922 году господином Дерво, архитектором-градостроителем². С незначительными изменениями план был принят к реализации в 1934 году: необходимо было очистить Старый город (исторический центр), связать его с разделенными фортификациями пригородами, скоординировать беспорядочные расширения новых районов, обновить транспортные пути и улучшить регулирование потока движения. Однако, в 1939 году с началом новой мировой войны градостроительная программа не была завершена.

В течение двух десятилетий межвоенного периода состав русской диаспоры в Тулоне изменялся под влиянием различных внутренних и внешних факторов. Как уже упоминалось выше, основание русской колонии в городе было связано с получением разрешения на проживание в городе бывших офицеров и матросов транспорта «Рион», а также членов их семей общей численностью 104 человека³. В полицейских отчетах 1923 года по-прежнему встречаются упоминания о бывших членов экипажа транспорта «Рион»: генерал-майор Сергей Беркалов, старший лейтенант Константин Жевахов, лейтенант, инженер-механик Иван Зубков, лейтенант Всеволод Котельников, лейтенант Владимир Котенков, полковник Николай Петров, капитан Николай Петрунин, лейтенант, инженер-механик Николай Федоров (всего 20 человек, в том числе члены их семей), что составляет пятую часть от общего числа членов экипажа прибывших в город 1921 году⁴.

Данные переписей населения, регистрационные карточки иностранцев, полицейские отчёты о благонадежности эмигрантов, а также сведения,

¹Agulhon M. Histoire de Toulon/sld. de M. Agulhon. Toulouse, 2000. P. 119.

²Idem. P. 121.

³AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Références sur les sujets russes résidés à Toulon, Hyères et Marseille. le 19 août 1921.

⁴AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 99. Listes nominatives par nationalité des ressortissants étrangers (Russes). Toulon, 1926.

почерпнутые из церковных архивов, позволяют сделать определенные наблюдения о социально-профессиональном составе прибывавших в город русских военных. Так, согласно допросному листу начальника полиции Тулона, в составе экипажа «Риона» 16 кадровых офицеров-моряков в различных чинах, от мичмана до генерала-майора флота, 4 офицера сухопутных сил и 2 военных врача¹. По данным на 1926 год, прибыло 18 бывших офицеров, большинство из которых, 15 человек, офицеры флота². Для 1932 года, в источниках находим сведения о 17 моряках и 11 армейских офицерах³.

В середине 1920-х годов во Франции наблюдался значительный приток русских беженцев, переезжающих из Германии, в связи с ухудшением там общей политической обстановки. Французской республике требовалась значительная рабочая сила для восстановления экономики страны после войны, именно поэтому в указанный период поощряется въезд эмигрантов, в том числе в южные провинции⁴. Тулон – крупный портовый город, который наряду с Марселем был одним из главных транзитных пунктов приёма беженцев на южнофранцузском побережье. В обоих городах работали представительства русских дипломатических служб, в Марселе также функционировало Русское бюро Международного Красного креста⁵. Эти организации занимались решением административных и бытовых вопросов, оказывали посредничество в размещении беженцев и трудоустройстве.

Вместе с тем, важно отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют в отдельных случаях сделать выводы о причинах переезда некоторых групп беженцев. Частная корреспонденция морских офицеров содержит постоянно встречающиеся сведения о приезжающих по вызову или рекомендации

¹AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 99-105. Liste des sujets russes arrivés à Toulon – rade sur le navire «Rion». le 6 août 1921.

²AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 99. Listes nominatives par nationalité des ressortissants étrangers (Russes). Toulon, 1926.

³AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 103. 1921-1946. Statistiques concernant les étrangers. ⁴Vitse G. Emigrés toulonnais: les héros malgré eux// Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. 1973. № 95. P. 102.

⁵ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 483. Л. 11.

членов семьи, как правило, для совместной службы, связанной с флотом. Так, в своем письме капитану 1 ранга В.И. Дмитриеву, военно-морскому агенту в Париже от 14/09/1921 года, лейтенант Георгий Новицкий сообщил, что прибыл в Тулон по рекомендации своего родственника, старшего лейтенанта Александра Миткевича для поступления на работу в Арсенал по поднятию линейного крейсера «Либерте»¹.

Также, решающую роль в переезде в тот или иной регион могли иметь личные знакомства офицеров-сослуживцев: в январе 1924 г., находящийся в Рагузе капитан I ранга Михаил Васильевич Казимиров обратился за советом и помощью относительно возможного переезда на юг Франции к последнему Морскому министру, адмиралу И.К. Григоровичу, проживавшему в середине 1920-х гг. в местечке Тамарис в окрестностях Тулона, в прошлом командиру эскадренного броненосца «Цесаревич», где автор письма служил вахтенным офицером: «...Поэтому решаюсь обратиться также и к Вашему любезному содействию. Несомненно, у Вас в Тулоне, и в частности на "F. et Ch."², сохранились еще связи и знакомства³. Если бы Вы сочли возможным и удобным посодействовать мне получить визу при посредстве этой фирмы, то я был бы Вам бесконечно признателен. Если бы мне < ... > оказалась возможность и на деле, как бывшему офицеру "Цесаревича" < ... >, получить какую-нибудь службу у "F. et Ch." или в порту, то я, разумеется, счёл бы себя блестяще устроенным. Для каперанга, занимавшегося в свое время изучением морской администрации, защищавшего диссертацию о портовом управлении и почти уехавшего в 1914 г. в Ecole Supérieure

¹ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 139. Л. 98.

²«F. et Ch.» – Forges et Chantiers de la Méditerranée (Кузницы и верфи Средиземноморья) – известная французская судостроительная компания, расположенная в г. Ла Сейн-сюр-Мер рядом с Тулоном.

³«Знакомства» И.К. Григоровича в Тулоне, о которых упоминает М.В. Казимиров, связаны с пребыванием адмирала в этом городе в период с 1899 по 1903 гг., когда Иван Константинович был назначен командиром эскадренного броненосца «Цесаревич». Корабль ещё предстояло построить по заказу на сейнской верфи близ Тулона. Весь период строительства Григорович вместе с семьёй безвыездно жил в городе. Предположения М.В. Казимирова подтверждаются документальными находками: находясь в эмиграции, адмирал состоял в переписке с руководством сейнских верфей (ГА РФ. Ф. Р5970. Д. 149) и последним русским консулом в Тулоне Дражоном (ГА РФ. Ф. Р5970. Д. 44).

de la Marine¹ для усовершенствования своих познаний, было бы к тому же и полезно послужить в порту в качестве рабочего. В случае невозможности устроиться в Тулоне, я обращу все свои усилия в сторону Марсели…»². Практика обращения к старшему офицеру была распространённым явлением в среде эмигрантов, выполняя роль неформальной, но очень важной профессиональной сети, помогавшей морским офицерам в решении многих повседневных вопросов в непривычных для них условиях жизни в изгнании.

Статистические данные учета населения свидетельствуют о том, что общее количество людей в российской колонии постоянно менялось (Таблица 4.). Так, в 1926 году оно составляло 97 человек, в 1932 году — 135 человек, а в декабре 1933 года достигло кульминационной отметки, зафиксированной в выявленных автором французских архивных источниках, в 268 человек, постоянно проживавших в Тулоне. Согласно данным полицейской статистики, русская община занимала в городе пятое место из двадцати восьми указанных по количественному составу после итальянцев, испанцев, турок и швейцарцев соответственно, что указывает на её константность, несмотря на малочисленность³.

Приведенная статистика (Таблица 4.) является уточненной цифрой, по сравнению с данными на середину 1920-х гг., цитируемыми в исследовании Н.В. Турыгиной и В.И. Хрисанфова⁴. Кроме того, сведения о количественном составе русской колонии в Тулоне в 1930-е гг. в их работе отсутствуют⁵. В работе П. Башеллери подробные статистические сведения о численности русской общины не приводятся⁶.

¹Ecole Supérieure de la Marine (Высшая Морская школа) – инженерная школа во Франции, занимающаяся подготовкой офицерских кадров для торгового флота.

²ГА РФ. Ф. Р5970. Оп. 1. Д. 49. Л. 7-7об.

³AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 99-105. Listes nominatives par nationalité des ressortissants étrangers. Toulon. 1921-1939.

⁴Хрисанфов В.И., Турыгина Н.В. К историографии вопроса о численности русской эмиграции во Франции в 1920-1930-е гг. // Вестник СпбГУ. Серия 2. 2014. Вып. 3. С. 21.

⁵То же. С. 22.

⁶Bachellerie P. Les Russes blancs dans le Var 1917-1939. Mémoire de maîtrise. IEP Aix, 1979. 57 p.

По сравнению с количественным составом русских колоний в изучаемый период в других городах южнофранцузского побережья, такими как Ницца (1.100 человек) или Канны (520 человек)¹, тулонская община, безусловно, проигрывает. Однако необходимо отметить, что названные города были известными центрами русской эмиграции и исторические русские колонии в них сложились еще в конце XIX века.

К концу 1930-х годов численный состав русской общины в Тулоне уменьшился вдвое. Основная причина меняющегося количественного состава русской колонии – сложная экономическая обстановка в регионе и принятие целой серии законов об ограничении найма иностранных рабочих на французские предприятия². Так, например, согласно особому распоряжению Морского Префекта изначально было запрещено принимать иностранцев на любые должности на постоянную работу в тулонский Арсенал и судоверфи³. Данные законодательные инициативы серьёзно сокращали и без того небольшие перспективы трудоустройства русских беженцев в Тулоне, где рынок труда был ограничен временными контрактами разнорабочих порта, водителей трамваев или сельскохозяйственных рабочих⁴.

Таблица 4. Статистическая информация о количественном составе русской общины в Тулоне, Йере и Л Сейн-сюр-Мер в 1921, 1926-1939 годах⁵.

Год	Тулон			Йер			Ла Сейн-сюр-Мер					
	Муж.	Жен.	Дети	Всего	Муж.	Жен.	Дети	Всего	Муж.	Жен.	Дети	Всего

¹Pietri M. La communauté russe des Alpes-Maritimes durant l'entre-deux-guerres. Mémoire de maîtrise d'histoire contemporaine. Université de Nice, 2004. P. 49.

²Vitse G. Emigrés toulonnais: les héros malgré eux // Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. 1973. № 95. P. 114.

³SHD Toulon. Série 2A. Sous-série 4. Carton 12. Note préfectorale sur la demande du capitaine Kiliastchenko. le 25 février 1922.

⁴Rudkovskaya M. L'émigration militaire russe en France: problèmes de l'intégration sociale et de l'insertion professionnelle (exemple de la communauté toulonnaise des années 1920-1930)// L'Europe et la Russie: problèmes actuels du dialogue. № 1. en 2 vol., Édition du Centre de la culture et de la connaissance, 2014. P. 20.

⁵AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 99-105. Listes nominatives par nationalité des ressortissants étrangers (Russes). Toulon, 1921-1939.

1921	63	24	17	104	-	-	-	-	-	-	-	-
1926	47	-	-	97	-	-	-	23	-	-	-	11
1927	93	28	14	135	-	-	-	-	-	-	-	-
1928	105	37	22	164	6	5	-	11	-	-	-	-
1929	99	35	20	154	-	-	-	-	-	-	-	-
1930	85	30	20	135	-	-	-	-	-	-	-	-
1931	-	-	-	-	55	-	-	55	15	8	15	38
1932	119	38	21	178	37	2	-	39	17	5	3	25
1933	179	79	10	268	39	6	-	45	13	5	3	21
1934	151	59	5	215	-	-	-	-	-	-	-	-
1937	120	81	26	227	30	4	2	36	5	4	-	9
1938	91	45	17	153	-	-	-	-	5	5	-	10
1939	80	37	9	126	24	11	-	35	6	6	-	12

Что касается гендерной составляющей русской эмигрантской общины, большинство составляли мужчины, число женщин – около 30-40%. Более высокий процент мужского населения объясняется тем, что многие молодые эмигранты, составившие основу русской колонии в 1921 году, а также приезжающие в город впоследствии, не имели жён и детей. Так, по данным тулонской полиции относительно личного состава экипажа транспорта «Рион» количество женатых составляло 22 человека от общей цифры в 104 человека, среди них – 12 с детьми подобное соотношение численности мужского и женского населения сохраняется на протяжении всего изучаемого периода.

Наблюдения о возрасте членов русской общины, позволили выделить несколько постоянных возрастных групп её составе (Таблица 5.).

Таблица 5. Половозрастной состав членов русской диаспоры, 1921, 1926 и 1932 годы².

Год/Возраст	1921		19	26	1932	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.

¹AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Liste des sujets russes arrivés à Toulon – rade sur le navire «Rion», le 6 août 1921.

²AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Références sur les sujets russes résidés à Toulon, Hyères et Marseille. le 19 août 1921; AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 99-105. Listes nominatives par nationalité des ressortissants étrangers (Russes). Toulon. 1926; AP de l'Eglise. Registres paroissiaux. 1931-1937.

менее 20	9	8	нет данных 1	нет данных	нет данных	нет данных
21-30 лет	45	17	20	нет данных	22	8
31-45 лет	15	4	21	нет данных	72	19
46-55 лет	2	2	6	нет данных	21	10
более 55 лет	1	1	-	нет данных	4	1

Исходя из приведенных данных, можно заключить, что основу русской колонии в Тулоне в указанный период составляет взрослое мужское и женское население в возрасте от 30 до 45 лет. Процент пожилых людей очень невелик, а молодые беженцы идентифицируются как студенты и школьники.

Необходимо отметить, что данные наблюдения о половозрастном составе русской общины в Тулоне в межвоенный период, соотносятся с подобными сведениями приведенными в исследованиях французских историков М. Пьетри и А. Лаггуна по гендерной и возрастной составляющим русских колоний в Ницце и Канных соответственно².

Таким образом, можно сделать вывод, что в начале 1920-х гг. в Тулоне была образована русская колония, у истоков которой стояли члены экипажа военного транспорта «Рион». На протяжении изучаемого периода под влиянием целого ряда политических и экономических факторов количественный состав общины постоянно менялся, стабилизировавшись к концу 1930-х годов. Также сохранялся значительный перевес в сторону преобладания мужского населения.

¹К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют провести точный половозрастной анализ русской колонии в указанный период. При составлении статистики для 1921 года мы пользовались материалами допросов тулонской полиции в отношении членов экипажа «Рион», где подробно зафиксированы все данные о возрасте и гражданском состоянии опрашиваемых. Данные городской переписи населения 1926 года содержат сведения исключительно о домовладельцах, поэтому мы приводим статистику относительно лиц мужского пола. Перепись 1932 года сохранила дополнительные сведения о всех взрослых членах семей, таким образом, таблица была дополнена данными о женском контингенте.

²Pietri M. La communauté russe des Alpes-Maritimes durant l'entre-deux-guerres. Mémoire de maîtrise d'histoire contemporaine. Université de Nice, 2004. P. 52; Laggoune A. Les Russes de Cannes, 1879-1939. Master II Recherche en histoire. Université de Nice, 2014. P. 101-102.

2.2. Экономическая адаптация и интеграция русских военных эмигрантов в Тулоне

Главным условием успешной социальной интеграции русских эмигрантов во Франции являлось скорейшее трудоустройство. В начале 1920-х годов, Франция переживала серьёзные демографические проблемы из-за диспропорции мужского и женского населения в стране в пользу второго, и следовательно, особенно была заинтересована в притоке мужского населения трудоспособного возраста, которое и составляло основную часть русской эмиграции¹. Существенные людские потери, которые понесла Франция в годы Первой мировой войны, пришлись, главным образом, на сельское население. Ситуацию в сельском хозяйстве страны можно было назвать критической, заброшенными остались тысячи ферм. Французский промышленный сектор также был заинтересован в присутствии русских рабочих. Аполитичность и стремление заново построить свою жизнь на чужбине делали русских беженцев привлекательной рабочей силой на французском рынке труда.

Материалы допросов, производимые лично начальником городской полиции господином Бланком, позволили получить некоторую интересную информацию о планах новоприбывших в Тулон беженцев. Бывший командир «Риона» Анатолий Городыский, как и большинство офицеров, предполагали остаться в городе и искать какую-либо работу в Арсенале, священник Павел Вороновский планировал перебраться в Марсель, его сын Борис указал, что «поедет на Корсику, чтобы присоединиться к своему брату Николаю Вороновскому, инженеру в Аяччо, служащему в «Бюро мостов и шоссе»; старший лейтенант Вячеслав Килященко, который приехал вместе с отцом, капитаном 1 ранга в отставке Константином Килященко, собирался работать часовщиком, полковник Николай Петров, выполнявший на борту «Риона» функции булочника, рассчитывал устроиться на работу именно по этой специальности².

¹Руденцова Ю.И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции (1920-1930-е гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2000. С. 67.

²AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Références sur les sujets russes résidés à Toulon, Hyères et Marseille. le 19 août 1921 (Περ. c φρ. – M.P.).

21-летний матрос Евгений Дашкевич «обладатель суммы в 1000 франков, ожидает ордера в 1000 франков за просрочку выплаты жалования», матрос Илья Шаховский вместе с семьёй, «ожидает приглашения в Бельгию, у него есть средства на проезд». Будущий знаменитый деятель русской православной церкви за рубежом, капитан знаменитого Марковского полка, Христофор Топольянц готовил себя к карьере скотника для работы на ферме в местечке Опио под Ниццей, куда он «уже получил вызов»; работать на ферме изьявили желание и другие кандидаты: матрос Константин Фёдоров, капитан Иван Косуля, лейтенант Виктор Кинжалов¹.

Несколько человек планировали поселиться на Корсике: заявители уточняли, что у них есть достаточные средства для поездки в Аяччо и предложения о работе. Список пассажиров, желающих вернуться на остров, включал лейтенанта Владимира Котенкова с семьёй, доктора Николая Дмитриевского с супругой, лейтенанта Виктора Сергеева «нанятого в качестве водителя автомобиля», электрика Валерия Татаринова, механика Николая Виноградова, механика Георгия Кандалеева, водителя Ивана Загареева².

Важно также отметить, что большая группа «рионцев», ходатайствовала о проживании в Марселе. Безусловно, данный факт стоит связать с присутствием на марсельском рейде шести кораблей русского торгового флота³, на которых и поселились в общей сложности 28 человек, в том числе старший лейтенант Владимир Казаков, лейтенант Борис Вавилов, мичман Владимир Школинский, а также несколько бывших механиков, и водителей с семьями⁴.

К сожалению, строгие формулировки допросных листов не освещают деталей личных контактов пассажиров; мы можем только предположить, как они получали информацию о наличии тех или иных вакансий. Безусловно, большую роль в информировании и поиске работы вновь прибывающих беженцев сыграли

¹Ibid.

²Ibid.

³AD des Bouches-du-Rhône . Série F. Sous-série 200. Carton 1579. Renseignements sur les bâtiments russes sur la rade de Marseille. 1919-1922.

⁴AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Références sur les sujets russes résidés à Toulon, Hyères et Marseille. le 19 août 1921.

русские дипломатические институты и общественные организации на местах. В отношении членов экипажа транспорта «Рион» неоценимой была поддержка Марциала Дражона, русского консула в Тулоне, который с момента прибытия город русских беженцев на борту судна «Дюгай-Труин» заявил, что вся его администрация и лично консул находятся в распоряжении лиц, могущих предложить работу русским беженцам либо в Тулоне, либо в других городах департамента Вар¹. Посильное участие в судьбе моряков принимал старший лейтенант Василий Маслов², помощник военно-морского агента во Франции, представительство которого находилось в Марселе. Стоит отметить, что по его личной инициативе и ходатайству помощь оказывалась не только офицерам, но также нижним чинам и матросам³.

Члены экипажа «Рион» были готовы согласиться на любой труд, гарантирующий им существование. Тем не менее, это не означает, что они не пытались найти работу, соответствующую их квалификации: в качестве примера цитируем заявление старшего лейтенанта Вячеслава Килященко, представившего свою кандидатуру в «Лабораторию оптики и гироскопических компасов» Арсенала. Запрос старшего лейтенанта был тщательно изучен; в докладной записке директора Арсенала на имя морского Префекта отмечается, что «технические знания русского капитана могут быть чрезвычайно полезными для работы лаборатории» , но, по мнению последнего, факт приёма на работу в военную лабораторию иностранного подданного мог послужить неприятным, даже опасным прецедентом.

¹Je dis tout. le 7 août 1921.

²Маслов Василий Константинович (15/04/1887 - после 1930) — выпускник Морского корпуса (1907), первый офицерский чин мичмана получил в 1908 г. Производство в лейтенанты — 25 марта 1912 г. Участник Белого движения. С 1921 г. служил помощние военно-морского агента во Франции с постоянным пребыванием в Марселе. В эмиграции также проживал в Марселе, где открыл русский ресторан.

³ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 497. Д. 30об.

⁴При переводе сохранен термин, указанный в источнике; в действительности, звание Вячеслава Килященко – старший лейтенант.

⁵SHD Toulon. Série 2A. Sous-série 4. Carton 12. Note préfectorale sur la demande du capitaine Kiliastchenko. le 25 février 1922 (Перевод с фр. – М.Р.).

Отношение капитана 1 ранга Михаила Казимирова к подобным обращениям было более сдержанное. Так, например, в письме от 24 ноября 1925 года к В.И. Дмитриеву он просил выслать ему подтверждающие документы о том, «что 1) в 1903 – 1906 гг. служил на «Цесаревиче», который строился в La Seyne-sur-Mer, 2) в 1916 г. ведал совместно с capitaine de frégate Berthelot отправкой из Архангельска русских бригад и ... эльзасцев, 3) что прибыл в 1924 г. на пароходе «Аскольд» под французским флагом в роли помощника капитана. Необходимость в подобном удостоверении выявилась лишь потому, что один служащий в тулонском Арсенале штаб-офицер выразил желание стараться устроить мне какое-нибудь situation. Большой надежды на это я не возлагаю, но всё-таки попытаться или завязать необходимые связи я считаю нужным»¹.

Некоторые офицеры стремились пройти обучение и получить новую квалификацию. Так, например, инженер-механик, мичман Владимир Степанов в январе 1922 года проходил обучение на курсах по резке металла газом в «Ателье Поле»², а лейтенант Георгий Новицкий в апреле 1923 года рапортовал В.И. Дмитриеву в Париж, что «в ноябре прошлого года оставив работу по подъёму линейного корабля «Liberté» в связи с сокращением штатов, а также по состоянию здоровья... поступил к зубному технику в учение»³. Однако подобные профессиональные проекты были скорее исключением, так как требовали серьёзных финансовых вложений: так например, стоимость обучения в размере 275 франков была бы непосильной для мичмана Владимира Степанова, едва зарабатывающего 300 франков в месяц, если бы не единовременное пособие, выданное военно-морским агентом⁴.

Условия жизни и труда русских эмигантов в Тулоне в начале 1920-х годов были весьма сложными, несмотря на то, что большинство было обеспечено какойлибо работой в первые же месяцы пребывания в городе. Генерал-майор Александр

¹ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 578. Л. 77-77об.

²ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 527. Л. 3.

³ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 543. Л. 226.

⁴ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 527. Л. 4.

Иванов поступил рабочим в механические мастерские Брюне в отдалённом пригороде Тулона¹, лейтенант Георгий Гассовский, дававший «уроки музыки (пианино), но пока их лишь два...», констатировал, что этим трудом не может «пока и себя прокормить»².

В своём письме в штаб Русской эскадры в декабре 1921 года о первой работе и о том, как все устроились, командир «Риона» Анатолий Городыский сообщал, что «в настоящий момент уже почти все на местах и работах; меньшая часть пристроилась на места постоянныя... большая же часть работает на vendange'e (на виноградниках). Оплата на работах поденных около 12 франков в день, служба при кормлении (в имениях) 60 франков в месяц»³. Сам Городыский, на иждивении которого находилась семья из шести человек, трудился на заводе кочегаром за 14 франков в день⁴, подрабатывая перевозкой артиллерийских ящиков, а «чтобы эта операция дала большую выгоду, решаю купить лошадь... пусть изношенную, но могущую ещё работать. ... Проложил уже дорогу к месту складирования этих ящиков, строю конюшню из этих же ящиков, и пока вожу с тестем ручной шареткой эти ящики... Тяжело, но уверен, что заработаю»⁵.

Примеры успешной профессиональной интеграции редки среди русских эмигрантов в первые годы их проживания в Тулоне: генерал-майор Сергей Беркалов, изначально трудился рабочим механических мастерских, впоследствии, поступил чертёжником в частное бюро, выполнявшем заказы Арсенала, капитан Сергей Фёдоров работал бухгалтером в знаменитом магазине «Ле Дам де Франс» 6.

Подавляющее большинство русских беженцев было вынуждено согласиться на работу в качестве мелких служащих и рабочих различных специальностей (Таблица 6., Таблица 7.). Согласно данным полицейской статистики 1932 г. лейтенант Виктор Кинжалов работал шофером в известной фирме «Саглия», также

¹Je dis tout. le 7 août 1921.

²ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 497. Л. 97.

³ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 2. Д. 143. Л. 81об.

⁴ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 543. Л. 51.

⁵ГА РФ, Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 122. Л. 99об.

⁶Bachellerie P. Les Russes blancs du Var. Aix-en-Provence, 1975. P. 27.

как и братья Владимир и Константин Жеваховы; подпоручик Владимир Степанов числился массажистом, а лейтенант Владимир Катенков трудился сборщиком деталей механизмов в ремонтных мастерских¹. Бывшие матросы с «Риона» Петр Шалаев и Викентий Кура были заняты в порту на подённых работах².

Таблица 6. Статистика работающих и безработных русских эмигрантов в Тулоне, 1932-1939³.

Год	Работа	ющие	Безработные		
	Мужчины Женщины		Мужчины	Женщины	
1932	75	9	5	24	
1933	176	21	3	58	
1937	152	2	27	57	
1939	75	2	5	35	

Используя данные «Таблицы 6.», можно сделать вывод, что процесс трудовой интеграции мужского населения происходил весьма активно: процент работающих членов общины значительно превышал количество безработных. Исходя ИЗ представления о социальной принадлежности подавляющего большинства членов русской колонии, не имевших по прибытии во Францию достаточных финансовых ресурсов или капиталов, можно предположить, что в категорию безработных попали либо временно не работающие, либо вновь прибывшие. Пик безработицы пришелся на вторую половину 1930-х гг.: сказывались последствия мирового экономического кризиса и политики французского правительства сфере трудового законодательства, В ограничивающей права иностранцев на рынке труда

¹AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 104. Liste des réfugiés d'origine russe, résidant à Toulon. 1933.

²Ibid.

³AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 103-105. Naturalisation, statistiques concernant des étrangers. 1928-1939.

Таблица 7. Статистика профессий русских эмигрантов в Тулоне, 1932-1933 гг.¹

Профессия	Мужчины	Женщины	Всего
Артист	2	1	3
Выщивальшица	-	1	1
Гравёр	1	1	1
Гувернантка	1	-	1
Домашняя прислуга	-	13	<u>13</u>
Заклёпщик	1	-	1
Каменщик	3	-	3
Кровельшик	2	-	2
Легионер	1	-	1
Маляр	7	-	7
Массажист	1	-	1
Медсестра/медбрат	1	2	3
Механик	2	-	2
Монтёр	1	-	1
Музыкант	7	-	7
Пильщик	-	2	2
Плиточник	1	-	1
Помощник повара	1	-	1
Помощник по дому	-	2	2
Рабочий по найму на 1 день	4	-	4
Рабочий типографии	1	-	1
Разнорабочий	<u>35</u>	-	35

¹AD du Var. Série M. Sous-série 4. Cartons 100, 104. Listes des réfugiés d'origine arménienne et d'origine russe, résidant à Toulon et à la Seyne-sur-Mer. 1932, 1933.

Сборщик	2	-	2
Сельскохозяйственный рабочий	<u>8</u>	3	11
Слесарь	3	-	3
Служащий трамвайного депо	11	-	11
Специалист по установке и ремонту замков	1	-	1
Столяр/плотник	<u>6</u>	-	6
Сторож	2	-	2
Студент	5	2	7
Тракторист	2	-	2
Учительница	-	1	1
Чертёжник	4	-	4
Шахтёр	2	-	2
Шлифовальщик	1	-	1
Шофёр	<u>6</u>	-	6
Электрик	<u>6</u>	-	6

При изучении статистики профессий русских эмигрантов, было установлено, что в список самых распространенных входили такие как разнорабочий, водитель трамвая, маляр, шофер, плотник, электрик (Таблица 7.). Русские рабочие ценились на рынке труда, славясь своим профессионализмом, выносливостью, кроме того они соглашались с условиями напряженной и тяжёлой работы, в чем также видели преимущество их работодатели. Профессиональная интеграция женщин оставалась слабой (Таблица 6.). Большинство женщин работали в секторе обслуживания — горничная, гувернантка, или на сельскохозяйственных работах. Однако в источниках встречается информация об одной учительнице и двух медсестрах. (Таблица 7.).

Интересный факт: многие проживавшие в Париже русские эмигранты стали шофёрами такси¹, в Ницце и окрестностях русские были заняты в сфере сельского хозяйства². В Каннах также имелась своя специализация: домашняя прислуга и рабочие на металлургическом заводе в Ля Бокка³. В Тулоне одной из наиболее распространенных профессий среди бывших офицеров можно считать труд водителя трамвая. Первыми вагоновожатыми на тулонском трамвае стали лейтенант Константин Жевахов и его брат Владимир, инженер-механик, мичман Владимир Степанов и поручик-механик Николай Фёдоров⁴. В дальнейшем в тулонском трамвайном депо работали полковник Пётр Вирановский (рабочий гаража), водителями – полковник Сергей Иванов, сыновья капитана 1 ранга Михаила Казимирова, Борис и Георгий, лейтенанты Владимир Ларкевич, Алексей Третьяков, Михаил Зенкевич и Владимир Фёдоров, поручик Михаил Филиппенко, подпоручик Николая Шикин⁵.

В январе 1881 года тулонский городской совет принял решение о создании трёх трамвайных линий для обслуживания районов Сен-Жан-дю-Вар, Бон Ранконтр и Мурийон. 25-29 июля 1881 года между городом Тулон и «Компанией Женераль де Омнибус де Марсель» был подписан договор о строительстве в городе трамвайной сети, которая была открыта 17 января 1886 года. Первые вагоны передвигались с помощью тяговых норманнских лошадей со скоростью всего 5 км/ч, средняя продолжительность движения по каждой линии составляла 45 минут⁶.

В 1895 году бельгийским предпринимателем Артуром Рениером была основана компания «Tramways du Var и du Gard» (Трамваи Вара и Гарда). В том же

¹Jevakhoff A. Les Russes blancs. Paris, 2008. P.343.

² Pietri M. La communauté russe des Alpes-Maritimes durant l'entre-deux-guerres. Mémoire de maîtrise d'histoire contemporaine. Université de Nice, 2004. P. 32.

³Laggoune A. Les Russes de Cannes, 1879-1939. Master II Recherche en histoire. Université de Nice, 2014. P. 104.

⁴ГАРФ. Ф. Р5903. Оп. 2. Д. 143. Л. 81об.

⁵AP de l'Eglise. Registre paroissial de l'Eglise de la Résurrection à Toulon. 1931-1935.

⁶Bottarelli Ch. 1886-1955, vie et mort des tramways toulonnais // Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. 2006. № 128. P. 180.

году представители компании обратились в городской совет Тулона с просьбой предоставить разрешение на использование электрической тяги. Новая трамвайная сеть была оборудована немецкой фирмой «Schuckert» (Шукерт); она включала воздушную проводную сеть, тридцать новых трамваев на тридцать два места каждый (Рисунок 3.), а также подготовку водителей, которых стали называть «wattman» («люди тока»).

25 июля 1897 года новые вагоны открыли движение по пробному участку «Марсово поле – Ла Валетт», длительность поездки составила всего 15 минут. Новая трамвайная сеть включала 7 маршрутов:

№ 1: «Тулон – Оллиуль»

№2: «Тулон – Ла Валетт»

№3: «Тулон – Мурийон»

№4: «Площадь Луи Бланка – Центральный вокзал»

№5: «Порт де ла Род – Марсово поле»

№6: «Тулон – Ле Рут»

№7: «Тулон – Кап Брюн»¹.

Работа водителя трамвая была очень трудной. Трудиться приходилось на открытом воздухе 10 часов в день с одним перерывом для отдыха после первых четырех часов работы. Все водители имели рабочий разряд, от 1-го до 5-го, получение которого зависело от стажа работы. Наличие того или иного разряда влияло на размер заработной платы: 4.0 франка в день для водителей, имеющих 1-й разряд, с увеличением на 0.25 франка для каждой следующей категории.

¹Idem. P. 182.

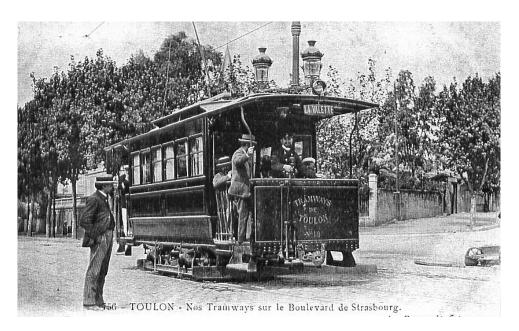

Рисунок 3. Трамвай в Тулоне, бульвар Страсбург, 1920-е гг. Сверху указано название линии – «La Valette» (Ла Валетт). На передней площадке – водитель трамвая в униформе и фуражке.

По условиям рабочего договора, каждый водитель обязан был работать не менее 24 дней в месяц, при выработке 28 рабочих дней в месяц полагалась премия в размере 25% заработной платы¹. Водители трамваев обеспечивались форменной одеждой и специальным нагрудным значком. Согласно служебной инструкции от 20 марта 1912 они не имели права разговаривать с извозчиками, водителями других транспортных средств и пешеходами, должны были в совершенстве владеть техническими правилами вождения, соблюдать предусмотренный скоростной режим, а также устранять мелкие технические неисправности, для чего все водители снабжались специальным буклетом². Данные предосторожности не были чрезмерными. Изученные архивные документы, позволили констатировать тот факт, что аварии с участием трамваев не были редкостью, на страницах полицейских отчетов подобные случаи описывались с периодичностью 2-3 раза в месяц. Вместе с этим, следует отметить, что за весь период с начала 1920-х и до

¹AD du Var. Série S. Sous-série 5. Carton 159. Conditions de travail pour le personnel des Tramways à la Société des Chemins de Fer et des Tramways.

²Tramways de Toulon. Règlement et instructions générales sur le fonctionnement des voitures. Toulon. 1914. P. 38.

конца 1930-х гг. не зафиксировано ни одного происшествия с русскими водителями, чаще всего встречаются итальянские и испанские фамилии¹. Данная статистика объясняется высоким уровнем образования и личной дисциплины, специальной технической подготовкой русских водителей, но также и их опасениями потерять рабочее место.

Кроме того, русский коллектив являлся абсолютно аполитизированным: за весь исследуемый нами период в источниках не удалось обнаружить ни одного факта участия русских рабочих в забастовках или иных акциях социального протеста, в то время как сведения о манифестациях французского пролетариата, а также участия в них представителей других национальных групп (итальянских или польских рабочих) встречаются регулярно².

Некоторые члены русской общины Тулона связали свою профессиональную деятельность с сельским хозяйством. Как установила в своём исследовании Ю.И. Руденцова, в 1920-е гг. для русских эмигрантов во Франции существовало несколько вариантов занятия сельскохозяйственным трудом: наёмная работа по контракту за 275-300 франков в месяц, а также два варианта полусамостоятельного сельскохозяйственного труда («мэтр-вале» — «хозяин-слуга», когда работник получал в своё распоряжение небольшую ферму и производственное задание от хозяина, но работать он должен был самостоятельно; «метаяж» — «компаньон хозяина», когда работник получал тот же перечень средств и орудий производства, однако, урожай и приплод скота делились поровну с хозяином³).

Необходимо отметить, что большую роль в организации предпринимательской программы офицеров флота сыграли русские военные агенты в разных странах. Военно-морской агент в Англии Н.А. Волков и военно-морской агент во Франции В.И. Дмитриев создали «Особое совещание по оказанию помощи чинам флота и их семьям». Финансовые источники военно-морских

¹AD du Var. Série Z. Carton 57. Rapports et statistiques policiers. 1922-1939.

²AD du Var. Série Z. Carton 57-58. Rapports et statistiques policiers. 1922-1939.

³Руденцова Ю.И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции (1920-1930-е гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2000. С. 80.

агентов представляли собой денежные суммы, оставшиеся со времени Первой мировой войны¹. После Октябрьской революции согласно специальному Морского Генштаба распоряжению агентство должно было прекратить деятельность с 1 мая 1918 года. Однако В.И. Дмитриев² не сдал дела и денежные суммы, продолжая служить белой армии. Согласно протоколу заседания морских агентов в Англии и во Франции: «Морские агенты в Англии и во Франции, собравшись в Париже 14 апреля 1921 года, принимая во внимание отсутствие в настоящее время Русской Государственной власти, постановили исполнить пункт третий секретного предписания Морского Министра от 23 декабря 1919 года относительно использования денежных средств» и постановили, что помощь чинам флота и Морского ведомства должна оказываться в том числе и выдачей «долговременной ссуды на устройство коммерческих и других предприятий»³. Совещание разработало специальный договор по финансированию коммерческих проектов русских офицеров, согласно которому офицер-предприниматель обязался средствами пользоваться выданными денежными строго основании подписанного положения. При нарушении этого условия, ссуда возвращалась по первому требованию В.И. Дмитриева, а в случае убыточности предприятия до степени, изложенной в параграфе 19 положения и последующей затем его ликвидации, преимущественное право перед другими кредиторами также получал B.И. Дмитриев⁴.

¹Климутин В.А. Российская военно-морская эмиграция в 1920-1930-е гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2006. С. 130-131.

²Дмитриев Владимир Иванович (03/06/1879-18/02/1965), выпускник Морского корпуса (1889), капитан 1 ранга, военно-морской агент во Франции, в том числе в годы Революции и Гражданской войны. В эмиграции проживал во Франции, в Париже. Активно занимался помощью чинам флота и Морского ведомства, поддерживал Морской корпус в Бизерте, занимался устройством флотской молодёжи в высшие учебные заведения. В 1929-1936 гг. – председатель Всезарубежного объединения морских организаций в Париже, почетный член Общества бывших морских офицеров в Америке. Подробнее о личности и деятельности военноморского агента: Кузнецов Н.А., Емелин А.Ю. Деятельность русского военно-морского агента во Франции В.И.Дмитриева в годы Первой мировой и Гражданской войн // Франция-Россия 1914-1918 гг.: от альянса к сотрудничеству. Материалы франко-российского коллоквиума. М., 2015. С. 145-154.

³ГА РФ. Ф. Р5916. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 499. Л. 11.

В фонде P5903 Государственного архива Российской Федерации сохранились документы, подтверждающие существование сельскохозяйственного предприятия, основанного бывшими офицерами и матросами транспорта «Рион» в местечке Калабро Ла Валетт рядом с Тулоном (Рисунок 4.). В октябре 1921 года лейтенант Всеволод Котельников с женой, матросы Михаил Зубков и Аблямид Ибрагим-оглы заключили договор аренды имения «Пелиерано» в размере 10.000 десятин земли с его владельцами, бывшими русскими помещиками В. Вульфертом и Г. Лаппо-Данилевским, согласно которому вся прибыль, полученная от урожая должна быть поделена в равных долях между владельцами и арендаторами. В договоре также была прописана сумма содержания арендаторов в размере 15 франков в день на четырёх человек, возможность использования всех необходимых для обработки земли орудий труда, сроки получения урожая (февраль 1922 года), а также его ожидаемая стоимость 1.

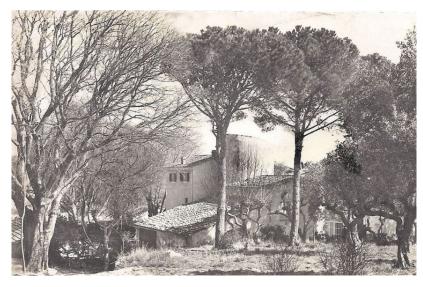

Рисунок 4. Имение «Пелиерано», Калабро-Ла Валетт, 1920 гг.

Однако практическая сторона ведения хозяйства преподносила неприятные сюрпризы, безусловно, возникающие в связи с незнанием офицерами-моряками специфики сельскохозяйственного труда. В письме В.И. Дмитриеву от 4 февраля 1922 года Всеволод Котельников просил возобновить выплату ссуды в размере 450

¹ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 504. Л. 80-80об.

франков в месяц в связи с возникшими трудностями: «...Получить деньги под залог посева сейчас не представляется возможным. ... Работая на земле впервые, мы, естественно не могли избежать многих ошибок. При начале работ нам передали, что срок для petit-pois (фр. – горошек) 100 дней. Сейчас выяснилось, что только к 1 апреля будет ликвидация урожая. Работать на стороне совершенно не представляется возможным из-за полного отсутствия времени. Имея крупный для нас капитал, находящийся сейчас в земле, мы не можем получить ни франка для своего прокормления. Между тем, просимая ссуда по 3 франка 75 сантимов в день на человека... позволит нам сводить концы с концами... Ссуда будет погашена в 2-3 месяца, начиная с 1 мая сего года. Отказ от просимой ссуды должен будет заставить нас или продать весь посев на корню за бесценок, или бросить землю на произвол судьбы и идти искать работу» 1.

Однако стоит упомянуть и удачные примеры хозяйствования: в августе 1922 года капитан Александр Длусский сообщал В.И. Дмитриеву, что «ставит не без успеха хозяйство около Тулона, ... уже теперь имею маленький доход, который растет по мере увеличения дел ... работаю с утра до вечера... я нашёл почти идеал здоровой жизни»². Капитан Длусский в своем хозяйстве занимался не только выращиванием различных зерновых культур, но к 1923 году смог расширить свое дело благодаря выпечке хлеба и разведению кур³.

К концу 1920-х годов, несколько семей русских эмигрантов, пережив период нищеты и тяжелой наёмной работы, обзавелись собственными земельными участками. Благодаря трудолюбию и небольшому кредиту семьям Николаевых⁴,

¹ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 24. Л. 263-263об.

²ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 24. Л. 22.об, 25.

³ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 543. Л. 166.

⁴До начала революционных событий 1917 г. и Гражданской войны семья Николаевых проживала в Петербурге. Владимир Владимирович Николаев, кадровый офицер капитан от кавалерии. Во время революции В.В. Николаев покинул Петербург и вернулся в свое украинское имение. В 1918 году произошёл передел земли, семья Николаева сохранила часть участка, с ними в имении продолжали работали агроном и садовник. Во время Гражданской войны капитан Николаев, оставаясь верным присяге, вступил в ряды армии генерала Деникина, а когда последний был разбит, семья Николаева, покинула Украину в направлении Крыма, следуя за Белыми армиями. Из Севастополя семья Николаевых была эвакуирована в Рагузу (Дубровник) на госпитальном пароходе «Дюгай Труин». С 1920 по 1924 год Николаевы жили в Югославии:

Бабоченко и Жеваховых удалось приобрести в собственность землю в местечке Дардень-Убак, на северной окраине Тулона, где они организовали хозяйства по выращиванию кур. Особенно хорошо развивалась семейная ферма Николаевых, превзойдя другие по качеству и количеству продукции, 1.200 кур-несушек, 8.000 кур-бройлеров. Как отмечал в своем очерке о Лазурном береге К.К. Парчевский, «тут дело поставлено на широкую ногу и на строго научных основаниях. Всё блещет чистотой и порядком: громадные, специально построенные белоснежные курятники, где за стеклом видны сотни белоснежных яиц, усовершенствованные инкубаторы, отделения для выписанных из Англии индейских петухов и опытов скрещивания разных пород и рас. ... Недавно после ряда опытов тут удалось совершенно новую породу, оцененную самыми вывести изысканными гастрономами и любителями куриного мяса»¹. Продукция фермы Николаевых была известна далеко за пределами Тулона, удостоена премий на выставках сельскохозяйственной продукции в Париже, Ницце, Лионе². В настоящее время в Тулоне существует одно из хозяйств, основанных русскими эмигрантами в конце 1920-х гг.: русская производственная ферма, управляемая представителями третьего поколения семьи Бабоченко, продолжает свою деятельность, здесь выращивают различных птиц семейства соколиных³.

_

сербы оказали очень хороший прием для российских беженцев. Капитан Николаев занимался производством мебели. Его супруга, Вера Николаева работала посудомойкой, затем официанткой в ресторане, продавщицей в книжном магазине, пока семья не воспользовалась приглашением французских работодателей о трудоустройстве на лионском текстильном заводе, предлагающем постоянные рабочие контракты. В ноябре 1924 года Николаевы приехали в Лион, но задержались здесь всего на четыре года. Лионский климат неподходящий для здоровья госпожи Николаевой, заставил их решиться на очередной переезд и перебраться на юг, в Тулон, где они поселились в начале 1928 года.

¹Парчевский К.К. По русским углам. М., 2002. С. 146.

²Bachellerie P. Les Russes blancs du Var. Aix-en-Provence, 1979. P. 51.

³Entretien avec Natacha Babotchenko. le 29 avril 2015.

Рисунок 5. Логотип производственной фермы «Фезандери де ля Капель», которая принадлежит Андре Завадия, потомку русских эмигрантов в 3-м поколении, сыну Наташи Бабоченко.

Стоит также упомянуть, ЧТО предпринимательская мысль эмигрантов распространялась не только на сферу сельского хозяйства. В Региональном архиве департамента Вар сохранилось досье русского беженца Василия Веселаго, представившего запрос на получении лицензии по производству линз для коррекции зрения. Начинающий оптик-изобретатель подготовил подробное досье, где представил описание рабочего цеха, список необходимых для работы инструментов и материалов, даже образцы специально подготовленных рекламных листовок. Хотя Василий Веселаго обладал высокой квалификацией, блестящей аттестацией со стороны предыдущего работодателя, благоприятным мнением независимых экспертов о «некотором интересе к проекту региональной промышленности», резолюция комиссии Торгово-промышленной палаты Тулона благоприятной: «личность заявителя не вызвала каких-либо неблагоприятных замечаний со времени его пребывания во Франции, тем не менее подробности его прошлой биографии неизвестны, ... в России у него осталась жена и двое сыновей» 1. Однако социально-экономическая обстановка, в которой был подан запрос, позволяет заключить, что предпринимательская карьера Василия Веселаго была прервана в связи со знаменитым декретом 28 ноября 1938 года об

¹AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 130. Artisans et commerçants étrangers. Dossier de demande de carte d'identité de commerçant de Veselago Basile.

ограничении использования иностранной рабочей силы и выдаче профессиональных карт предпринимателя¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс трудовой интеграции русских беженцев в Тулоне происходил достаточно активно. Высокая активность объяснялась ИХ нестабильной финансовой ситуацией, труда необходимостью быстро приобрести источник средств к существованию, желание применять на практике свои профессиональные навыки и умения. Специфика Тулона как военного порта изначально привлекла русских специалистов, но военных предприятиях оказалось трудоустройство на невозможным профессиональной деятельности русских иностранных подданных. Сфера эмигрантов была, в основном, сведена к позициям промышленных сельскохозяйственных рабочих.

2.3. Социально-правовые аспекты жизни русских военных эмигрантов в Тулоне

В юридической данном параграфе рассматриваются особенности легализации и адаптации русских эмигрантов в Тулоне. Прежде всего, необходимо отметить, что фактические и юридические проблемы русских беженцев в Европе во многом были связаны с тем, что в странах-реципиентах они составляли особую было обычно категорию иностранцев, которым трудно применить практикующиеся принцип взаимности либо национальный режим.

Как отмечает в своём исследовании С.А. Сотников, с точки зрения русских военных эмигрантов, как бывших союзников Франции в Первой мировой войне, её безусловный долг состоял в том, чтобы предоставить русским беженцам максимально благоприятные условия для проживания на её территории². Однако

¹Décret du 28 novembre 1938 portant règlement d'administration publique pour l'application de la loi du 11 juillet 1938 sur l'organisation de la nation pour le temps de guerre // https://www.legifrance.gouv.fr/affichtexte.do, consulté le 12/01/2019.

 $^{^2}$ Сотников С.А. Русская военная эмиграция во Франции в 1920-1930-е гг.: проблемы адаптации // Туризм и миграции. Вестник Московского государственного университета сервиса. 2007. № 2. С. 122.

французские власти не сделали никаких исключений для российских беженцев из числа военных, юридическое положение которых было приравнено к ситуации всех остальных иностранцев. Данная точка зрения также обоснована в диссертационной работе Н.В. Турыгиной. Исследовательница отмечает, что «политика предоставления убежища, проводимая французскими властями в 1920-е гг., была неотделима от общей иммиграционной политики тех лет, в результате беженцы нередко рассматривались чего русские как так называемые "экономические иммигранты", а это накладывало дополнительные ограничения в правах 1 .

Следует также упомянуть, что поведение беженцев из России в начале 1920-х годов не вписывалось в общепринятую юридическую практику и казалось нелогичным: русские эмигранты не хотели легализоваться, чтобы иметь документы, удостоверяющие личность принимающей страны: ожидая падения большевизма, они мечтали вернуться в Россию.

В первые месяцы после Крымской эвакуации решающую роль в процессе адаптации эмигрантов сыграли специалисты русской дипломатической миссии в Константинополе, которые помогали решать практические вопросы по размещению беженцев, поиску работы, выдаче первых удостоверяющих документов. Важную роль также имела деятельность международных организаций: бюро Красного Креста, например, оказывало материальную поддержку в организации питания беженцев, функционировании школ и ясель для малышей².

Многие выходцы из России утратили своё гражданство в силу изменений в личном статусе. Законодательство Российской иперии после октябрьских событий 1917 г. формально перестало быть действующим. Новую власть и государство (РСФСР, затем СССР) подавляющая часть эмигрантов не признала. Более того, советская власть приняла ряд декретов об утрате ими советского гражданства,

¹Турыгина Н.В. Русская эмиграция во Франции в годы Второй мировой войны. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб, 2016. С. 62.

²Nicolas C. Le CICR au secours des réfugiés russes 1919-1939 // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 2009/3. № 95. P. 14.

поэтому, потеряв подданство Российской империи, они не стали и гражданами Советской России. За рубежом появился достаточно широкий слой людей без гражданства, нуждающихся в международно-правовой защите.

Большой вклад в изучение юридических аспектов процесса адаптации русских эмигрантов внесли исследования З.С. Бочаровой, детально проработавшей вопросы, связанные с деятельностью Лиги Наций в отношении статуса политических эмигрнатов из России¹. Так, в первые определение понятия «беженец» появилось в июле 1922 г. на Женевской конференции: таковым признавался эмигрант русского происхождения, не принявший никакого другого подданства. Затем Женевское межправительственное соглашение от 12 мая 1926 г. уточнило ЭТО понятие: эмигрантом считалось всякое ЛИЦО русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого подданства².

Поворотным моментом в вопросе юридической интеграции русских беженцев стал 1924 год, когда были установлены дипломатические отношения между советским государством и крупными европейскими странами, в том числе и Францией. В результате, пропала надежда на возвращение в Россию, поэтому необходимо было искать способы социальной и правовой интеграции в стране проживания. Признание Советской России также поставило вопрос о личных правах эмигрантов в странах проживания. При этом сами беженцы понимали, что дореволюционное русское право после окончания гражданской войны стало

¹Бочарова З.С. Документы о правовом положении русской эмиграции 1920-30-х гг. и источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX - XX вв. М., 1997; Она же. Деятельность Лиги Наций по урегулированию статуса беженцев // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С.10-25; Она же. Социальная помощь российским беженцам в 1920-1930-е гг. // Русское зарубежье: История и современность: Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр комплексных исследований российской эмиграции / ред. колл. Мухачёв Ю.В. (гл. ред.) и др. М., 2016. Вып. 5. С. 59-120; Она же. Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920-1930-е годы // Россия и современный мир. 2017. № 2(95). С. 161-176.

²Лагодзинская Ю.С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев// Вопросы российского и международного права. 2012. № 3-4. С.134.

неприменимо, так как право умирает вместе с государством¹. Как правило, статус эмигрантов регулировался нормами международного права, местным законодательством, в отдельных случаях применялись отечественные законы иностранцев, что для лиц, не имеющих гражданства, влекло осложнения. Например, Франция считала возможным до признания СССР применять в надлежащих случаях к эмигрантам старые русские законы.

В 1920-1930-х годах, французская республика разработала целый комплекс мер по решению административных вопросов, связанных с легализацией русских эмигрантов и их юридическими правами. Прежде всего, в 1924 году в Париже был создан Центральный офис по делам русских беженцев, по своим функциям заменивший дипломатические институты Российской империи, которые сохранялись во Франции до середины 1920-х годов. Так, например, главное отделение Офиса на юге Франции, в Марселе, располагалось в помещениях бывшего Генерального консульства по адресу улица Гриньян, 6².

Офисы по делам русских беженцев получили право выдавать консульские бумаги, подтверждающие личность, гражданское состояние, состав семьи и даже образование просителей. Несмотря на формальный характер процедуры создания Офисов, на практике их специалистам приходилось доказывать свой официальный статус. К примеру, признание юридических прав офиса в Марселе вылилось в сложную переписку между консулом и канцелярией Министерства внутренних дел и завершилось 9 мая 1925 года публикацией специального циркуляра о легализации подписи и печати консула на выдаваемых документах³. Все выданные офисами документы признавались французской администрацией и судами. Кроме того, офисы удостоверяли юридическую силу различных документов, выданных ещё властями Российской империи.

 $^{^{1}}$ Юрьева Ю.С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженца в первой рети XX в. // Вопросы теории, истории государства и права. Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 2(21). С. 44.

²ГАРФ. Ф.Р5903. Оп.1. Д. 483. Л. 12.

³AD des Bouches-du-Rhône. Série M. Sous-série 4. Carton 964. Circulaire du Ministre de l'Intérieur au Préfet, le 9 mai 1925.

Практическое значение деятельности Офиса сложно переоценить в отношении изучаемой нами группы эмигрантов. Прежде всего, необходимо отметить, что военные моряки, не имевшие обычных гражданских паспортов, чаще всего могли предъявить только служебные аттестаты, полученные от командира корабля, на котором они служили. Так, например, согласно допросным листам тулонской полиции от 6 августа 1921 года, офицеры экипажа военного транспорта «Рион» паспортов не имели, а являлись держателями временных удостоверений личности, выданных российским консульством в Константинополе¹. Таким образом, обращение в Офис, специалисты которого имели возможность получить документы из штаба Русской эскадры или из архива военно-морского агента, становились для многих военных эмигрантов из числа морских офицеров или чинов флота единственной возможностью подтвердить свою личность и социально-профессиональный статус.

Одним из практических результатов работы Женевской конференции стало принятие сертификата для беженцев, получивший название нансеновского паспорта в честь знаменитого учёного Фритьофа Нансена, который был инициатором учреждения специального документа для русских эмигрантов². Первоначальный проект документа, разработанный юристами-эмигрантами и одобренный Советом Лиги Наций 24 марта 1922 г., по настоянию Франции был изменен и, к сожалению, в худшую сторону³. Первый вариант исходил из необходимости предоставления русским беженцам прав, равных с правами других граждан, включая свободу передвижения и трудоустройства, но конференция заняла иную позицию. Особое юридическое положение русских беженцев не отрицалось и признавалось необходимым снабдить их особыми документами, представители западных стран заботились в первую очередь о своих собственных

¹AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Liste des sujets russes arrivés à Toulon – rade sur le navire «Rion». le 6 août 1921.

²Coudry G. Notes sur le «passeport Nansen// Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1996. №44. Exilés et réfugiés politiques dans la France du XXe siècle. P. 21. [En ligne]: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/mat 0769 3206 1996 num 44 1 403048.

³Лагодзинская Ю.С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев // Вопросы российского и международного права. 2012. № 3-4. С. 138.

интересах. Поэтому из первоначального варианта было исключено всё то, что сколько-нибудь связывало правительства стран, принявших беженцев, и налагало на них обязательства.

По соглашению 5 июля 1922 г. нансеновские паспорта признавали право на проживание и перемещение владельца в границах страны при условии, что беженец выполнял все требования, предъявлявшиеся к постоянным жителям, имел бумаги, подтверждающие, что он эмигрант, а главное, мог предъявить документы, удостоверяющие его личность. Однако нансеновские сертификаты лишь частично решали правовую проблему¹. Социальное и правовое положение беженцев в большой степени оставалось зависимым от доброй воли правительств тех государств, которые их приютили.

Франция признала нансеновский паспорт в 1924 году. Получение документа было возможным после заполнения формуляра установленного образца в Префектуре по месту фактического проживания и уплаты государственной пошлины в размере 35 франков². Документ необходимо было ежегодно продлять. Нансеновский паспорт, заменявший эмигрантам национальные паспорта, терял силу, если эмигрант отправлялся на территорию советской России³. Хотя нансеновские паспорта не устраняли трудностей при переезде из страны в страну, при получении разрешений на работу, не давали прав на пособия по инвалидности, болезни, безработице, к началу 1930х годов, держателями сертификатов на территории Франции по различным подсчетам были от 67 до 71 тысячи беженцев из России⁴.

Кроме того, уже в 1927 году владельцы нансеновских паспортов получили некоторые практические преимущества: согласно циркуляру Министра внутренних дел от 18 июня 1927 года право на налоговые льготы для многодетных

¹Там же.

²AD des Bouches-du-Rhône. Série M. Sous-série 4. Carton 964. Instructions du Préfet à Monsieur le Commissaire de Police. le 6 décembre 1926.

³Юрьева Ю.С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженца в первой рети XX в. // Вопросы теории, истории государства и права. Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 2(21). С. 42.

⁴Gousseff C. L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920-1939). Paris, 2008. P. 116.

семей распространялось не только на французских граждан, но и беженцев из России¹. Данная мера сопровождалась также постепенным процессом унификации административных документов. К 1932 году, специалисты Офиса по делам русских беженцев разработали комплекс типовых документов для административного использования, адаптированных к общепринятой во Франции системе правовой информации².

Однако нансеновский сертификат не был единственным документом, подтверждающим личность и права беженца. Французская республика стала первой еропейской страной, разработавшей собственную систему удостоверяющих документов. Ещё в 1917 году Министерство внутренних дел Франции создало удостоверение личности иностранца («карт де сежур»), которое в только в течение 1917 – 1920 годов получили чуть более 1,5 миллионов трудовых иммигрантов³. Внедрение нового документа было призвано контролировать иностранную рабочую силу, обеспечить правовой статус иммигрантов как иностранных граждан и подвести указанную категорию населения под уплату специального налога на получение карты.

Под эгидой Центрального бюро выдачи удостоверений личности иностранцев, которое находилось в управлении Отдела общей безопасности Министерства внутренних дел, все иностранцы должны были подать обязательное заявление, соответствующее заявке на получение удостоверения личности, причем каждый запрос теоретически подлежал индивидуальному рассмотрению с учетом профессиональной и материальной ситуации заявителя. На время рассмотрения запроса иностранец получал специальную справку – ресеписсе, подтверждающую его временный статус; ресеписсе защищало владельца от возможной депортации, а в некоторых случаях предоставляло право на работу.

¹AD des Bouches-du-Rhône. Série M. Sous-série 4. Carton 964. Circulaire au sujet des réfugiés russes et arméniens. le 18 juin 1927.

²Archives OFPRA. Dossier de Nicolas Malyarevsky, demande de naturalisation. 1936.

³Ilsen A. Enregistrer et identifier les étrangers en France, 1880-1940//[En ligne]: http://www.histoire-immigration.fr/dossiers-thémathiques/intégration-et-xenophobie/enregistrer-et-identifier-les-etrangers-en-france, consulté le 05/12/2018.

что законодательная база, регулирующая Следует отметить, иностранцев, и процедура подачи досье на получение карты постоянно менялись и усложнялись, создавая дополнительные административные барьеры определения законного статуса всех категорий иностранцев. Визиты в Префектуру выполнения необходимых формальностей превратились в ежегодную повинность. Были учреждены различные виды карт в зависимости от профессионального статуса владельца (Таблица 8.): наемные работники, ремесленники, мелкие торговцы, уличные или сезонные торговцы, разнорабочие, безработные, фермеры, транзитные иммигранты¹. Каждая из этих категорий подпадала под различные правила, определившие порядок подачи запроса, стоимость, срок действия карты и даже внешний вид документа. Так, например, временное удостоверение личности русского политического беженца, имевшее хождение в 1930-е годы в категории «безработный» было зелёного цвета².

Кроме того, данные юридические процедуры серьёзно сказывалось на материальном положении русских беженцев. Например, при обмене «карт де сежур» с иностранцев взималась сумма в размере 300 франков в пользу государства, 25 франков в пользу департамента и 50 франков в пользу муниципалитета. Учитывая, что на сумму в 6-7 франков в провинции можно было питаться в течение дня, подобные налоговые сборы становились большим ударом по бюджетам русских эмигрантов.

Таблица 8. Статистика временных видов на жительство выданных русским беженцам, г. Тулон, 1927-1939 годы³.

Год	Обычный	Фермер	Пром.	Студент	Своб.	Торговец	Родитель	Безраб.	Всего
	тариф		сектор		проф.	/Предприн.	фр.ребенка		
1927	7	52	164						223

¹AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 101-105. Naturalisation, statistiques concernant des étrangers. 1928-1939.

²Ilsen A. Enregistrer et identifier les étrangers en France, 1880-1940 // http://www.histoire-immigration.fr/dossiers-thémathiques/intégration-et-xenophobie/enregistrer-et-identifier-les-etrangers-en-france, consulté le 05/12/2018.

³AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 101-105. Naturalisation, statistiques concernant des étrangers. 1928-1939.

1928	3	11			1				14
1929	29	10	50	2			2		89
1930	6	2	21	1					30
1932	7	2	10	2					21
1933	26	2	51	3			2		82
1934	7		15						22
1936	3		29	1			2		33
1937	3		110			4		84	113
1939	2	70		9		5		40	126

Данные полицейской статистики по Тулону отражают общую внутреннюю политическую и экономическую эволюцию в стране. Большинство русских эмигрантов было занято в промышленном секторе: данные выданных карт подтверждают установленные нами сведения о том, что русские беженцы принимались на должности промышленных рабочих и мелких служащих. Максимальное количество выданных карт в 1927 году указывают на намерение русского населения легализоваться. Затем в 1928 – 1929 годах наступило снижение, что, безусловно, было связано с началом мирового экономического кризиса и спровоцировало административные меры против найма иностранцев, занимавших рабочие места французов¹.

Заключительным этапом юридической интеграции иностранца являлась натурализация — получение гражданства. В 1927 г. процедура получения французского гражданства для русских беженцев была облегчена: стаж пребывания в стране для натурализации был сокращен с 10 до 3-х лет, а для мужчин, женившихся на француженках, — до 1 года². Процесс получения гражданства во Франции имел свои особенности: по каждому обращению с просьбой о натурализации французскими властями проводилось открытое расследование, заявитель обязан был предоставить документы о составе семьи, справку о благонадежности из полиции, справку с постоянного места работы и сведения о

¹AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 133. Instruction provisoire concernant de la mobilisation de la main-d'œuvre étrangère.

²Сотников С.А. Русская военная эмиграция во Франции в 1920-1930-е гг.: проблемы адаптации // Туризм и миграции. Вестник Московского государственного университета сервиса. 2007. № 2. С. 123.

доходах. Ещё одной сложностью в получении положительного решения по запросу могла стать необходимость уплаты государственной пошлины в размере 1276 франков. В Региональном архиве департамента Вар автором было найдено 11 персональных запросов на получение французского гражданства, поданных представителями русской общины Тулона в период с 1935 по 1937 годы. Характерной чертой всех изученных документов являются невозможность заявителей в полном объёме оплатить государственную пошлину за рассмотрение запроса о гражданстве: сумма, указываемая в изученных досье, не превышала половины от необходимой¹.

Другим признаком жизненной силы диаспоры является **ЭВОЛЮШИЯ** гражданского состояния ее членов, заключение браков, рождение детей. Следует отметить, что смешанные браки являлись важным фактором юридической и социальной ассимиляции. Особенность российской эмигрантской диаспоры заключалась в том, что её подавляющее большинство составляли холостые мужчины молодого возраста. В период с 1920 по 1931 гг. в брак с французскими женщинами вступили 5239 русских мужчин. При этом в первые шесть лет было зарегистрировано 300 – 350 таких браков, а со второй половины 1920-х гг. – уже 540². К тому же француженки, выходившие замуж за иностранца, не лишались гражданства, что, по утверждению Ю.В. Бойко, приводило к тому, что многие российские офицеры сознательно женились на француженках целью максимальной правовой и социальной адаптации³.

Тем не менее, данные источников не позволяют сделать столь категоричных выводов в отношении тулонской общины русских эмигрантов. Имеющиеся в нашем распоряжении документы свидетельствуют, что наибольшее количество браков заключалось внутри диаспоры, а также с членами других православных

¹AD du Var. Série M. Sous-série 6. Carton 516. Etrangers: demandes de naturalisation. Russes. 1933-1939.

²Бойко Ю.В. О влиянии смешанных браков на процессы социальной адаптации россиян во Франции в 1920-е годов // История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX веках: Сборник статей / Отв. ред. Ю.Поляков. М., 1996. С. 10.

³Там же.

общин (греками, болгарами)¹. В приходских архивах тулонской церкви Вознесения сохранились свидетельства о заключении брака между гардемарином Константином Каранфиловым и Тамарой Лейхтембергской от 22 января 1933 года², между старшим лейтенантом Константином Жеваховым и Ириной Оттенс от 11 июля 1935 года³ 11, лейтенантом Владимиром Жеваховым и баронессой Барбарой Меллер-Закомельской от 29 декабря 1938 года⁴ 12. Кроме того, заключались и смешанные браки: сын генерала Александра Авринского, также Александр, 18 февраля 1939 года женился на француженке католического вероисповедания Люсии-Лауре Тавалара⁵.

Таким образом, подводя итоги данного параграфа, можно заключить, что процесс юридической адаптации русских военных эмигрантов включал несколько этапов, от официального признания статуса беженца по получения французского существенных факторов, гражданства. Одним ИЗ ускорявшим натурализации, были межнациональные браки. В решении юридических проблем эмигрантов французское правительство опиралось документов национального образца, а также взаимодействовало в данном вопросе организациями c международными И консульскими учреждениями дореволюционной России.

2.4. Городская повседневность русских военных эмигрантов в Тулоне: жилищные и материально-бытовые условия

Материальный уровень жизни, как ничто другое, даёт представление о степени социальной адаптации той или иной группы эмигрантского населения. Плохие бытовые условия могут стать причиной повседневных конфликтов и способствовать росту социальной напряженности. С другой стороны, быт может

¹AP de l'Eglise. Livres d'enquête pour les mariés. 1933, 1935, 1938, 1939.

²AP de l'Eglise. Livres d'enquête pour les mariés. 1933.

³AP de l'Eglise. Livres d'enquête pour les mariés. 1935.

⁴AP de l'Eglise. Livres d'enquête pour les mariés. 1938.

⁵AP de l'Eglise. Livres d'enquête pour les mariés. 1939.

считаться неким социальным катализатором процесса ассимиляции к новой жизни, ускоряя его протекание. Данные утверждения в полной мере относятся к процессу адаптации русских эмигрантов во Франции в изучаемый период.

Едва получив от французских властей разрешение на проживание в городе, члены экипажа транспорта «Рион» должны были решать самые насущные проблемы, связанные, прежде всего, с поиском жилья и работы. Допросные листы «рионцев», сохранившиеся в коллекции документов Регионального архива департамента Вар, позволяют сделать некоторые выводы об их материальном благосостоянии в момент прибытия в город¹: семья командира «Риона» Анатолия Городыского располагала наиболее значительной из упомянутых суммой в 15.000 франков. Несколько офицеров экипажа, капитан 2 ранга Николай Трасковский, доктор Аведик Тациев, генерал-майор Сегей Беркалов владели денежными средствами в размере от 1500 до 6000 франков. Кроме того, у некоторых пассажиров имелись ценные вещи, например, старший лейтенант Николай Маляревский указал, что «владеет некоторыми средствами к существованию (ювелирные изделия) ... примерно на 1 месяц»², старший лейтенант Иван Зубков «имеет средства к существованию на 2 месяца (драгоценности и деньги)»³.

Несмотря на искреннее стремление к мирной и полноценной интеграции, быстрое трудоустройство, многие офицеры и матросы транспорта «Риона» в первые месяцы и даже годы жизни во Франции переживали очень серьёзные финансовые трудности, о чём красноречиво свидетельствуют архивные документы. В коллекции документов по истории русской эмиграции Российского государственного архива Российской Федерации сохранилась переписка офицеров флота с В.И. Дмитриевым, из которой мы можем почерпнуть сведения о повседневных условиях жизни русских эмигрантов в Тулоне. Так например, в письме от 18/10/1921г. военно-морской агент в Марселе В. Маслов сообщал В.И.

¹AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Liste des sujets russes arrivés à Toulon – rade sur le navire «Rion». le 6 août 1921.

²Ibid.

³Ibid.

Дмитриеву, что планировавший уехать на заработки в Бельгию, матрос Шаховской «действительно имеет при себе жену и годовалого ребенка, живет в Тулоне, по именным свидетельствам бедствует»¹. Лейтенант Владимир Казаков живёт у родственников жены, «...работать он сейчас не может, ... его болезнь – астма и бронхит, и потому ... жизнь в деревне и хорошее питание его поправят...»². В письме от 23 января 1923 года жена капитана Николая Фёдорова признавалась, что «вот уже больше месяца муж больной, жили только Вашей ссудой, ... когда отвезла мужа (в больницу), то у меня осталось только 13 франков, ... конечно, они скоро кончились. В течение трех дней я ничего не кушала... На четвертый день я не выдержала и свое последнее пальто в котором ходила, заложила в ломбард, другого исхода не было...»³.

Тяжёлые труда быта, финансовые общая условия И трудности, неустроенность жизни в эмиграции провоцировали обострение различных болезней. В прошении на имя военно-морского агента о выдаче единовременного пособия супруга генерала-майора Александра Иванова, Лидия Иванова сообщила что у детей и у нее самой «развилось острое малокровие, ... средства, доставляемые моим мужем (320 франков в месяц), мне едва хватает на пропитание семьи из 4 человек, на лечение ничего не остается...»⁴. Также обратившись к В.И. Дмитриеву за помощью, в своем рапорте от 6 марта 1922 г. лейтенант Николай Маляревский сообщал, что в «настоящее время я и моя жена принуждены были оставить службу в Институте глухонемых в Тулоне... 15-16 часовая физическая работа растратили моё здоровье и, в особенности, подверженной туберкулезу, моей жены... Жалованье 125 франков в месяц. ... прошу выдать пособие на откорм детей, девочки 6,5 лет и мальчика 5 лет»⁵. Всего, в период с августа по май 1923 года, денежную помощь от

¹ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 499. Л. 64.

²ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 497. Л. 51об., 65.

³ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 122. Л. 306об-307.

⁴ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 503. Л. 112.

⁵ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 527. Л. 92-92об.

военно-морского агента получили 27 офицеров и матросов, членов экипажа транспорта «Рион»¹.

Впрочем, материальное положение некоторых представителей русской колонии было настолько стеснённым, что они не могли обеспечить себя самыми необходимыми предметами быта. Участник Первой мировой и Гражданской войн, служивший на Балтийском флоте, в Донской и Волжской флотилиях, капитан по Адмиралтейству Николай Петрунин в своем обращении к В.И. Дмитриеву просил помочь ему с покупкой одежды и обуви: «...Я нашёл службу, где служу больше года, но получаю мизерное содержание я могу иметь только комнату и стол. Все, что было из белья и платья – всё абсолютно изношено и я ничего не имею, а приобрести не хватает моего жалования, настолько, что через некоторое время и рабочий костюм, отказывающийся служить, не смогу заменить новым. До настоящего времени я терпел и не решался Вас беспокоить, но теперь, когда нет возможности терпеть, когда нет белья, самого платья, и нет никакого источника, где бы мог пополнить необходимое, я обращаюсь. Если найдете мою просьбу уважительной и поверите и поймете моё очень и очень горькое положение, т.е. безвыходное, поверите, что всё изорвано и донельзя изношено, то не откажете и поможете, выслав заимообразно деньги»².

Общая дороговизна жизни во Франции проявлялась, прежде всего, в стоимости жилья. Первым местом жительства для 104 человек экипажа и членов семей транспорта «Рион» было госпитальное судно «Дюгай-Труин», на котором они прибыли в Тулон и на борту которого проживали некоторое время «до приискания квартир» после получения разрешения на проживание во Франции³.

Подробными данными о том, каким образом «рионцы» осуществляли поиск квартир детально неизвестны. Однако некоторые газетные публикации, посвященные прибытию в город русских моряков, косвенно указывают на то, что определённая информационная и организационная поддержка им оказывалась со

¹ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 497. Л. 36-37.

²ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 122. Л. 261-261об.

³ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 2. Д. 143. Л. 81об.

стороны городской администрации и управления полиции, которые выступили гарантами их благонадёжности¹.

Ожидания идеального дома в представлении вновь прибывших эмигрантов сложно восстановить, но примером может служить следующее описание: «....В окрестностях Тулона, в горах, защищенных от ветра, найти квартиру, и там поселиться, <...> взяв прислугу <...> Мне рекомендовали возле Тулона местечко Les Routes»². Однако в реальной ситуации аренды, русские беженцы могли позволить себе только самые скромные квартиры: первое жилье семьи бывшего командира «Риона» капитана А.В. Городыского вилла с витиеватым названием «де Моретт ла Багор» на самом деле являлась «хибарой наподобие украинской мазанки, продуваемой всеми ветрами»³.

На протяжении первой половины 1920-х годов в Тулоне наблюдалась спонтанность в географии районов проживания: многие, прибывшие в Тулон на борту «Риона», покинули город, в то время как другие русские эмигранты приехали в город. По данным полицейской статистики в конце 1921 года на улице Поме проживали 11 человек, офицеры и матросы «Риона»⁴; к началу 1926 года здесь не зафиксировано проживание ни одного русского жителя⁵. Такая же тенденция наблюдалась и на улице Курбе⁶. Однако в списке есть новые адреса (Таблица 9.): улицы Ле Рут де Марсей, Ла Валлетт, Ламальг, Жан Жорес, де л'Арсенал, кварталы Серинет и Пети Буа, Брюне⁷. Частые переезды с квартиры на квартиру стали характерной чертой быта русских беженцев в Тулоне в первой половине 1920-х годов. Например, семья командира «Риона» Анатолия Городыского за короткий

¹Je dis tout. le 7 août 1921.

²ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 497. Л. 114, 115об.

³Cité in: Jevakhoff A. Les Russes blancs. Paris, 2007. P. 518.

⁴AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Références sur les sujets russes résidés à Toulon, Hyères et Marseille. le 19 août 1921.

⁵AM de Toulon. Sous-série 1 F8. Recensements de population. 1921-1926.

⁶Ibid.

⁷AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Liste nominative par nationalité des ressortissants étrangers (Russes). Toulon. 1926.

период проживания в Тулоне с 1921 по 1923 переезжала 3 раза¹, а семья генералмайора Александра Иванова поменяла 5 сьёмных квартир².

Таблица 9. Адреса проживания русских эмигрантов в Тулоне, данные 1921, 1923,1926 годов.

Улица, квартал/Год	Количество человек, проживающих по данному адресу (только мужчины)			
	1921	1923	1926	
Гар де Аменье (Gare des Ameniers)	-	2	3	
де л'Арсенал (de l'Arsena)l	-	-	4	
де ля Бар (de la Barre)	-	-	1	
Жан Жорес (Jean Jaurès)	-	-	9	
Картье Брюне (Qtr Brunet)	3	3	4	
Картье Кап Брюн (Qtr Cap Brun)	9	6	5	
Картье Убак (Qtr Hubuc)	-	2	3	
Курбе (Courbet)	9	-	3	
Курдуан (Courdouan)	-	2	-	
Кур Лафайет (Cours Lafayette)	-	-	1	
Ламальг (Lamalgue)	-	-	2	
Насьональ (Nationale)	4	-	-	
Оноре (Honoré)	-	4	-	
Поль Шевалье (Paul Chevalier)	3	-	-	
Плас Сент-Рош (Place St-Roch)	-	-	1	

¹ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 2. Д. 143. Л. 78; Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 122, Л. 99об.; AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Références sur les sujets russes résidés à Toulon, Hyères et Marseille. le 19 août 1921.

²ΓΑ РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 503. Л. 112; AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Références sur les sujets russes résidés à Toulon, Hyères et Marseille. le 19 août 1921; AM de Toulon. Sous-série 1 F8. Recensements de population. 1921-1926; AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Liste nominative par nationalité des ressortissants étrangers (Russes). Toulon. 1926.

Поме (Pomet)	11	-	-
Репюблик (République)	1	-	-
Рут де ля Валетт (Rte de la Valette)	-	7	11
Рут де Марсей (Rte de Marseille)	1	7	2
Серинет и Пти Буа (Serinette et Petit Bois)	-	-	9
Трюге (Truguet)	-	3	-
Этуаль (Etoile)	3	-	-

В списке адресов в 1921 году представлено совсем небольшое количество Кап улиц: Курбе, Поме, Поль Шевалье, Насьональ, Репюблик, Сопоставительный анализ данных переписи населения 1921 г. и регистрационных книг домохозяев, позволяет сделать вывод, что прибывшие русские морякиэмигранты селились особым образом: практиковался коллективный съём жилья, когда несколько человек или семей селились по одному и тому же адресу. Примером такой «аренды» являлись следующие адреса: ул. Курбе, 1 (проживали семьи старшего лейтенанта Николая Маляревского из 4 человек, старшего лейтенанта Константина Жевахова из 5 человек, старшего лейтенанта Всеволода Котельникова, 2 человека, лейтенанта Георгия Гассовского, 2 человека) и ул. Поме, 29 (проживали лейтенант Владимир Степанов, матросы Ибрагим Аблямид оглы и Михаил Зубков)¹. Кроме того, вновь прибывшие в город, часто останавливались квартировать у знакомых офицеров, товарищей по учебе или службе: в обращении к В.И. Дмитриеву, капитан 2 ранга Борис Щербачев информировал военноморского агента о переезде и сообщал, что в настоящее время вместе с семьей «живет у А. Длусского» 2 .

Компактное проживание создавало своеобразную иллюзию сохранения русского дореволюционного общества со всем его традиционным своеобразием.

¹AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 100. Références sur les sujets russes résidés à Toulon, Hyères et Marseille. le 19 août 1921.

²ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 543. Л. 246.

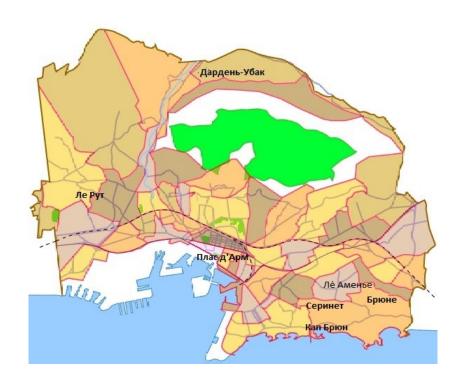
Такой подход, объясняется, безусловно, и материальными соображениями: офицеры и матросы с «Риона» не располагали достаточно большими суммами денег. Экономический аспект играл самую важную роль в выборе арендуемой квартиры.

В целом, география районов проживания русских эмигрантов в Тулоне стабилизировалась только к концу 1920-х годов. Следует отметить, что речь идет о кварталах, отдаленных от центра города (Рисунок 6.). Серинет и Пти Буа, жилые районы, расположенные у мыса Кап-Брюн, в 1920-1930-е годы, это сельские пригороды Тулона, которые славились своей тишиной и красотой садов с оливковыми деревьями. Квартал Серинет был знаменит своими платанами, маленькими площадками-булами для игры в петанк, так оживляющими долгие летние вечера. Квартал Брюне являлся продолжением района Сен-Жан-дю-Вар, названного так по имени бывшего землевладельца. Известно, что в этом сельском пригороде в начале XX века, находилась больница для малоимущих «Тереза», также в текстах городских статутов сообщалось о наличии авиационного поля¹.

Рисунок 6.

Кварталы Тулона с компактным проживанием русских эмигрантов в 1920-1930-х годах.

¹Noel B. Vieux quartiers, vieilles gens// Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. 1991. № 113. P. 87-88.

Кап Брюн – небольшой каменистый мыс, разрезающий тулонский рейд, расположен к востоку от города. В середине XIX века здесь был построен форт, вошедший во внешнюю линию защитных городских укреплений. В начале XX века, урбанизация Тулона к востоку от квартала Мурийон породила новый квартал Кап-Брюн с великолепными садами, парками, с красивыми старинными домами, небольшими зданиями.

Спускаясь по бульвару Николя, который вел реке, можно было пересечь район Ле Рут, очень тихий жилой квартал, в котором находился, в частности, форпост Тулон-Запад. На севере города, гора Фарон окружает несколько районов, в том числе Дардень-Убак, самый отдаленный и труднодоступный сельский пригород. Площадь Плас д'Арм – исторический центр города, в котором находится база военно-морского флота и Арсенал; этот район, основанный ещё в XVII веке, и в двадцатом столетии играл важную роль в экономической деятельности города 1.

Основное отличие русской общины Тулона заключалось в том, что на протяжении всей истории ее существования у нее никогда не было отдельного «русского» района, что характерно для других иностранных диаспор,

¹Ville de Toulon: les noms des rues / sld. R. Gallan. vol.2. Toulon. 1996. P. 201-202.

проживающих в городе и регионе¹, а также для русских колоний в таких городах как Париж² или Ницца³. Наблюдения о внутригородских миграциях русскоязычного населения Тулона опираются на данные городских переписей населения 1921, 1926 и 1932 годов, дающих ценнейшую информацию, по данному вопросу. Важно отметить, что русские эмигранты, прибывшие в Тулон, проживали разрозненно, где адреса не были связаны всеобщей занятостью на большом промышленном предприятии, как это было, например, в Лионе, Кальмаре, Южине или Каннах⁴, в городе не было лагеря для русских беженцев, как, например, в Марселе⁵.

С другой стороны, все же существовала минимальная связь между профессиональной деятельностью и географией районов проживания некоторых членов русской общины: речь идет только о лицах, имевших работу в порту или Арсенале, а также семьях, занятых в сфере сельскохозяйственного предпринимательства. В районе Дардень-Убак, на севере Тулона, поселились русские семьи Бабоченко, Николаевых, Жеваховых, владеющие небольшими птицеводческими фермами⁶; в районе площади Плас д'Арм, а также прилегающих к ней улиц Жана Жореса и де л'Арсенал, находились бараки для разнорабочих порта и Арсенала⁷.

¹Hemu E. La Résorption du bidonville de Lorrette. Histoires des vies, histories des villes // Hommes et migrations. 1998. № 1213. P. 89-93.

²Хрисанфов В.И., Турыгина Н.В. К историографии вопроса о численности русской эмиграции во Франции в 1920-1930-е гг. // Вестник СпбГУ. Серия 2. 2014. Вып. 3. С. 20.

³Pietri M. La communauté russe des Alpes-Maritimes durant l'entre-deux-guerres. Mémoire de maîtrise d'histoire contemporaine, Université de Nice, 2004. P. 93.

⁴Laggoune A. Les Russes de Cannes, 1879-1939. Master II Recherche en histoire. Université de Nice, 2014. P. 103-105.

⁵Attard-Maraninchi M.-F., Temime E. Migrance. Histoire des migrations à Marseille. T.III Le cosmopolitisme de l'entre-deux guerres, 1919-1945. Aix-en-Provence, 1990.

⁶Bachellerie P. Les Russes blancs du Var. Aix-en-Provence, 1979. P. 50-51.

⁷Noel B. Vieux quartiers, vieilles gens // Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. 1989. № 111. P. 169.

Подводя итоги второй главы исследования, можно сделать следующие выводы. Во-первых, численность русской колонии в изучаемый период значительно менялась, находясь в зависимости от целого комплекса факторов: географическое положение Тулона, французское законодательство в сфере трудовых отношений, мировой экономический кризис конца 1920-х гг. и его последствия. Половозрастной состав общины сохранял перевес в сторону активного мужского населения трудоспособного возраста. По сравнению с другими русскими колониями в южной Франции (Ницца, Марсель, Канны), русская колония была самой малочисленной.

Во-вторых, русские военные эмигранты были активно вовлечены в процесс трудовой интеграции, стремились использовать свои лучшие профессиональные навыки и умения, однако, оказались невостребованными и вынужденно трудились на рабочих должностях. В начале 1920-х гг. во Франции действовала программа военно-морского агента В.И. Дмитриева ПО финансированию предпринимательских проектов морских офицеров, в которой принимали участие проживавшие в Тулоне русские офицеры-эмигранты. К концу 1930-х гг. несколько сельскохозяйственного добились сфере семей успехов русских предпринимательства.

В-третьих, в изучаемый период шел активный процесс, связанный с утверждением и разработкой правового статуса русских эмигрантов. Так, в 1922 году, специально для категории русских беженцев был учрежден сертификат Нансена. Франция, принявшая наибольшее количество эмигрантов из России, к началу 1930 годов разработала собственный корпус документов, регулировавший официальные отношения между беженцами и органами государственной власти и способствовший процессу юридической адаптации и интеграции русских эмигрантов. Важную роль в этом процессе сыграли дипломатические учреждения дореволюционной России. Они были преобразованы в Офисы по делам русских беженцев и апатридов, выполняли посреднические функции в вопросах взаимодействия русских эмигрантов с французской администрацией.

В-четвертых, повседневность русских эмигрантов была связана не только с тяжелыми условиями физического труда, но также и неустроенностью быта. В начальный период пребывания в городе в целях экономии средств русскими практиковался коллективный съем жилья в отдаленных от центра городских пригородах. География районов проживания русских эмигрантов в Тулоне стабилизировалсь только к началу 1930-х гг. Важной особенностью расселения русских беженцев в Тулоне было отсутствие в городе русского квартала.

Необходимо отметить, что несмотря на сложные политические и экономические условия первых лет эмиграции, члены русской колонии в Тулоне продемонстрировали высокий уровень не только социально-профессиональной но и общественной деятельности, о чем пойдет речь в третьей главе исследования.

ГЛАВА III.

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ В ТУЛОНЕ

3.1. Православный приход в Тулоне и его роль в жизни русской военной эмиграции

Как отмечали многие специалисты, проблема социальной адаптации русских эмигрантов не ограничивалась поиском средств к существованию и решению других насущных вопросов: важное место в повседневной жизни русских беженцев занимала религиозна и культурно-образовательная деятельность ¹.

Русская революция воспринималась многими как величайшая трагедия, повлиявшая на духовное состояние людей и их религиозность: в эмиграции православная церковь выступила в роли объединяющего начала для всех тех, кто желал сохранить духовную связь с исторической родиной ².

Важно заметить, что русские православные церкви появились в южной Франции задолго до революционных событий 1917 года³. Первый православный храм – Церковь мученицы царицы Александры в г.Ницце – была открыта в 1859 г. Эта русская церковь долгое время оставалась единственной на французской Ривьере. Инициатива возведения храма принадлежала жене императора Николая I – Александре Фёдоровне. В дар императрицей был приподнесен трехъярусный дубовый иконостас, церковь украшали фресковые росписи. В 1892 г. в г. Ментоне состоялось освящение храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Открытие церкви последовало за созданием «Русского дома», общества для помощи русским подданным, проходившим лечение на Лазурном Берегу.

¹Менегальдо Э. Русские в Париже, 1919-1939. М., 2001. С. 40-44; Муромцева Л.П. Историко-культурная деятельность русской эмиграции во Франции в 1920-1930-е гг. // Вестник Московского универистета. Серия. 8. История. 2012. № 1. С. 93; Руденцова Ю.И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции (1920-1930-е гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2000. С. 106; Schor R. Le facteur religieux et l'intégration des étrangers en France (1919-1939) // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. № 7. Numero special: Étrangers, Immigrés, Français (Jul. - Sep., 1985). P. 114. URL: http://www.jstor.org/stable/3769937, consulté le 22-06-2015.

²Лычковская Н.В. Особенности и основные черты педагогики русской эмиграции первой волны // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2010. Вып. 3(18). С. 108; Schor R. Les Russes blancs devant l'opinion française (1919-1939) // Cahiers de la Méditerranée. 1994. № 48. Р. 218.

³Православные храмы // [электронный ресурс] http://bonjourazur.ru/showplaces/pravoslavnye-khramy.php, доступ 12/01/2019.

Одноярусный мраморный иконостас храма расписал выдающийся русский художник Карл Брюллов. Церковь Святого Архангела Михаила действует в г. Канны с 1894 г. В храме находятся частицы мощей Иоанна Кронштадтского и Серафима Саровского. Возведение самого известного русского православного храма в данном регионе – Свято-Николаевского собора в г. Ницце – длилось с 1903 по 1912 гг. Строительство церкви проходило под патронажем царской фамилии. В 1908 г. император Николай II в завершение строительства храма пожертвовал 700.000 золотых франков. Пятиглавая Свято-Николаевская церковь с золочеными куполами выполнена в стилистике собора Василия Блаженного.

Организация регулярной церковной жизни была одной из первостепенных задач русских эмигрантов, независимо от региона и страны проживания. В Марселе уже в начале 1920-х гг. была открыта православная церковь в русском лагере для беженцев «Виктор Гюго»¹. Для русских эмигрантов в Тулоне первые богослужения проводились в доме семьи Николаевых с приглашением священника из Марселя. Благодаря многочисленным ходатайствам инициативной группы офицеров и помощи мэра Тулона Мариуса Эскартефига в 1928 г. было получено первое отдельное помещение для русской церкви: здание часовни в бывшей городской тюрьме по улице Боден (Рисунок 7.)². Несмотря на то, что помещение требовало серьёзного ремонта, который был произведен силами офицеров, его получение стало настоящим событием в жизни русской общины: заметка об открытии церкви была напечатана в журнале «Часовой»³. Храм был назван в честь великого праздника Воскресения Христова. Как указано в клировой ведомости, многие предметы церковной утвари И богослужебной литературы марсельский прихо $д^4$.

¹ГА РФ. Ф. Р9145. Оп.1. Д. 658. Л. 12.

²Archives familiales de Philippe Koutseff. Toulon.

³Армейская группа в Тулоне // Часовой. 1930. № 28. С. 27.

⁴AP de l'Eglise. Gazettes de clergé. 1931.

Рисунок 7. Интерьер первой русской церкви в Тулоне, 1930-е гг.

В 1937 года религиозная жизнь русской общины получила организационную основу — была образована Ассоциация с управленческим советом, который решал очень широкий круг вопросов: контроль за чистотой и безопасностью помещения, обеспечение прихода необходимыми предметами культа, выплата жалования священнику, организация богослужений, проведение различных светских мероприятий (лекции, школьные занятия и другое)¹. Большую роль в образовании структуры прихода сыграл митрополит Евлогий², глава русской православной

¹AP de l'Eglise. Procès-verbaux des réunions du Conseil d'administration. 1931.

²Евлогий (в миру Василий Семёнович Георгиевский(10/04/1868-08/081946) — епископ Русской православной церкви; митрополит (1922). Управляющий русскими православными приходами Московской патриархии в Западной Европе (с 1921); с февраля 1931 года — в юрисдикции Константинопольского патриархата (Западноевропейский экзархат русских приходов); с конца августа 1945 года считал себя в юрисдикции Московского патриархата (с 7 сентября 1945 года Западноевропейский экзархат Русской православной церкви). Доктор богословия honoris causa (1943). Эмигрировал в январе 1920 года, вместе с рядом других российских архиереев, на грузовом пароходе «Иртыш» из Новороссийска в Константинополь; затем переехал в Белград. В составе сербской делегации в июле 1920 года участвовал в работе Всемирной конференции представителей христианских церквей в Женеве. Первоначально поселился в Берлине, в здании Александровского приюта, посещая Париж. Участвовал в монархическом съезде в Рейхенгалле (Бавария) в 1921, но затем отошёл от политической деятельности, сосредоточившись на церковной работе. Посещал лагеря русских беженцев. Осенью 1921 принял участие в работе Русского Всезаграничного церковного собора в Сремских Карловцах, оказался в числе меньшинства его участников, выступавших против вовлечения православной Церкви за рубежом в политическую деятельность монархического толка. Такая позиция была поддержана Патриархом Тихоном; постановлением Священного Синода, по предложению Патриарха Тихона, от 30 января 1922 года был возведён в сан митрополита. В конце 1922 Евлогий перебрался в Париж, налаживал церковную жизнь в существовавших в Европе православных приходах, открывал новые, в том числе Сергиевское подворье в Париже, а также множество храмов в различных странах. В начале 1920-х годов стал инициатором создания

церкви за рубежом, который с самого начала настаивал на легализации церковной общины перед французскими властями в виде религиозной ассоциации. Кроме того, организационное начало также было важно и самому Евлогию с целью включения тулонской коммуны в число приходов, управляемых митрополией¹.

Что касается численного состава прихожан, о нем мы можем судить по данным приходским книг: в 1931 году среди постоянных прихожан значатся 64 человека, в 1939 — 94². С момента основания, при тулонской церкви постоянно состоял штатный священник, назначаемый Марсельской епархией; священник получал небольшое жалование из приходских денег, в 1931 году — 350 франков, в 1935 — 500³. Первый священнослужитель тулонского храма — отец Михаил Яшвиль⁴. После окончания Свято-Сергиевского богословского института в Париже в 1930 году он был рукоположен в чин священника и назначен для служения в тулонской церкви (Рисунок 8.). В этот период, отец Михаил был единственным лицом духовного звания в храме; все богослужения он совершал один, без диакона и псаломшика.

_

Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, в 1925—1946 был ректором института. Привлёк к преподаванию в нём известных учёных, таких как А.В.Карташёв, С.Н.Булгаков, В.В.Зеньковский, Г.В.Флоровский, Г.П.Федотов, Б.П.Вышеславцев, В.Н.Ильин. Поддерживал Русское студенческое христианское движение (РСХД). В эмиграции придерживался весьма либеральных взглядов. Активно участвовал в экуменической деятельности.

¹Можаева Л.А. Евлогий (Георгиевский Василий Семёнович), 1888-1946 // Новый исторический вестник. 2004. № 1. http://www.nivestnik.ru/2004 1/7.shtml, доступ 02/02/2015.

²AP de l'Eglise. Registres paroissiaux. 1931, 1939.

³AP de l'Eglise. Gazettes de clergé. 1931, 1935.

⁴Михаил Яшвиль (1902-1950), князь, родился 20 января 1902 года в городе Тула в аристократической грузинской семье. В 1920-х гг. проживал в Париже. Окончил агрономический институт Монпелье и Сергиевский институт православной теологии в Париже. Настоятель православной церкви в городе Тулон, в женском монастыре в Ливри-Гарган недалеко от Парижа, затем церкви Святого Спиридона в Мозеле. Отец Михаил известен как специалист по колоколам: он выбирал колокола для некоторых православных церквей (в частности, для Сергиевской церкви в Париже). С началом Второй мировой войны Михаил Яшвиль служил в Берлине, после войны в Гамбурге). Умер 6 августа (согласно другим источникам, 19 апреля) 1950 года в Клиши, недалеко от Парижа, Франция. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, недалеко от Парижа.

Рисунок 8. Русские эмигранты в Тулоне, 1930-е гг¹.

Третий слева – о. Михаил Яшвиль, первый священник русской церкви в Тулоне, рядом с ним, слева – Сергей Фёдоров, создатель и регент церковного хора, второй справа – Пётр Вирановский, приходской староста.

В июле 1932 года отец Михаил переехал в другой город, и по прошению на имя митрополита Евлогия в Тулон был назначен батюшка Илларион Титов, проживавший до этого в г. Ницца². Отец Илларион, потерявший семью в годы Первой мировой войны, к новой миссии отнесся с особым рвением; при нем приход значительно укрепил свое материальное оснащение, расширился состав прихожан; в организации богослужений отцу Иллариону помогали иподиакон Константин Ефимьев и псаломщик Борис Котов³. В связи с назначением отца Иллариона на служение, митрополит Евлогий посещал тулонский приход, о чем сделана памятная запись в церковных архивах⁴. В 1937 году по инициативе митрополита отец Илларион был переведен на служение в другой храм;

¹Archives familiales de Philippe Koutseff. Toulon.

²Иларион Титов (1865-?), родился в семье донских казаков-старообрядцев. В 1887-1889 годах Титов проходил обязательную военную службу, в 1896 году начал обучение в Донском семинарии в Новочеркасске. В 1898 году Титов был рукоположен, служил в религиозных учреждениях донского региона, в том числе во время Гражданской войны. Эвакуирован в 1920 году, в эмиграции во Франции. Служил настоятелем православного прихода города Тулуза (1931), затем в женском монастыре Ливри-Гарганн недалеко от Парижа, в православной церкви города Тулон; с 1937 года постоянно проживал в городе Сен-Морис.

³AP de l'Eglise. Procès-verbaux des réunions du Conseil d'administration. 1935.

⁴AP de l'Eglise. Gazettes de clergé. 1937.

Евлогий назначил новым настоятелем храма священника Владимира Пляшкевича, который служил до конца 1940-х годов¹. При нем штат священнослужителей несколько расширился; кроме уже упомянутых, в 1938 году, был назначен второй псаломщик Михаил Филиппенко, положен в иподиаконы Михаил Трухин². На содержание штата священнослужителей средства попрежнему выделялись приходским советом; так, например, вознаграждение псаломщикам и регенту (руководитель церковного хора) было установлено в размере 100 франков в месяц³.

Ссылаясь на протоколы заседаний Церковного совета, мы можем описать его структуру и состав: председателем Церковного совета являлся действующий батюшка; в организации работы совета ему помогали товарищ председателя и секретарь. В период с 1929 по 1939 годы число членов Церковного совета колеблется от 4 до 8 человек. Заседания Церковного совета проводились с периодичностью 1 раз в полтора-два месяца и касались решения всех основных вопросов жизни церковной общины. Кроме того, при Совете работала Ревизионная комиссия, которая контролировала состояние материального имущества церковной общины⁴. Очень важную роль в жизни общины играл церковный староста. Выбираемый из числа прихожан и утверждаемый советом, староста являлся посредником между священнослужителями и прихожанами; он руководил действиями и обращениями прихожан, помогал в организации расписания богослужений; кроме того, староста являлся хранителем приходской казны.

¹Владимир Пляшкевич, протоиерей (1895-1957), родился в дворянской семье в Смоленской области. После окончания средней школы в 1915 году поступил в Военный институт в Вильно. Карьеру начал в 306-м пехотном полку в Мокше. Во время революции 1917 года командовал боевой ротой 173-го пехотного батальона. С началом Гражданской войны воевал в 1-м офицерском полку Маркова. Был трижды ранен. Повышен до звания капитана. Эмигрировал в Болгарию, позже переехал во Францию. В 1936 году окончил Сергиевский институт православной теологии в Париже. Настоятель православной общины города Тулон (1937). В начале 1940-х гг. переехал в город Ментон. Настоятель церкви Иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость и директор Благотворительного дома для русских эмигрантов. Умер 28 февраля 1957 года в городе Ментон.

²AP de l'Eglise. Procès-verbaux des réunions du Conseil d'administration. 1938.

³AP de l'Eglise. Procès-verbaux des réunions du Conseil d'administration. 1931. ⁴Ibid.

Оснащение тулонской церкви было небогатым, о чем прямо сказано в приходской книге за 1931 г.: «утварью бедна», в сохранившемся описании упоминаются 2 комплекта сосудов, 1 священническое облачение, плащаница, 2 хоругви, фонарь, престол и жертвенник¹. Происхождение этих предметов точно неизвестно, но, возможно, что они были пожертвованы храму, как и многие другие предметы: «скатерть с вышитыми цветами, полг на аналой, вышитая салфетка для иконы», «лжица позолоченная», «сорочка для престола вышитая крестом, поднос для сбора денег»². Местные дамы вносили посильный вклад в благоустройство храма, жертвуя, вывезенные из России скатерти, полотенца, подсвечники, кресты, лампады.

Особое место в любой православной церкви занимает иконостас. Появление первых икон в тулонском храме связано с именем генерала Александра Авринского³. По его инициативе и на его личные средства, для работы в церкви Воскресения в Тулон был приглашен художник Ростислас Лукин⁴, который

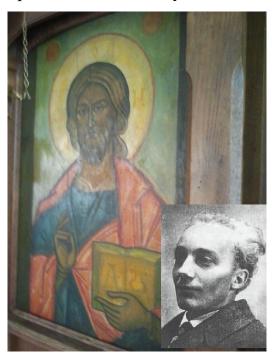
¹AP de l'Eglise. Inventaire des biens matériels de l'Eglise. Non datée.

²AP de l'Eglise. Liste des donations, les dons de Mmes Bercaloff, Nikolaiëff, Ivanoff.

³Авринский Александр Александрович (22/10/1870-после 1930) – генерал-майор, участние русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, эмигрант. Образование получил в 4-м Московском кадетском корпусе, выпускник Павловского военного училища (1893 г.) и офицерской строевой школы с отличием. Карьеру начал подпоручиком в 41-й артиллерийской бригаде. Повышен до звания лейтенанта в 1896 году, капитана в 1900 году. Участвовал в Русско-японской войне 1904-1905 годов уже майором 1-й гвардейской артиллерийской бригады. Подполковник в 1909 году, полковник с января 1912 года, Авринский назначен командиром 1-й минометной батареи 8-й артиллерийской дивизии. Во время Первой мировой войны - командир 8-го артиллерийского батальона. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. В мая 1918 года генерал-майор Авринский присоединился к Белым армиям на Юге России. Эвакуирован в 1920 году из Ялты. В эмиграции постоянно проживал в Тулоне с семьей (жена Лидия, сын Александр), работал маляром. Активно участвовал в жизни православной общины.

⁴Ростислас (Ростислав) Владимирович Лукин (29/07/1904-1988), живописец, иконописец. Из старого петербургского дворянского рода; по линии матери принадлежал к фамилии Грамматиковых из Крыма. Был назван матерью в честь крейсера «Ростислас», приписанного к Феодосии. После развода родителей жил с братом у отца в Харькове, где учился в гимназии. С началом революции дети были отправлены в Феодосию, откуда в 1920 году мать вывезла их через Одессу в Константинополь и оставила на попечении знакомых. Учился в консерватории и в русской гимназии, которая вскоре всем составом была переведена в г. Моравска Тршебова в Чехословакии. Первые уроки рисования получил у преподавательницы гимназии Веры Роде, ученицы К.С. Петрова-Водкина. По окончании гимназии поступил в богословскую школу, откуда вскоре сбежал. Некоторое время жил в Праге, работал садовником и занимался в Украинской студии пластических искусств у С.А. Мако. По приглашению знакомого монаха отправился

написал первый иконостас, а также выполнил несколько фресковых росписей. К сожалению, большинство икон в настоящее время утрачены, сохранилось только два образа: икона Божией Матери Утешение и Спас Вседержитель (Рисунок 9.). Обе иконы с авторскими клеймами Лукина можно увидеть в современном иконостасе церкви Воскресения¹. Кроме того, некоторое количество икон было пожертвовано марсельским приходом в 1931 году².

_

писать иконы в монастырь в Русских Карпатах. В 1927 приехал в Париж. Поступил в Русский художественно-промышленный институт, изучал народное искусство под руководством Н.В. Глобы и И.Я. Билибина. Входил в общество «Икона», участник его выставок в 1929-1930 годах. Написал 15 икон для русской Знаменской церкви в Париже и иконостас для церкви в Тулоне. В 1930-е годы много путешествовал по Франции, бывал в Бельгии, где приобрел заказчиков. Некоторое время занимался в Национальной школе изящных искусств в Париже у Рожье. Писал портреты. Исполнил икону «Богородица – защитница русских на чужбине». В 1932 году устроил первую выставку в Намюре (Бельгия); в 1936 провел портретные выставки во французском городе Бар-сюр-Об (деп. Об) и в галерее «Дитриш» в Брюсселе. В 1934 году музей Лувр приобрел его икону – образ Св. Антония Римлянина. В предвоенные годы жил попеременно в Париже, Шампани и Бельгии. В 1939 году окончательно поселился в Бельгии, в 1950 году принял бельгийское подданство. Написал и иллюстрировал книгу «Русская мифология» (Брюссель, 1946). Участник выставки «Салон прусских художников в Брюсселе» (1943). В послевоенные годы провел персональные выставки в Париже (1958), в Труа (1959), в Булони под Парижем (1960). В 1968-1969 годах совершил выставочное турне по городам Франции. В 1970-х годах почитатели его творчества объединились в Общество друзей Лукина, которое существует и в наши дни. Представлен в музеях Труа, Булони (Франция), Брюсселя, Шарлеруа, Ла-Лувьера (Бельгия), Моравской Тршебовы (Чехия).

¹Русская православная церковь Воскресения: ул.Сентраль, 97, Тулон, 83000, Вар, Франция. ²AP de l'Eglise. Inventaire des biens matériels de l'Eglise. Non datée.

Рисунок 9. Художник Ростислас Лукин, автор иконостаса церкви Воскресения в Тулоне. Икона «Спас Вседержитель», 1930-е гг., Тулон.

К сожалению, расписания церковных служб не сохранились, но из записей священников известно, что богослужения проводились в воскресные дни, а также в дни главных православных праздников, независимо от дня недели¹. Очень важную роль в организации служб имел церковный хор. Основателем и первым регентом хора был Сергей Фёдоров²; к концу 1930 годов в хоре постоянно пело 12 человек³.

Повседневные и насущные проблемы прихожан также не оставались в стороне, о чем свидетельствует идея организации бесплатной медицинской помощи для русских эмигрантов: при приходе функционировала выездная амбулатория. Ею руководил Василий Веселаго, работавший в городском госпитале; на свои средства он покупал медикаменты и оказывал нуждающимся необходимую медицинскую помощь⁴.

Подводя итоги данного параграфа можно сделать вывод, что церковная жизнь занимала существенное место в повседневной и общественной русской эмигрантской общины в Тулоне. Церковный приход был организован инитиативной группой офицеров-эмигрантов в конце 1920-х гг. и функционировал в постоянной взаимосвязи с другими православными общинами региона. Организационные основы церковной жизни повторяли дореволюционный уклад. В 1930-е гг. православный храм в Тулоне стал центром не только религиозной жизни, но также была постоянным местом встреч русских беженцев, проживающих в

¹AP de l'Eglise. Gazettes de clergé. 1931.

²Фёдоров Сергей Николаевич (?-после 1960) — подпоручик. Участник Гражданской войны. Служил в 21-й артиллерийской бригаде. В эмиграции в Югославии, затем во Франции в Тулоне. Работал бухгалтером в магазине женской одежды, затем в компании «Национальное общество железных дорог». Музыкант. Основатель и руководитель 3 оркестров: русского ансамбля балалаечников, джаз-банды «Федорофф», ансамбля классической музыки тулонского отделения «Национального общества железных дорог».

³Entretien avec M.Youry Klimoff. le 17 mai 2013. Toulon.

⁴AP de l'Eglise. Procès-verbaux des réunions du Conseil d'administration. 1936-1937.

городе; члены общины сообща решали различные вопросы не только церковной, но и повседневной жизни прихожан.

3.2. Образовательная и воспитательная деятельность русских военных эмигрантов в Тулоне.

Социальный состав российской военной эмиграции 1920-1930-х годов включал не только воинский контингент, но и значительное число женщин и детей, так как многие офицеры эмигрировали вместе со своими семьями. Русские эмигранты первой волны мужественно переносили материальные трудности первых лет изгнания, веря в скорое возвращение на родину. Известно, что русские беженцы из военной среды готовились к новой кампании против большевиков, создавая и сохраняя специализированные военные учебные заведения¹, однако, необходимо было заботиться о том, чтобы русские дети, оказавшиеся в эмиграции получили полноценное среднее образование в стране пребывания. Из множества задач, встающих перед эмигрантами, забота о подрастающем поколении выделилась как одна из самых ответственных и, кроме того, как отметила Т.В. Склярова, «явилась тем делом, в осуществлении которого легче всего оказалось возможным объединение здоровых элементов беженства»².

Как уже неоднократно отмечалось выше, большинство военных эмигрантов испытывало значительные трудности в первые годы изгнания: неопределенность правового статуса, безработица, безденежье, а также психологический стресс, — все это факторы определили нестабильность повседневной жизни военных беженцев. Основной массе военных беженцев не хватало средств на питание и одежду для себя и детей, не говоря уже о достойном образовании. В данной ситуации важную роль сыграли русские общественные организации, прежде всего,

¹Сотников С.А. Дети российских военных эмигрантов в 1920-1930-е гг.: судьбы, образование, ментальность // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 65.

²Склярова Т.В. Религиозный аспект педагогической деятельности в среде русской эмиграции первой половины XX века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2003. № 1. С. 195.

Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (РЗГК или «Земгор»), благодаря усилиям которых была создана система русских школ в Чехословакии, Франции и ряде других стран Европы. К началу 1924 года за рубежом было открыто 90 русских школ (47 начальной и 43 средней ступеней обучения), в которых числилось 8.835 детей; из них 898 учились в начальной школе, 937 — в средней, 4.380 детей находилось в интернатах 1.

В 1921 году, ещё в Константинополе под патронатом французских религиозных организаций был создан Комитет по организации обучения детей русских беженцев, открывший специальный русский интернат: «Большое количество русских беженцев, находящихся в Константинополе, желают продолжить обучение своих детей в различных французских образовательных учреждениях. С целью организации помощи данной категории беженцев и был организован настоящий Комитет. ... Комитет постановил открыть в помещениях бывшего колледжа Сен-Жорж школу для детей русских беженцев...»². С 1923 года это учреждение, принимавшее сирот и детей из бедных эмигрантских семей, переместилось в Бельгию, в г.Немюр, где действовало до 1940 г. В 1940-1946 годах интернат находился в Париже, в 1946–1970 годах – в Медоне. Затем на его базе был создан существующий и в настоящее время Центр изучения русского языка и культуры³.

Забота о хорошем образовании подрастающего поколения стала важнейшим направленияем деятельности специальной Комиссии по оказанию помощи чина флота и Морского ведомства, образованного при канцелярии Военно-морского агента в Париже. Согласно протоколу заседания от 15 апреля 1921 года, «Комиссия постановила оказывать в первую очередь помощь в образовании и воспитании детей»⁴.

¹Сотников С.А. Дети российских военных эмигрантов в 1920-1930-е гг.: судьбы, образование, ментальность // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 64.

²ГА РФ. Ф. Р9145. Оп. 1. Д. 480. Л. 1 (Пер. с фр. – М.Р.).

³Сотников С.А. Дети российских военных эмигрантов в 1920-1930-е гг.: судьбы, образование, ментальность // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 64. ⁴ГА РФ. Ф. Р5916. Оп. 1. Д. 1. Л. 2об.

Данная помощь велась в двух направлениях, информационном, когда родители обращались с просьбами оказать помощь в выборе образовательного учреждения, и, безусловно, финансовом. В отечественной историографии отстаивается тезис о том, что материальное положение большинства семей военных эмигрантов не всегда позволяло им планировать расходы на образование детей¹. Данная мысль подтвержается многочисленными архивными свидетельствами. В отчете помощника военно-морского агента В.К. Маслова в числе прочих статей о расходовании денежных средств за 1921 год, есть упоминание о выделении средств на обучение в платных пансионах в Марселе детям морских офицеров в количестве 12 человек в возрасте от 8 до 15 лет².

Проживающий в местечке Тамарис около Тулона капитан 1 ранга Александр Длусский в августе 1922 года с радостью сообщал В.И. Дмитриеву в Париж о своих хозяйственных успехах, но вместе с тем, просил выделить пособие, ссылаясь на общую информацию о помощи флотским офицерам, в связи с тем, что «единственный вопрос, который не удается разрешить в эту зиму – обучение детей, мальчик 12 лет и девочка 10 лет, уже 2 года во французской школе ... вся суть в том, что до школы 7 вёрст, из которых 2 версты до трамвая, а потому завтракать дома дети не могут ... полупансион обойдется в 200 франков в месяц...» Старший лейтенант Антон Павелецкий, владелец небольшой цветоводческой фермы писал, что «...хотел бы отдать дочь Тасю в колледж для обучения, было бы очень обидным для нас родителей, и для любимой дочери, она так мечтает поступить в школу... Нечего обуть, денег совсем нет, только выплаты по ссуде и не на что купить...» 4.

Большим испытанием стало решение вопроса об образовании сыновей для семьи генерала-майора Сергея Беркалова, который в сентябре 1921 года, буквально через месяц после прибытия в Тулон, лично отправился в Париж с прошением к военно-морскому агенту: «Будущая Россия будет нуждаться в здоровом молодом

 $^{^{1}}$ Яковлева М.Г. Проблемы воспитания детей русских эмигрантов во Франции (1918-1939 гг.) // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 153-158.

²ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 139. Л. 56.

³ГАРФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 24. Л. 23.

⁴ГАРФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 556. Л. 192.

поколении ... Моих детей , обладающих блестящими способностями, прямо-таки преступно оставлять неучами, а потому я только и решаюсь обратиться к Вам за помощью... Помочь мне определить хотя бы старшего пансионатом в одно из русских учебных заведений Парижа, не исключая и технических, что касается младшего сына, то я решил продолжить его образование во французском колледже Тулона. ... Только крайне тяжелое материальное положение и уверенность в Вашей помощи заставили меня обратиться к Вам» . Пребывание в Париже и встреча с В.И. Дмитриевым несколько изменили планы семьи Беркаловых. В письме от 8 октября 1921 г., генерал сообщал, что «в русском учебном заведении нет пансиона. ... остается одно — продолжить учение детей дома , платя за час по 5 франков, что составляет расход на двух до 300 франков в месяц. Ввиду болезненного состояния моего сына и желания не разлучаться с братом, я их обоих, следуя Вашему совету, отдал в тулонский Лицей полупансионом... Прошу скорее перевести директору названного Лицея сумму, которую Вы были столь любезно ассигновать на эту цель, то есть 2400 франков что дает нам возможность дать более полное образование

¹Беркаловы: Александр (28/03/1905, г. Бэла), Кирилл (14/05/1906, г. Петроград)

²ГАРФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 23. Л. 75-75об.

³Имеется ввиду в образовательном учреждении в Тулоне.

⁴Первое учебное заведение для получения среднего образования в Тулоне, предшественник Лицея – Коллеж – было создано 10 октября 1623 года решением городского совета. В годы Великой Французской революции, а именно в 1793 году, Коллеж в Тулоне был закрыт и заменен Центральной школой, которая работала на протяжении 6 лет. 3 декабря 1802 года префект Вара создал среднюю школу, которая открыла свои двери 24 декабря 1803 года и работала с теми же сотрудниками, что и Центральная школа. 18 августа 1860 года Тулонский Коллеж получил статус Лицея, а указом от 24 августа 1861 года объявлен Императорским. Для Лицея были построены специальные корпуса, открытие которых состоялось 15 октября 1867 года. Все классы от детского до начальной философии и математики, а также подготовительные размещались в четырех больших зданиях, которые сохранились до наших дней. В 1875 году была создан Ассоциация выпускников тулонского Лицея, которая вела большую общественную работу, объединив различные поколения лицеистов. В большом зале на первом этаже главного корпуса проводились традицинные балы выпускников. В годы Первой мировой войны в помещениях Лицея располагался военный госпиталь. После окончания Великой войны, по инициативе Ассоциации выпускников во дворе Лицея был установлен памятник жертвам. Он был открыт 12 июня 1921 года во время церемонии, в которой принимали участие гражданские, военные и религиозные деятели города. На монументе размещен поименный список 222 учащихся и 2 преподавателей. В 1923 году в тулонский Лицей впервые были приняты на обучение девушки. В настоящее время в учебных корпусах Лицея находится Коллеж Пейреск.

⁵Общая стоимость обучения «полупансионом» в год составляла 3.672 франка за 1 человека – SAVTR. Lycée de Toulon. Extraits de règlement. Conditions d'admission, P.1.

обоим мальчикам с добавлением с нашей стороны некоторой суммы – для чего мы и переезжаем ближе к Тулону¹, новый адрес, который сочту своим долгом сообщить»². В фонде Р5903 Государственного архива Российской Федерации сохранились сертификаты³, выданные директором тулонского Лицея подтверждающие успешное обучение обоих юношей Беркаловых подготовительном классе, предназначенном для поступления в военную школу Сен-Сир⁴ и в Военно-морскую школу⁵.

Однако расходы на обучение в Лицее не ограничивались прямой платой за обучение. Все лицеисты, поступающие на пансион или полупансион, должны были быть обеспечены специальным вещевым «чемоданчиком», включавшим 1 комплект парадной формы синего цвета, пальто чёрное или синее, берет, 2 комплекта повседневной формы, 3 пары туфель чёрного цвета, 8 рубашек с воротничком, 4 пижамы, 12 носовых платков, 4 пары кальсон, 4 пары перчаток, 6 больших салфеток, 3 кармана для салфеток, 12 пар носков, корзину для белья, 6 полотенец, несессер с туалетными принадлежностями, аксессуары для ухода за одеждой и обувью, 4 одеяла, 2 шерстяных покрывала⁶. Остается добавить, что для генерала Беркалова, трудившегося рабочим в механических мастерских и имеющего на семью доход примерно 350 франков в месяц, возможность дать детям образование, безусловно, была бы нереализована без помощи канцелярии военноморского агента.

Кроме братьев Беркаловых, в конце 1920-1930-е годы в тулонском Лицее также обучались дети из нескольких других русских семей:

 $^{^{1}}$ Первую квартиру снимали в Йере вместе с Городыскими (ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 2. Д. 143. Л. 81), затем переехали в Тамарис-сюр-Мер, ближайший пригород Тулона (ГА РФ. Ф. Р5916. Оп. 1. Д. 24. Л. 61об.).

²ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 23. Л. 74, 77.

³ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 496. Л. 109-110.

⁴Военная школа Сен-Сир (École spéciale militaire de Saint-Cyr) — высшее учебное заведение, занимающееся подготовкой кадров для французского офицерства и жандармерии.

⁵Военно-морская школа в Бресте (Ecole navale de Brest) – высшее учебное заведение, занимающееся подготовкой офицеров Военно-морского флота Франции.

⁶SAVTR. Lycée de Toulon. Extaits de règlement. Composition des trousses. P. 1.

- Владимир Звягинцев, с 1928 по 1933 гг., премирован за успехи в изучении философии¹
- Александр Звягинцев, с 1930 по 1936 гг., премирован за отличное поведение, за особые успехи в изучении латыни, греческого языка, истории, географии, устного чтения и декламирования стихов; оба брата Звягинцевы висели на доске почета²
- Олег Чурбаков, с 1933 по 1936 гг., премирован за отличные успехи в изучении итальянского языка и физической культуры³
- Александр Васильев⁴, в 1937 г. обучался в подготовительном классе для поступления в Военно-морскую школу, премирован за отличные успехи в изучении французского языка, черчения; висел на доске почета)⁵.

В то же время в контексте эмиграции 1920-1930-х гг. особую остроту приобрела проблема сохранения национальной и культурно-языковой идентичности, которая реализовывалась, прежде всего, через школьное образование на русском языке, а также в процессе неформального общения

¹SAVTR. Lycée de Toulon. Distribution solennelle des Prix. P. 22, 49.

²Idem. P. 16, 23.

³Idem. P. 28, 42.

 $^{^{4}}$ Васильев Александр Сергеевич (05/08/1918-06/04/2008) — сын морского офицера (отец — Сергей Николаевич, капитан 2 ранга), родился в Одессе, вместе с родителями в эмиграции во Франции с 1921 г. Сначала семья проживала в Ницце, где Александр учился в русской школе А. Яхонтова «Александрино». В 1930-х гг. после переезда в Тулон учился в местном Лицее. В 1938 г. семья получила французское гражданство благодаря чему Александр смог поступить в Военноморскую школу в Бресте. В 1940 г. мичман Васильев начал военную службу на крейсере «Алжирия». Участник боевых операций в Сирии и Ливане в 1941 г. В 1942 году уже лейтенант Александр Васильев с остатками флота покидал Тулон. Часть кораблей пришлось затопить, чтобы они не достались немцам. В 1944 г. в составе группы Боссе участников Сопротивления принимал участие в освобождении Тулона и одним из первых вошел в город. В ходе операции был ранен, но продолжал руководить вверенным ему подразделением. За операцию по освобождению Тулона 26-летний Васильев был награжден Орденом Почетного Легиона. С 1945 г. – в звании старшего лейтенанта. Участник войны в Индокитае, за которую награжден Военным крестом. Сделал блестящую военную карьеру, которую закончил в 1974 г. в звании контрадмирала. С 1989 г. избранный член Морской Академии. Награжден различными французскими и иностранными орденами и медалями. Морской писатель. Автор 6 книг, в том числе автобиографического романа «Паша», получившего в 1980 г. премию Французской Академии. Староста церкви Воскресения в Тулоне (1974-2008). Скончался в Тулоне, похоронен в Ницце на кладбище Кокад. В сентябре 2017 г. Центру подготовки стажеров Военно-морского флота в Грассе присвоено имя контр-адмирала Александра Васильева.

⁵SAVTR. Lycée de Toulon. Distribution solennelle des Prix. P. 17.

эмигрантской молодежи в различных корпоративных и культурных организациях – студенческих союзах, литературных кружках, клубах по интересам¹.

Важнейшим моментом, определившим жизнь русских эмигрантов, было решение о повседневном языке общения в семьях и внутри колонии. Среди уехавших за рубеж беженцев, было немало владевших не одним иностранным языком. Однако эмигранты первой послереволюционной волны использовали родной язык, подтверждая данным выбором свое желание оставаться русскими, выражая таким образом приверженность национальной культуре и любовь к Родине².

Особую роль в сохранении и распространении русского языка, защиты молодого поколения эмигрантов от денационализации в российском зарубежье сыграли частные и общественные вечерние или воскресные школы, в которых преподавались общеобразовательные дисциплины на родном языке (русский язык, литература, русская история, природоведение). Каждый из названных выше предметов должен был нести определенную воспитательную нагрузку, а именно, не только дать детям знания, но и сделать все для того, чтобы национальные идеалы становились основой их мировосприятия³. Учебные программы по названным предметам неоднократно становились предметом обсуждения членов программной комиссии Педагогического бюро, участников русских педагогических съездов в различных странах Европы. Как отметил В.В. Ефременко, уникальность и успешность деятельности эмигрантской школы состоит в том, что «именно образование спасло подрастающие поколения от ассимиляции и дало шанс многотысячной эмигрантской молодежи найти свое место в русском зарубежье»⁴.

¹Щупленков О.В. Сохранение национальной идентичности через преемственность образования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 6. С. 72.

²Там же. С. 74.

 $^{^3}$ Камнева Г.П., Сотников С.А. Историко-культурные проекты в системе воспитания детей и юношества российской эмиграции в XX веке // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 42.

⁴Ефременко В.В. Деятельность научных и культурных учреждений российской эмиграции во Франции. 1917-1939 годы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2008. С. 33.

Образовательные учреждения для детей эмигрантов функционировали во многих городах южной Франции. В Ницце А. Яхонтов открыл школу «Александрино», в лагере русских беженцев «Виктор Гюго» в Марселе работали школа и детский сад с ясельной группой 1. Для обучения русских детей в Тулоне в конце 1920-х годов при храме Воскресения была организована приходская школа. Согласно данным статистики в сопоставлении с данными церковных архивов, всего в русской колонии значилось около 30 детей и подростков в возрасте от 5 до 17 лет. Занятия проходили в помещении при церкви. Обучение осуществлялось безвозмездно: приход не имел возможности выделить средства на содержание школы. Преподавание велось по трем предметам: Закон Божий (настоятель храма), русский язык (Николай Макаров), русская история (генерал Александр Авринский) 2 . Кроме того, в приходской школе устраивались лектории по русской истории для взрослых и детей: так, например, в июле 1938 года были организованы чтения, посвященные 950-летию Крещения Руси киевским князем Владимиром³. Чтения были проведены по окончании литургии в помещении при храме, сопровождались детским праздником с вручением угощений.

Большую роль в распространении знаний и развитии книжной культуры сыграли русские библиотеки. При тулонском приходе была собрана собственная библиотека: 40 томов, книги для проведения богослужений; 300 томов – литература для чтения. Источники пополнения и финансирования библиотеки точно не установлены, но известно, что часть книг была передана из марсельской приходской библиотеки ⁴ и русской библиотеки г. Марселя «Культура» ⁵.

В военных семьях обычно поощрялось участие детей в скаутском и сокольском движении, посещение воинских курсов для эмигрантской молодежи⁶. Данное молодёжное движение охватывало не только мальчиков, но и девочек, для

¹ГА РФ. Ф. Р9145. Оп. 1. Д. 658. Л. 12.

²AP de l'Eglise. Gazettes de clergé. 1935, 1938

³AP de l'Eglise. Procès-verbaux des réunions du Conseil d'administration. 1938.

⁴AP de l'Eglise. Gazettes de clergé. 1938.

⁵ГА РФ. Ф. Р9145. Оп. 1. Д. 658. Л. 12об.

⁶Сотников С.А. Дети российских военных эмигрантов в 1920-1930-е гг.: судьбы, образование, ментальность // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 66.

которых были введены специальные дополнения по домоводству. По уверждению молодого французского исследователя Н. Паллюо, в 1920 – 1930-е гг. скаутские общины были характерным явлением общественной жизни не только русской, но и некоторых других иностранных диаспор, а частности, армянской и польской. Автор развивает тезис о том, что, скаутинг предоставлял иммигранту условия для владения двойной идентичностью, но одновременно служил развитию диаспорской обособленности нации и являлся сильным элементом сопротивления французской ассимиляции¹.

По данным Русского Эмигрантского Комитета Марселя и Прованса, в южной Франции действовали 10 национальных отделений русских скаутов². Во второй половине 1930-х годов в Тулоне также была организована детская скаутская община. Ежегодно русские скауты проводили традиционный лагерь в местечке Фабрегас в окрестностях Тулона (Рисунок 10.)³. Необходимо отметить, что летние лагеря имели особое значение в воспитательной работе при знакомстве детей с русской культурой и традициями. Общение происходило только на русском языке, большое внимание уделялось беседам у костра, где велись разговоры о России, ее истории и культуре, индивидуальным прогулкам, во время которых воспитатели изучали внутренний мир ребенка, играм, формирующим характер, и религии. Популярность и посещаемость лагерей была заметно выше, чем у русских школах обучалось лишь несколько сот учеников⁴.

Тулонский лагерь проводился в летние месяцы (июль-август) на средства, выделяемые князем Феликсом Юсуповым. Жизнь участников лагеря была интересной и насыщенной: тулонские скауты жили в палатках, организовывали

¹Palluau N. Entre nation et religion. Scoutisme et organisation des jeunes immigrés (1920-1950)// Cahiers de la Méditerranée. [En ligne] 78 | 2009, mis en ligne le 15 février 2010, consulté le 21 juillet 2015. URL : http:// cdlm.revues.org/4680. P. 2.

²ГА РФ. Ф. Р9145. Оп. 1. Д. 658. Л. 12.

³Entretien avec M.Youry Klimoff. le 17 mai 2013. Toulon.

⁴Кудряшова С.К. Особенности национального воспитания детей и подростков в условиях эмиграции «первой волны» // Инновации в науке. 2012. № 11-2. С. 29–30.

спортивные соревнования, прогулки по окрестностям, купание в море. Члены лагеря имели собственную символику и гимн «Ах, Фабрегас, Фабрегас!», который впоследствии стал традиционном песней всех русских скаутов во Франции¹. Ежегодно в работе детского лагеря принимали участие более 50 детей, часть из которых приезжала из других городов². Данная цифра подтверждает тезис С.К. Кудряшовой об эффективности детских лагерей как формы работы с русской эмигрантской молодежью.

Рисунок 10. Община русских скаутов, Фабрегас, Тулон, 1930-е гг³.

Также С.К. Кудряшова и В.Е. Дерюга отмечают, что особое значение для русских детей в условиях эмиграции имело проведение различных праздников, способствовавших сохранению ими русских национальных традиций и имевших неповторимый, запоминающийся колорит⁴. Для таких мероприятий среди детей и взрослых заблаговременно начиналась подготовительная работа: шились и обновлялись национальные костюмы, разучивались русские песни и танцы («барыня», «камаринская» и др.).

¹Entretien avec Mme Tatiana Evfimieff. le 27 avril 2013. Toulon.

²Ibid.

³Archives familiales de Philippe Koutseff. Toulon.

⁴Кудряшова С.К., Дерюга В.Е. Национальные праздники как источник сохранения русской культуры в условиях эмиграции // Инновации в науке. 2012. № 12(2). – С. 24-28.

Следует отметить, что, начиная с 1931 года, в Париже устраивались «Дни русской культуры для юношества и детей», которые посвящались выдающимся деятелям русской истории и культуры¹. Обширная культурная программа праздника разрабатывалась заранее и включала спектакли, утренники, концерты, выступления с гимнастическими упражнениями различных юношеских организаций. «День русской культуры для юношества и детей» помогал подрастающему поколению особенно ярко ощутить свою принадлежность к русской нации.

Несмотря на постоянные финансовые трудности, русские Тулона демонстрировали желание поддерживать высокий уровень духовной культуры: прихожане церкви Вознесения создали при храме хор и театральный кружок; различные праздничные мероприятия, спектакли, ежегодная рождественская ёлка с подарками стали неотъемлемыми событиями в жизни русской общины. В Ницце по инициативе «Общества помощи русским учащимся» ежегодно проводился праздник русской культуры «Детское утро», в котором, возможно, принимали участие дети, проживающие в Тулоне². Проведение подобных праздников для детей и подростков также способствовало сохранению ими русского языка и культуры.

Особое место в культурной жизни тулонского православного прихода и всей русской эмигрантской общины занимал народный оркестр балалаек, созданный супругами-музыкантами Сергеем и Еленой Фёдоровыми (Рисунок 11.).

¹Камнева Г.П., Сотников С.А. Историко-культурные проекты в системе воспитания детей и юношества российской эмиграции в XX веке // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 42.

²Вестник Ривьеры. № 14. 29 июня 1930.

Рисунок 11. Русский оркестр балалаечников, 1930-е гг., Тулон¹. Во втором ряду, в центре — Сергей Фёдоров, музыкант, основатель и руководитель оркестра.

История оркестра начинается в г. Сараево, в Югославии. Управляющий бесплатно разместил семью Фёдоровых в гостинице при условии, что они будут проводить музыкальные вечера. Постепенно к Фёдорову приходит идея создания русского оркестра. Французский импресарио, повстречавший Фёдорова в Белграде, предложил участникам оркестра гастрольный тур по городам Лазурного побережья, после которого Фёдоровы решили обосноваться во Франции и поселились в г.Бандоль, небольшом курорте, расположенном в 20 км от Тулона.

В 1927-1928 годах оркестр Фёдорова играл в ресторане «Гран кафе» в Тулоне и в ночных клубах; в летний сезон русские балалаечники выступали также в бандольском казино. Оркестр Фёдорова, безусловно, принимал участие во всех культурных мероприятиях, проводимых прихожанами церкви Воскресения.

Подводя итоги культурно-образовательной и воспитательной деятельности русских военных эмигрантов в Тулоне, можно заключить, что речь идет о постоянной и многоплановой работе членов общины, направленной на сохранение традиций национального образования, русского языка и истории. Настоящим

¹Archives familiales de Philippe Koutseff. Toulon.

очагом русской культуры, вокруг которого были сосредоточены все основные события и мероприятия был православный храм Воскресения Христова. Особое внимание в образовательной и воспитательной деятельности уделялось работе с молодым поколением эмигрантов.

3.3. Профессиональные союзы русских военных эмигрантов в Тулоне

Общность судьбы и исторических корней обусловила такую характерную черту первой волны эмиграции, как кастовость. Как утверждает в своем исследовании В.Ю. Волошина, принадлежность к определённой социальнопрофессиональной группе способствовала развитию особых коммуникативных связей (личностных, корпоративных, внешних) в среде русских эмигрантов¹.

Прежде всего, речь идёт о личных связях, имеющих в среде военных собственную специфику. Чувство фронтового коллективизма, ощущение «единой семьи», спаянной общими трудами и лишениями войны, длительное время существовали и поддерживались в среде русской военной эмиграции особенно на первых этапах социальной адаптации².

представителей других военных беженцев, как и жизнь сообщества социальных групп эмигрантского В изгнании, претерпела существенные трансформации, однако, система ценностей, эстетических вкусов, взглядов на устройство быта оставалась неизменной. Уровень жизни большинства эмигрантов первой волны значительно понизился по сравнению с тем, который был у них прежде. Несмотря на ухудшение материальной ситуации, в русских эмигрантских семьях настойчиво следовали дореволюционному домашнему и семейному этикету, ревностно сохраняли нравственные и эстетические нормы. Связано это, безусловно, не только с феноменом «привычности», но, прежде всего, с тем, что последние играли роль маркеров в собственной социально-

¹Волошина В.Ю. Роль комуникативных связей в социальной адаптации научного социума зарубежья в 1920-1930-е гг. // Вестник ОмГУ. 2011. № 1. С. 69.

²Руденцова Ю.И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции (1920-1930-е гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2000. С. 61.

психологической идентификации эмигрантов и позволяли избежать культурной ассимиляции.

Культурно-бытовые контакты с местным населением были весьма ограниченными и не всегда имели положительный контекст. Командир «Риона» А. Городыский сообщал о своем не слишком удачном опыте общения с местным населением в процессе поиска квартиры: «...Совсем было нашёл квартиру в окрестностях – испугалась хозяйка, что я – русский большевик, спросите, говорю у военно-морского агента в русском посольстве, мне отвечают, что Франция Советов не признает, я говорю, что я, наоборот, – враг Советов, криво улыбаются. Я обиделся, а они тогда нашли отговорку, а в квартире всё-таки отказали...» Даже если беженцы могли неплохо говорить на местном языке и были знакомы с историей и культурой той страны, где жили, они чувствовали себя чужими, а недавно приобретенные знания практически не влияли на их отношение к стране пребывания. Кроме этого сказывались, также различия с коренным населением в правовом статусе и материальном положении, что, также влияло на формирование образа русского эмигранта.

В 1920-1945 гг. российская военная эмиграция во Франции создала в условиях изгнания собственную систему корпоративных коммуникативных связей, включавшую в себя целый комплекс административно-организационных структур (Российский Общевоинский союз, военные общества, войсковые штабы), общественные организации (фонды взаимопомощи, благотворительные комитеты), политические активистские группы, военно-учебные заведения и молодежное военно-спортивное движение².

Именно во Франции сосредоточилось наибольшее число профессиональных российских военных, деятелей военной науки, офицеров

¹ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 551б. Л. 12-12об.

²Голдин В.И. Армия в изгнании. Страницы истории Российского общевоинского союза. Архангельск, Мурманск, 2002; Ершов В.Ф. Адаптация российской военной эмиграции в странах размещения в 1920-е годы / В кн.: История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX вв. М., 1996; Русское зарубежье, военно-политическая мысль в 1918-1945 гг. М., 2000.

высшего звена управления. Диаспора российских военных эмигрантов во Франции была одной из крупнейших: она насчитывала свыше 80 военных организаций с 2 тысячами членов¹. Во Франции, преимущественно в Париже, находились правления многих крупнейших военных организаций: «Союз офицеровучастников войны», «Военно-морской союз», «Общество галлиполийцев», «Объединение во Франции служивших в стрелковой железной бригаде», «Зарубежный союз русских военных инвалидов». В Париже находилась и штабквартира РОВС, а также его 1-й отдел, включающий 28 организаций. В 34 городах Франции имелись провинциальные отделения РОВС².

Французское правительство достаточно равнодушно относилось к русским эмигрантам: не предпринимая против них серьезных репрессивных мер, в то же время и не особенно интересовалось их судьбой, тем не менее, французские власти в то же время внимательно следили за положением дел в российской военной диаспоре. Например, французскими Префектами для Главного управления национальной безопасности составлялись сводки о наличии российских эмигрантов в департаментах и отдельных районах Франции и созданных эмигрантами военных организациях, деятельности их лидеров³.

Русские военные эмигранты во Франции в 1920 — 1945 гг. считали свое изгнание вынужденным и кратковременным эпизодом, надеясь на скорое возвращение в Россию после быстрого, как им казалось, крушения советского государства. Многочисленные письменные свидетельства изобилуют мыслями и мечтами о покинутой родине. В письме генерала-майора С.А. Беркалова к В.И. Дмитриеву от 7 декабря 1922 г. читаем: «Я совершенно открыто смотрю на вещи, почти что с горькой уверенностью могу сказать, что если не случится чудо... а это чудо может, конечно, явиться только в возможности вернуться в Россию»⁴.

¹Сотников С.А. Русская военная эмиграция во Франции в 1920-1930-е гг.: проблемы адаптации // Вестник МГУС. 2007. № 2. С. 120.

²Там же.

³AD des Bouches du Rhône. Série M. Sous-série 1. Carton 916-918. Note sur la réunion des marins russes. 19 février 1925.

⁴ГА РФ. Ф. Р5916. Оп. 1. Д. 24. Л. 61.

Во многом этими причинами вызвано их стремление обособиться от активного участия в жизни стран пребывания, противодействие ассимиляции и нежелание адаптироваться к новой жизни. При этом они стремились ограничить эмигрантской Важной особенностью свою рамками колонии. жизнь психологической адаптации военных эмигрантов стала возможность поддерживать иллюзию участия в борьбе, иллюзию активной деятельности против советской власти, которую давали разного рода воинские союзы и объединения бывших участников Белого движения. Такая деятельность способствовала социальнопсихологической адаптации военных эмигрантов, смягчая общее ощущение невостребованности¹.

Идея объединения морских офицеров с целью адаптации и организации сопротивления Советской власти в эмиграции была изложена уже в 1921 г. в статье капитана 1 ранга М.В. Казимирова, опубликованной в бизертинском «Морском сборнике»: «До последнего времени морские офицеры были более других сорганизованы и более других элементов распавшегося русского общества сохраняли корпоративный дух и связь между собою. Это дает надежду, что им удастся наверстать упущенное время и, быть может, крепче других сорганизоваться как для борьбы с тяжелыми условиями существования в ближайший период смутного времени, так и для сохранения в некотором порядке своих разрозненных рядов для нового периода строительства всего, столь безумно разрушенного в последние годы» ².

Морские эмигрантские организации были двух типов: строевые организации на базе Черноморского флота, которые затем вошли в Военноморской союз М.А. Кедрова, и корпоративные организации нестроевого характера:

кают-компании, общества, взаимопомощи, объединения выпускников морских учебных заведений, научные кружки, объединившиеся во Всезарубежное

¹Руденцова Ю.И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции (1920-1930-е гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2000. С. 60.

²Казимиров М.В. О необходимости единения морских офицеров // Бизертинский морской сборник / сост. В.В. Лобыцын. М., 1993. С. 415.

объединение морских организаций¹. Нужно отметить, что если первичной целью создания большинства армейских объединений, вошедших в образованный в 1924 г. Российский общевоинский союз, было сохранение частей для продолжения борьбы с большевиками, морские организации создавались с целью облегчить выживание в эмиграции и помощи морякам.

Первая организация офицеров-моряков возникла еще в Константинополе, в начале 1921 г. в Константинополе был создан «Союз морских офицеров». Как отмечено в Уставе о деятельности Союза, последний был образован в целях: «1) объединения морских офицеров; 2) сохранения среди них воинских достоинств и этики; 3) взаимной нравственной и материальной поддержки; 4) поддержания специальных знаний; 5) заботы об обеспечении заработка и средств существования; 6)заботы об устройстве семей и воспитании детей»².

Во Франции центром военно-морской эмиграции стал Париж. Военно-морская эмиграция формировалась здесь вокруг Военно-морского агента в Владимира Ивановича Дмитриева и Главнокомандующего Русской эскадрой Михаила Александровича Кедрова. Кроме Парижа, во Франции образовалось еще несколько групп в других регионах и городах.

Русская эмигрантская община Тулона не стала исключением, здесь уже в середине 1920-х гг. появились профессиональные объединения офицеров армии и флота. Первые упоминания о деятельности общественных организаций русских военных эмигрантов относятся к 1925 году, когда 19 февраля в Марселе состоялось общее собрание русских морских офицеров, проживающих в регионе, призванное подчеркнуть общее стремление к солидарности, познакомить друг с другом, проживающих в регионе, создать активную группу для обмена информацией и взаимопомощи. По данным Центрального комиссариата полиции Марселя на

¹Климутин В.А. Российская военно-морская эмиграция в 1920-1930-е гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2006. С. 74.

²ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 497. Л. 130.

собрании, «прошедшем в полном спокойствии и без малейшего инциндента», присутствовало около 50 человек ¹.

Тулонский кружок «Союз взаимопомощи морякам и служившим в Морском ведомстве», официально был зарегистрирован 11 апреля 1929 г. после опубликования официального сообщения в «Морском журнале», но кружок сформировался ранее². Его первым руководителем был генерал Александр Иванов³, секретарем – капитан 1-го ранга Михаил Казимиров⁴. Организация объединила как самых первых представителей русской общины, прибывших в 1921 г., так и других офицеров, приехавших в последующие годы, среди которых старший лейтенант Константин Жевахов⁵, лейтенант Всеволод Котельников⁶, старший лейтенант

¹AD des Bouches du Rhône. Série M. Sous-série 1. Carton 916-918. Note sur la réunion des marins russes. 19 février 1925 (περ. c φρ.— M.P.).

²Морские организации // Морской журнал. 1929. № 12. С. 14

³См. Глава I.

⁴Казимиров Михаил Васильевич (1883-1943), сын морского офицера, родился и вырос в Кронштадте; капитан 1 ранга, выпускник Морского корпуса 1903 г. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 создал и возглавил морской отдел при штабе Сибирской армии, капитан 1-го ранга Сибирской флотилии. После разгрома белых на Восточном фронте находился под арестом, бежал в Китай. Именно Казимиров привез в Харбин в марте 1920 г. сведения об аресте Колчака и Пепеляева. К лету 1921 в эмиграции в Югославии, затем во Франции, в Тулоне. Публицист, автор статей в «Морском журнале». Подробнее о судьбе М.В.Казимирова: Рудковская М.М. Русские морские офицеры в эмиграции: Михаил Васильевич Казимиров (краткий очерк жизни и творчества) // Дальневосточная Россия: научный альманах. Уссурийск, 2015. Вып. 2. С. 104-108; Она же. Русская военно-морская эмиграция во Франции: источники и документы Дальневосточная Россия: научный альманах. Уссурийск, 2017. Вып. 4. С. 94-98.

⁵Жевахов Константин Константинович (19/09/1891? -06/05/1966), родился в Николаеве. В 1913 г. окончил Морской корпус, поручик по Адмиралтейству. В 1915 г. переведен во флот Мичманом. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Службу проходил в составе Черноморского флотского экипажа на линейном крейсере «Иоан Златоуст», затем переведен в Службу связи Черного моря. Приказом Командующего флотом Черного моря № 1852 от 28.12.1919 г. зачислен в резерв чинов флота. Эвакуирован на транспорте «Рион» в Константинополь, затем в Аяччо. В эмиграции постоянно проживал в Тулоне. Работал водителем трамвая.

⁶Котельников Всеволод Борисович (29/10/1892-19??), родился в Полтаве. В 1916 г. закончил Отдельные гардемаринские классы. Участник Гражданской войны в ВСЮР, в марте 1920 г. произведен в лейтенанты. В Константинополе служил переводчиком при штабе Французского Оккупационного корпуса. В эмиграции во Франции с 1921 г. в Тулоне, с 1938 г. в Марселе.

Антон Павелецкий¹, лейтенант Михаил Давыдов², инженер-механик, лейтенант Александр Жуковский³, гардемарин Константин Каранфилов⁴.

Как следует из названия, группа была создана с целью организации различного рода, в том числе и финансовой, помощи офицерам-морякам и членам их семей. Данное предположение подтверждается информацией о наличии у членов кружка кассы взаимопомощи, хотя документы, указывающие об использовании денежных средств, отсутствуют.

Без сомнения, члены кружка поддерживали тесные контакты с морскими организациями в г. Марселе, о чем свидетельствуют организационные изменения, произошедшие осенью 1929 года. Морские организации этого периода укрупнялись в связи с реформой Морского союза. Именно поэтому в декабре 1929 года тулонская группа влилась в Кают-компанию в Марселе, где также был образован специальный отдел Военно-морского союза⁵. Именно в тесном сотрудничестве с марсельской морской организацией тулонский кружок

¹Павелецкий (Повелецкий) Антон Карлович (4/01/1889-10/08/1954), закончил Морской корпус в 1910 г., получил звание лейтенанта 6 апреля 1914 года. В 1918-1920 он находился в Вооруженных силах Южной России, произведен в старшие лейтенанты. В изгнании поселился во Франции. В начале 1920-х гг. жил в Антибе, где владел небольшим предприятием по разведению цветов. С начала 1930-х гг. жил в Тулоне.

²Давыдов Михаил Евграфович (24.10.1890–22.10.1963), из семьи военного (отец – генералмайор Евграф Саввич Давыдов), родился в Гатчине, закончил Морской корпус (1912), старший лейтенант Первого Балтийского флотского экипажа, участник Первой мировой войны (1914-1918). В начале Гражданской войны он сражался с большевиками в военно-морской дивизии бронированных поездов. После разоружения всех российских сил в Эстонии он отправился на юг, где служил в составе Белого флота Вооруженных Сил Юга России. Эвакуирован с флотом в Бизерту, после 1922 г. во Франции. В 1930-е гг. проживал в пансионате для военных инвалидов в г.Йер в пригороде Тулоне.

³Жуковский Александр Иосифович (1889-1972), лейтенант, инженер-механик, окончил Морское инженерное училище в 1912 году. В эмиграции во Франции, в 1920-е гг. в Марселе, работал чернорабочим в порту, подрабатывал в ресторане в качестве приглашенного музыканта, играя на скрипке; к середине 1930-х вместе с семьей переехал в Тулон, где трудился по основной специальности. Член Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища.

⁴Каранфилов Константин Григорьевич (11.05.1905-15.04.1978), сын офицера Морского ведомства. Родился в Севастополе, где окончил классическую гимназию. Учился в севастопольском Морском корпусе, с которым кадет Каранфилов эвакуировался в Бизерту. Окончил корпус в октябре 1924 года. Гардемарин. После переезда во Францию жил в Тулоне, работал электриком в компании «Электрисите де Франс». Активно занимался делами православных церквей Тулона и Сен-Рафаэля; в 1950-е годы — староста тулонского прихода. Умер в Марселе, похоронен на кладбище в г. Ла Гард вблизи Тулона.

⁵ Морские организации // Морской журнал. 1929. № 12. С. 14.

развивался в 1920-1930 годы. С момента ее основания руководителем марсельской Кают-компании был контр-адмирал Николай Сергеев¹, как старший по званию; он оставался на этом посту до 1933 года, когда его сменил уже упоминавшийся генерал-майор Александр Иванов. Одним из самых активных членов тулонской группы — капитан 1 ранга Михаил Васильевич Казимиров. Оставаясь членом офицерской группы в Тулоне, до 1934 года он также входил в состав Совета Старейшин Военно-морского союза. Кроме того, капитан 1 ранга Казимиров известен своими публикациями в Морском журнале и Зарубежном морском сборнике, которые были посвящены истории флота².

Интерес к сохранению знаний об истории и традициях русского флота поддерживался среде моряков-эмигрантов, поэтому постоянно В члены осуществляли подписку Морской организаций регулярно журнал, организовывали лектории, открытые конференции, курсы. Как и во многих других городах, где функционировали различные объединения моряков³, военные лекции были организованы и в Марселе генералом-майором флота Александром Ивановым, первая на тему «Новые способы подъема затонувших судов» состоялась 28 марта 1931 года в помещении марсельской по адресу кают-компании 55бис, де л'Аржиль⁴; на лекции приглашались все желающие, в том числе члены других военных организаций Марселя. Лекции с обсуждением устраивались один-два в месяц, среди постоянных докладчиков кроме Иванова встречаем также фамилию капитана 2 ранга, секретаря кают-компании Николая Федосеева⁵ с сообщением о

¹Сергеев Николай Николаевич (03/08/1871-1956), окончил Морской корпус (1890), генерал-майор флота. С 1917 г. в эмиграции во Франции, в Марселе, в 1940-1950-е гг жил в Ницце, где и умер. Похоронен на русском кладбище Кокад.

²Казимиров М.В. Морской музей в Париже // Морской журнал. 1935. № 4. С. 13-14; Он же. А.А. Бестужев-Марлинский (к 100-летию со дня рождения)» // Морской журнал. 1938. № 3. С. 9-12; Он же К 25-летию августовских боев 1-й Тихоокеанской эскадры // Зарубежный морской сборник. 1929. № 6. С. 9-28; Он же L-t S.Tereschetschenko La guerre navale russo-japonaise // Зарубежный морской сборник. 1931. № 13. С. 72-80.

³Сотников С.А. Русская военная эмиграция во Франции в 1920-1945 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2006. С. 173-174.

⁴Морские организации // Морской журнал. 1929. № 12. С. 14.

⁵Федосеев Николай Борисович (1891-1966), родился в Николаеве, в 1910 г. окончил Морской корпус. Участник Первой мировой войны в чине старшего лейтенанта. Командир эсминца «Жаркий». Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с 1918 г. Капитан

бое эскадренных миноносцев «Дерзкого» и «Гневного» с германо-турецким крейсером «Бреслау», Федора Вабке с докладом о царствовании императора Николай Π^1 .

Кроме того, кружковцы свято чтили памятные даты, связанные с историей русского флота. Так, например, все ноябрьские номера Морского журнала полны сообщений из самых разных уголков земли с поздравлениями в честь памятного дня основания Морского корпуса; поздравительные телеграммы тулонцев и марсельцев неизменно присутствуют на страницах журнала:

«Тулонский кружок взаимопомощи,

служивших во флоте и Морском ведомстве,

приветствует всех членов морской семьи с храмовым праздником Морского училища. Пожелания те же, что и всегда: возможно скорее всем собраться на русской земле под Андреевским флагом.

Председатель: инж.-мех. г.-м. А.Иванов Секретарь: к1р. М.Казимиров».²

Важно также отметить, что моряки в эмиграции всегда внимательно следили за судьбой своих товарищей и помнили о них: так, в феврале 1934 года группа офицеров транспорта «Рион», проживающие в Марселе и Тулоне, присутствовали на панихиде в русской церкви в Париже, отслуженной в день годовщины смерти командира «Риона» капитана 1 ранга Анатолия Городыского³.

Кроме того, нужно отметить, что, проживающие в Тулоне и Марселе члены Кают-компании были тесно связаны общими делами с членами других военных организаций, в частности, с местной группой Российского общевоинского союза. Созданный в 1924 году, союз стал одной из главной военных организаций русского зарубежья, объединив многие существовавшие уже военные кружки и группы, в

²Тулонский кружок взаимопомощи, служивших во флоте и Морском ведомстве // Морской журнал. 1929. № 11. С. 10.

² ранга. Командир транспорта «Ялта», с которым прибыл в Марсель в 1921 г. В эмиграции во Франции до 1943 г., затем в Швейцарии, с 1947 г. в Аргентине.

¹Хроника. Марсель // Часовой. 1931. № 53. С. 26.

³Морские организации. Военно-морской исторический имени адмирала Колчака кружок // Морской журнал. 1934. № 2. С. 28.

том числе армейский кружок в Тулоне, в который входили офицеры-армейцы, проживающие в Тулоне и его окрестностях.

Группа РОВС в Тулоне была создана в середине-конце 1920-х годов под руководством генерала Александра Александровича Авринского (Рисунок 12.), являясь одним из 34 региональных отделений союза¹. Со ссылкой на церковные архивы конца 1920-начала 1930-х годов, мы можем установить фамилии некоторых постоянных членов кружка, среди которых полковник Петр Вирановский², капитаны Сергей Фёдоров и Сергей Иванов, поручик от кавалерии Михаил

¹Семёнов К.К. Русская военная эмиграция во Франции в 1920-1945 гг. // Ежегодник Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына. 2011. М., 2011. С.173.

 $^{^{2}}$ Вирановский Пётр Николаевич (22/06/1872 - 30/03/1940) родился в с. Карпово Херсонской губ. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус и 1-е военное Павловское училище. В 1893 г. произведен в подпоручики с назначением в 112-й пехотный Уральский полк (07.08.1893), батальонный адъютант (10.07.1894). Переведен в Отдельный корпус пограничной стражи, корнет (27.07.1895), субалтерн-офицер Велюнской бригады (03.08.1895). Помощник заведующего учебной командой (18.07.1896), командующий Шляхетским отрядом (15.07.1897). Поручик (06.12.1897). Назначен командующим Рудникским отрядом (16.02.1900), переведен в Таурогенскую бригаду (01.05.1900), назначен командующим Шилинговским отрядом (23.06.1900). Штаб-ротмистр (06.12.1901). Назначен командиром Таурогенского отряда (27.03.1902). Назначен временно исполняющим должность обер-офицера для поручений (20.01.1905), ротмистр (06.12.1905). Обер-офицер для поручений (26.08.1906). Переведен в Скулянскую бригаду (17.05.1907). Старший адъютант штаба 5-го округа (10.04.1908). Переведен в Измаильскую бригаду (07.01.1909), командир Таможенного отряда (28.01.1910). Бригадный адъютант (18.06.1911), командир Кислицкого отряда (25.08.1911). Заведующий офицерским приютом (16.11.1915), командир 3-й сотни 4-го Заамурского конного полка (23.12.1915). Назначен в стрелковый полк Заамурской конной дивизии (15.02.1917), командир 6-го эскадрона полка (23.02.1917), исполняющий должность начальника хозяйственной части (30.03.1917). Перешел с полком границу Румынии у станции Унгени (28.04.1917). Староста полковой церкви (28.08.1917). Исполняющий должность начальника учетного отделения канцелярии по демобилизации при штабе Румынского фронта (03.11.1917). После расформирования штаба фронта уволен в запас. Подполковник (1918). Полковник. Награжден орденами Владимира 2 ст. с мечами и бантом (25.03.1918), Анны 3 ст. (29.07.1916) с мечами (22.02.1918), Анны 3 ст. (06.03.1906), Станислава 2 ст. (30.04.1915/19.12.1915), Станислава 3 ст. (28.03.1904). Королем Румынии награжден орденом Звезда Румынии с мечами степени кавалера (13.03.1918). Позднее переехал в Югославию (с 1918-1920 гг.?). Проживал в г. Дубровник. Затем переехал во Францию. Проживал в г. Тулон (Франция). С 1937 г. церковный староста православного прихода в Тулоне. За усердные труды и попечение о нуждах церкви и прихода в Тулоне в 1939 г. ему было преподано архипастырское благословение митрополита Евлогия с выдачей грамоты, которая хранится в личном архиве Бориса Георгиевича Вирановского. Скончался в Тулоне. Похоронен на кладбище Ля-Валетт вблизи Тулона.

Филиппенко 1 , подпоручик-артиллерист Владимир Жевахов 2 , лейтенант Борис Котов 3 .

Рисунок 12. Александр Александрович Авринский, генерал-майор, активный участник жизни русской православной общины в Тулоне, член приходской Ревизионной комиссии, преподаватель истории в русской школе, руководитель тулонской группы РОВС.

Первое официальное упоминание о группе в органах эмигрантской печати встречается в связи с обустройством помещения для церкви: так как средств у прихода было немного, офицеры сами провели ремонт необходимых помещений. Кроме того, тулонский кружок активно откликался на другие события, происходящие в эмигрантской среде: так, например, похищение генерала Кутепова вызвало страшное возмущение в среде группы и чины ее теснее сомкнули свои ряды. Среди членов группы с большим воодушевлением был проведен сбор в фонд на розыски генерала Кутепова⁴.

Заметную роль в культурной жизни русской диаспоры играла культурнопросветительная работа, проводимая военными в различных формах (лекции, беседы, различные празднования, юбилейные мероприятия). В 1930 году члены

¹Филиппенко Михаил Ефимович (18??-10/01/1975.), поручик. Участник Гражданской войны ВСЮР и Русской Армии, с августа 1920 служил в эскадроне 10-го уланского полка, затем в 1-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции во Франции, в Тулоне. Умер в Лионе (Франция).

²Жевахов Владимир Константинович (1900-?), подпоручик, артиллерист, участник Гражданской войны во ВСЮР и Русской Армии, в 1920 г. служил в 7-й батарее 5-го артиллерийского батальона. Эвакуирован из Крыма. Галлиполиец. В эмиграции по Франции вместе с семьей брата Константина Жевахова в Тулоне, работал водителем трамвая.

³Котов Борис Николаевич (1895-?), родился в Москве. Подпоручик. Участник Гражданской войны в Русской армии. В феврале-марте 1921 г. находился в составе 2-го стрелкового полка 3-й армии в Польше. В эмиграции в Польше, затем во Франции, в Тулоне.

⁴Армейская группа в Тулоне // Часовой. 1930. № 28. С. 27.

тулонской группы РОВС приняли участие в проведении лекций, посвященных земельному вопросу и состоянию промышленности в России, которые были организованы руководителями РОВС в различных городах французской провинции, где проживало значительное количество членов организации. Доклады были прочитаны генералом Сычовым и вызвали большое оживление в среде слушателей, направивших в адрес журнала РОВС многочисленные благодарности за то настроение, которое было создано в регионе этими лекциями¹.

Военные объединения русских эмигрантов также принимали активное участие в деятельности других русских эмигрантских организаций, в частности в работе «Русского эмигрантского комитета г. Марселя и Прованса»², созданного «для того, чтобы сплотиться для общей плодотворной работы на пользу русского национального дела»³. Практическая деятельность комитета была направлена, прежде всего, на материальную поддержку русских школ и детских садиков, организованных в регионе, обеспечение русских детей учебными материалами, книгами для чтения на русском языке, проведение детских праздников⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что общественная деятельность русских военных эмигрантов в Тулоне развивалась в сфере создания региональных отделений двух самых значительных объединений русского военного зарубежья, а именно, Русского Общевоинского союза и Военно-морского союза. Тулонские региональными кружки поддерживали тесные связи с И центральными Наиболее было представительствами данных союзов. плодотворным

¹Доклады ген. Сычова в провинции Франции // Часовой. 1930. № 29. С. 21.

²Русский Эмигрантский комитет Марселя и Прованса (РЭК) – общественное объединение русских эмигрантов на юге Франции, созданное в середине 1920-х гг. В РЭК входили русские ассоциации и кружки военных и гражданских лиц: региональное отделение РОВС, региональное отделение Морского союза, марсельское отделение Союза офицеров – участников Великой войны, марсельское отделение Союза Галлиполийцев, Общество Российского Красного Креста в Марселе, марсельское отделение Союза русских военных инвалидов, Кают-компания морских офицеров Гвардейского экипажа, марсельское отделение Русского Патриотического объединения, Общество попечения о подрастающем поколении русских эмигранто в департаменте Устье Роны. Членство в Комитете также имели председатель дирекции русского лагеря для беженцев «Виктор Гюго», представители родительского совета и председатель церковного совета храма Воскресения Христова в Марселе.

³ГА РФ. Ф. Р9145. Оп. 1. Д. 658. Л. 12.

⁴ГА РФ. Ф. Р9145. Оп. 1. Д. 658. Л. 12-12об.

сотрудничество тулонцев с военными и гражданскими общественными организациями русских эмигрантов в Марселе по проведению различных мероприятий, направленных на объединение русского офицерства в изгнании, поддержании их профессиональных знаний и воинского духа.

3.4. Историческая память о России в деятельности русских военных эмигрантов Тулона

Эмиграция, весь смысл существования которой заключался в надежде на возвращение на Родину, не могла остаться в стороне от актуальных социально-политических проблем, с которыми столкнулся мир в XX в. и от решения которых зависела судьба не в последнюю очередь и России. Следует заметить, что сам патриотизм русской эмиграции — особый политический и социально-психологический феномен. Вынужденное изгнание из России способствовало выходу данного понятия на первый план. Если до октября 1917 г. многие вообще не упоминали о патриотизме, то жизнь в эмиграции коренным образом повлияла на восприятие этого понятия. Будучи в большинстве своем искренними патриотами, находясь в изгнании, русские беженцы продолжали считать Россию своей единственной родиной, являясь убежденными сторонниками идеи, что даже долгая жизнь на чужбине не делает ее по-настоящему родной 1.

В революции многие эмигранты предпочитали видеть кризис власти, а не национального сознания, продолжая жить верой в возможность скорого возрождения России. Реальными проявлениями патриотизма являлись готовность к служению своей Родине, что доказала Гражданская война и деятельная заинтересованность в настоящем и будущем, о которой свидетельствует их забота о воспитании подрастающего поколения.

Разрыв с советской Россией не воспринимался как разлука с Отечеством, так как того Отечества, к которому они принадлежали и которому служили, в

¹Щупленков О.В. Русское самосознание в условиях эмиграции первой волны // Современные исследованиясоциальных наук. 2010. № 3(03). С. 107.

России уже не существовало. Поэтому и пребывание на чужбине рассматривалось ими не столько как эмиграция из отечества, сколько как возможность сохранить верность ему. Именно поэтому старшее поколение акцентировало свое внимание на сохранении и передаче традиционных начал ментальности подрастающему поколению. Продолжение традиций отечественного образования, воспитание молодёжи, которой предстояло вернуться в новую, возродившуюся Россию, стали смыслом их жизни на чужбине. Размышляя о будущем своих детей, капитан 1 ранга А. Длусский писал В.И. Дмитриеву: «Грустно думать, что за наши ошибки должны платить дети и у них будет отнята возможность подняться до уровня, которого они заслуживают. ... Пусть мы ответим за свои дела, но дети не причём, из них нужно сделать будущих граждан, достойных будущей свободной России. Французами они у меня не станут. <...> я верю, что им придется работать в России и туда они должны вернуться <...> для жизни, чтобы занять своё место» 1.

Именно поэтому, эмигрантское сообщество 1920-1930-х годов было объединено одной общей задачей – сохранения исторической памяти о дореволюционной России и передачи ее последующим поколениям. Как отмечает И.В. Сабенникова, «российская эмиграция породила особый культурный тип, связанный со стремлением людей сохранить представления о мире в условиях, когда этот мир уже перестал существовать как реальность и сохранялся лишь в социальной памяти, религиозных ценностях, культурных традициях, литературных произведениях, языке»². Однако в системе эмигрантского мировоззрения сохранение этих традиций не было лишь данью прошлому: историческая память являлась отправной точкой ДЛЯ настоящего И будущего «другой», небольшевистской России, которую олицетворяла эмиграция.

Особенный интерес у представителей русской эмиграции с самого начала своего пребывания за границей был связан с революцинными событиями 1917 года и последующей Гражданской войны. Это не удивительно, так как эмигранты были

¹ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 24. Л. 23-23об.

 $^{^{2}}$ Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917—1939): Сравнительно-типологическое исследование. Тверь. 2002. С. 5.

свидетелями событий во многом для них непонятных и ими не принятых. Эмигрантское сознание принялось выстраивать новый идеал развития исторического пути для России, а для этого ему приходилось активно обращаться к сюжетам прошлого.

«Русские места памяти» в Тулоне и тулонском регионе, как и во многих других, для военных эмигрантов были связаны, прежде всего, с их личным социальным и профессиональным опытом. Данный опыт касался, в первую очередь событий Первой мировой и Гражданской войн. Важно отметить, что потребность фиксации собственного опыта гражданской войны и изгнания, который альтернативного воспринимался как часть исторического сформировалась в русском зарубежье уже к концу 1920-х годов, когда стали многочисленные письменные И материальные свидетельства эмигрантов, к которым мы можем, прежде всего, отнести литературные и публицистические труды морских офицеров-эмигрантов, чьи имена связаны с русской колонией Тулона, а именно, капитанов 1 ранга А.В. Городыского и М.В. Казимирова.

Военно-морские офицеры в изгнании активно включились в процесс изучения опыта Первой мировой и Гражданской войн на страницах различных

¹«Место памяти» (фр. lieu de mémoire) — понятие, введённое французским учёным Пьером Нора в начале 80-х годов XX века. Оно воплощает в себе единство духовного и материального, которое со временем и по воле людей стало символическим элементом наследия национальной памяти общности. Места, в которых, по мнению Пьера Нора, воплощена национальная память, — это памятники (культуры и природы), праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, прощальные, погребальные речи, похвальные слова. Главная функция мест памяти — сохранять память группы людей. Местами памяти могут стать люди, события, предметы, здания, книги, песни или географические точки, которые «окружены символической аурой». Их главная роль — символическая. Они призваны создавать представления общества о самом себе и своей истории. Важной характеристикой мест памяти является то, что они могут нести разные значения и что это значение может меняться. Источниками для изучения мест памяти являются тексты, картины и предметы, которые дают информацию об определённом событии, человеке или идее. Источниками могут стать, например, памятники исторической мысли, газетные статьи об открытии памятников, политические доклады, прочитанные на исторических юбилеях, живопись на исторические сюжеты, предметы повседневной жизни.

специализированных журналов¹. В сложных социально-экономических условиях, ставших уделом широких эмигрантских кругов, именно периодика оказалась

¹В царской России каждый вид вооруженных сил и основные рода войск имели свои периодические издания. Особенно разнообразны они были во флоте. Собственно, начало военной печати в России и было положено изданием «Морских записок, или Собрания всякого рода касающихся вообще до мореплавания сочинений и переводов» (СПб., 1800–1807 гг.). На смену пришли «Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности» (СПб., 1807–1827 гг.). С 1828 г. морская тематика освещалась в «Записках Ученого комитета морского штаба», а в 1848 г. Морской ученый комитет стал издавать «Морской сборник», который выходит и поныне, являясь журналом ВМФ России. Существовали и другие журналы по военно-морской тематике: «Известия по минному делу» (СПб., 1886–1916 гг.), «Записки по гидрографии» (СПб., 1887–1917 гг.), «Вестник общества морских инженеров» (СПб., 1898–1915 гг.), ежегодный сборник «Известия по подводному плаванию» (Либава, 1907–1916 гг.). Таким образом, можно заключить, что флотская печать имела самую богатую историю и разностороннюю специализацию, а морские офицеры являлись не только самой читающей публикой, но многие из них были и авторами своих изданий, журналистами. В эмиграции русские моряки издательскую деятельность возродили очень оперативно. Первая попытка была предпринята уже в Бизерте (французская база в Тунисе), где базировалась русская эскадра. Здесь в период с 1921 по 1924 гг. выходил журнал «Морской сборник». Ежемесячно с января по апрель 1922 г. издавался также «Журнал кружка Морского училища». Выпускались военно-морские издания и в других центрах русской эмиграции. Так, в Чехословакии в г. Брно с 1925 по 1927 г. издавался ежемесячный морской журнал «Звено». Он выходил в одном экземпляре, передавался из рук в руки. В 1928–1942 гг. в Чехословакии был организован выпуск «Зарубежного морского сборника», публиковавшего исторические статьи о прошлом русского флота, очерки о русских мореплавателях, материалы по различным отраслям морского дела. В Париже корабельные гардемарины Н. Цветков и А. Покотилов с ноября 1927 по апрель 1928 г. выпустили два номера журнала «Сигнал». Там же в 1934 г. 7-й Военно-морской очаг союза младоросов издал один номер журнала «Норд-Ост 23». Издание «Записок Военноморского исторического кружка». было поставлено было организовано более серьезно. Этот журнал выходил в Париже с апреля 1931 по апрель 1937 г. Редактором издания выступал старший лейтенант М.О. фон Кубе, автор ряда статей об эпопее Дунайской речной флотилии в первую мировую войну. Всего вышло восемь выпусков. Позднее, а именно в 1930-1940 гг., появились издания русских военно-морских журналов в США. Первым стал «Вахтенный журнал», который выпускался морским издательством при Кают-компании в Сан-Франциско с января 1938 по декабрь 1939 г. За этот период редакция во главе с Ю.М. Горденевым, бывшим офицером российского флота, подготовила и выпустила девять номеров журнала. Там же с 15 апреля 1952 г. начали издаваться «Бюллетени Общества офицеров Российского императорского флота». Выпускались они до конца 60-х годов (известен №114 от 25 декабря 1967 г.). Здесь публиковались статьи о жизни российских морских офицеров в США, деятельности их Общества, списки и фотографии флотских офицеров которые оказались за рубежом, сообщалось об их судьбе. В Нью-Йорке выходил журнал «Морские записки». Его издавало Общество бывших русских морских офицеров в Америке. Долгие годы неизменным редактором «Морских записок» являлся барон Г.Н. Таубе, бывший старший лейтенант флота, автор исторического исследования «Описания действий гвардейского экипажа на суше и на море в войну 1914-1917 гг.», отрывки из которого печатались в «Морских записках». Журнал публиковал статьи об участии русского флота в минувших войнах, о военном кораблестроении, дальних плаваниях, а также воспоминания бывших офицеров российского флота, очерки и сообщения об их жизни за рубежом. Кроме журнальных публикаций необходимо упомянуть также и книжное наследие русской военноморской эмиграции. «Морской Журнал», издававшийся в Праге и редактировавшийся

наиболее привлекательной для издателей и читателей: во-первых, она не требовала больших финансовых затрат, во-вторых, оперативно реагировала на важнейшие события, в-третьих, удовлетворяла разнообразные политические и культурные запросы. Важно также отметить тот факт, что пристрастие к периодике, особенно журнальной, было одной из характерных черт дореволюционной русской жизни как в образованном обществе в целом, так и в военной среде.

Капитан 1 ранга Анатолий Городыский стал инициатором создания различных общественых организаций, способстоваших сохранени памяти об истории России и русского флота. Как бывший старший офицер линейного корабля «Императрица Мария», Городыский проводил ежегодные встречи, объединившие проживавших в Париже офицеров-сослуживцев. Ежегодно в день гибели «Императрицы Марии» он собирал их на панихиду по погибшим во время катастрофы, после которой проходили дружеские беседы. На одной из таких встреч 23 сентября 1927 г. в ресторане «Рюрик» А.В. Городыский предложил создать «такой центр, где сосредотачивались бы воспоминания о жизни нашего флота, хранилась бы память о наших товарищах — жертвах войны и смуты, поддерживались бы дух и традиции прошлого, не забывалось бы родное морское дело» 2.

Предложение нашло поддержку, и 23 октября 1927 г. группа офицеров линейного корабля «Императрица Мария» объявила об образовании Военноморского исторического кружка (ВМИК). В число его «учредителей-создателей»

лейтенантом М.С. Стахевичем с 1930 года, завел регистрацию всех книг, написанных офицерами Российского Флота на морские темы, сведя их в «Русскую Зарубежную Морскую Библиотеку». Выходили книги в самых разнообразных странах, городах и издательствах, но все были объединены одним признаком — принадлежностью автора к морской семье. Почти всегда, с 1930 года, авторы или издатели запрашивали у М.С. Стахевича заранее о своем номере, который и проставлялся на книге. Всего библиотека насчитывает 80 томов, из которых 8 тематически связаны с событиями Первой мировой войны.

¹Деятельность Военно-Морского Исторического Кружка // Записки Военно-Морского Исторического имени адмирала Колчака Кружка. Сан-Франциско. 1937. № 7. С. 40-41; Толочко А.В. О деятельности Военно-морского исторического кружка в 1927-1930-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия История. 2013. № 3(23). С. 20-26.

²Кубе М.О. Памяти Анатолия Вячеславовича Городыского // Морской Журнал (Прага). 1933. № 62(2). Приложение. С. 12.

помимо капитана первого ранга Городыского вошли контр-адмирал князь В.В. Трубецкой, капитан второго ранга Б.А. Щербачев, старшие лейтенанты М.О. Кубе, Н.В. Маляревский и лейтенанты А.А. Григоренко, В.Н. Казаков, Б.Н. Степанов 9. 9 февраля 1930 г. решением общего собрания в связи с десятилетием со дня смерти адмирала Колчака кружку было присвоено его имя, и официально он стал называться Военно-морским историческим имени адмирала Колчака кружком 3.

Изначально кружок ставил перед собой задачи сбора и хранения исторических документов по истории флота периода Первой мировой и Гражданской войн, а также сохранения военно-морских знаний⁴. Именно поэтому руководство кружка обратилось к морским офицерам и руководителям морских организаций с просьбой посодействовать в сохранении памяти о русском флоте и любезно предоставить в бюро ВМИКа для снятия копий любые записи, дневники, воспоминания, описание событий и походов, в которых принимали участие, рисунки или фотографии судов, на которых плавали, сведения о сослуживцах⁵. Кроме того, на заседаниях ВМИКа делалось большое количество докладов и сообщений, охватывавших самый широкий спектр проблем стратегического и тактического характера⁶.

Эмигрантский «Морской журнал» в 1929 г. писал, что «собрания Военноморского исторического кружка в Париже, несомненно, отвечают назревшим потребностям и посещаемость их все более и более увеличивается... Пополняется библиотека, поступает значительное количество фотографий, из которых состоят альбомы, иллюстрирующие жизнь и боевую деятельность Русского флота» 7.

¹Многие офицеры участвовали в работе нескольких общественных объединений. Так, например, старший лейтенант Н.В. Маляревский помимо активного участия в деятельности Военно-морского исторического кружка им. А.В. Колчака, в 1920-1930-е гг. входил в состав Кружка помощи бывшим офицерам броненосца «Императрица Мария», впоследствии он являлся членом Ревизионной комиссии Морского собрания в Париже (BDIC). Fonds Savelieff Serguey. Foyer des Anciens officiers de la Marine russe, années 1950-1970. F Res 917 (6) (18)).

²Военно-Морской Исторический Кружок // Морской Журнал. 1928а. № 5. С. 18.

³Военно-Морской Исторический Кружок // Морской Журнал. 1930а. № 27(3). С. 18-19.

⁴Военно-Морской Исторический Кружок // Морской Журнал. 1928б. № 3. С. 12.

⁵Военно-Морской Исторический Кружок // Морской Журнал. 1928б. № 3. С. 12-13.

⁶Всего за 1927–1936 гг. было прослушано 93 доклада и сообщения.

⁷Морские организации // Морской журнал. 1929. № 4. С. 17.

Собирая документы организовывая выступления докладчиков, И руководители кружка справедливо полагали, что «мы должны думать главным образом о практическом использовании их, то есть делать выводы из всего, что нам дали минувшие войны»¹. Именно поэтому, было принято решение о создании собственного печатного органа: журнала «Записки ВМИК», первый номер которого вышел в свет в 1929 г. Редактировал его старший лейтенант М.О. фон Кубе², автор ряда статей об эпопее Дунайской речной флотилии в Первую мировую войну. Всего вышло восемь выпусков. Первые номера «Записок... » издавали в Париже, два последних в Сан-Франциско в издательстве при Кают-компании Морских офицеров. Общий тираж составлял несколько десятков экземпляров, а стоимость – 5 франков³. Содержание публикаций журнала было хорошо структурировано: доклады по истории русского флота, статьи о событиях Первой мировой войны и выводы из её уроков, тактический отдел (решение практических задач), освещение деятельности ВМИКа. Авторами статей были офицерыэмигранты, участники Первой мировой и Гражданской войн.

Осуществляя общее руководство деятельностью кружка, капитан А.В. Городыский неоднократно выступал на его заседаниях с докладами и был автором многочисленных публикаций. Война 1914-1918 гг. стала конфликтом, сломавшим существовавшие нормы и правила ведения боевых действий, решавшим при этом не только исход конкретного боя, но судьбы целых государств, стоявших за сражающимися флотами. Данный аспект восприятия и описания войны ярко иллюстрируется в его публикации о судовой артиллерии в ходе знаменитого

¹От редакции // Записки Военно-Морского Исторического Кружка. 1929. № 1. С. 1.

²Фон Кубе Максимилиан Оскарович (1885-1955). Окончил Морской корпус в 1907 г. Лейтенант Дунайской речной флотилии. Во ВСЮР и Русской армии. К лету 1921 г. – в Константинополе, член Союза морских офицеров. В эмиграции проживал во Франции. С 1928 г. секретарь Военно-морского исторического кружка, редактор журнала «Записки Военно-морского исторического кружка». Умер в г.Дорштадт, Германия. Известный морской писатель, автор книг «С полуночи случаи», «На голубом Дунае», «Дела давно минувших дней», «Краткий очерк истории русского флота».

³Следует отметить, что для всех членов ВМИКа рассылка была абсолютно бесплатной. Выставляя «Записки…» на продажу, руководство кружка стремилось покрыть свои текущие расходы, но также сделать публикации достоянием более широких кругов русской военной эмиграции.

Ютландского морского сражения: «....во-первых, потому что это самое большое артиллерийское сражение в последнюю войну, а во-вторых, потому что в этом бою решались судьбы человечества. Тринадцать лет, отделяющих нас от него, нисколько не уменьшили жгучего интереса к этой боевой трагедии...»¹. Увлеченный и вдумчивый анализ Ютландского боя, позволили А.В. Городыскому, считавшемуся одним из выдающихся артиллеристов своего времени², сделать интереснейшее заключение: развитие и успехи артиллерийского дела поставили рамки для столь важного и неотъемлемого в морском деле аспекта как маневрирование судов: техника маневрирования проиграла технике поражения, так как движение судов в ходе боя теперь определялось возможностями вести прицельную артиллерийскую стрельбу.

Свое собственное место в кругу морских писателей-эмигрантов занимает Михаил Васильевич Казимиров, для которого изгнание, как и для многих других русских моряков, стало началом литературной и общественной «службы», целью которой было сохранение традиций и памяти о российском императорском флоте.

Еще проживая в Югославии, Михаил Васильевич присоединился к парижской Кают-компании, из которой он вышел в начале 1932 г. и вступил в Морское собрание. Однако, первые литературные труды каперанга Казимирова относятся еще к 1920 годам, когда были опубликованы его статьи в «Морском сборнике», издававшемся в 1921-1923 гг. на Русской эскадре в тунисском городе Бизерта, где после эвакуации оказались корабли бывшего Черноморского флота.

В пятом выпуске читаем его статью о роли и значении морских сил в годы белой борьбы в Сибири. В предисловии автор скромно отмечает, что «...в настоящие дни еще не время писать историю и подводить итоги сложным историческим процессам и потрясениям, свидетелями и участниками коих мы являемся, но остановиться на некоторых фактических данных, дающих общее

¹Городыский А.В. Судовая артиллерия в современном морском бою // Записки Военно-Морского Исторического Кружка. 1931. № 2. С. 1.

²См.: Глава I.

представлении о происходивших событиях, можно и даже должно уже сейчас» 1. Не претендуя, по собственному признанию, на исчерпывающий анализ произошедших событий, Михаил Васильевич в общих чертах обрисовывает ход организации Морского центра в Сибири и излагает сущность проведенных им мероприятий, вызванных потребностями гражданской войны. Главной целью для написания своей статьи Казимиров считает необходимость «транслировать» идею создания специальной организации для объединения и поддержки русских моряков для дальнейшего воссоздания боевого флота в освобожденной России².

Капитан 1 ранга Казимиров также принимал деятельное участие в работе Военно-морского исторического кружка им. А.В. Колчака. Так, например, весной 1935 г. в военно-морских кругах широко обсуждалась записка Михаила Васильевича, дополнившая доклад А.А. Гефтера, об исследованиях текстов показаний адмирала А.В. Колчака перед следственной комиссией. В частности, Казимиров придерживался мнения, что существовало три экземпляра стенографической записи, на основании которых были изданы тексты «Красного архива» и «Архива революции»³. При содействии М.С. Стахевича, Михаил Васильевич также участвовал в издании показаний адмирала, опубликованных в Америке.

После переезда в Тулон, Михаил Васильевич вышел из Совета Старейшин Военно-морского союза, став, однако, одним из самых заметных членов тулонской группы морских офицеров, где Михаил Васильевич отвечал за организацию подписки на «Морской журнал», а также за внешние связи группы⁴. Кроме того, капитан 1 ранга Казимиров известен своими собственными сочинениями, печатавшимися в Морском журнале и Зарубежном морском сборнике, которые демонстрировали его широкий кругозор и интерес не только к событиям прошлого,

 $^{^{1}}$ Казимиров М.В. Морской центр в Сибири в 1918-1919 гг. // Бизертинский морской сборник / сост. В.В. Лобыцын. М., 2003. С. 154.

²Там же.

³Военно-морской исторический имени адмирала Колчака кружок. 68 заседание. 26 мая 1935 г. // Морской журнал. 1935. № 6. С. 17-18.

⁴От Совета Старейшин ВОМО // Морской журнал. 1935. № 5. С. 92.

но и настоящего: например, воспоминания о событиях русско-японской войны $1904 - 1905 \, \text{гг.}^1$, статья о «Морском музее в Париже»², а также публикация о литературном юбилее писателя А.А. Бестужева-Марлинского (к 100-летию со дня рождения)³.

Вклад военно-морской эмиграции в развитие военно-морской науки сложно переоценить. Широкая исследовательская и издательская деятельность морских офицеров представила доказательства очень высокого военно-научного уровня в дореволюционной России, который в течение 1920-1930 гг. был глубоко проанализирован и переосмыслен самой военно-морской эмиграцией.

Написанные в эмиграции, в очень сложных экономических, социальнобытовых условиях, лишенные родной профессиональной и культурной среды, без распространяемые в профессионалов, узком кругу «изгнанников», тексты, созданные русскими моряками, это не воспоминания о минувшем, а профессиональные, точные, авторские советы, обращенные к будущим поколениям русских моряков. Именно этим профессиональным, но личностно-ориентированным началом, позволяющим проанализировать исторические события глазами свидетелей и участников, сочинения писателейэмигрантов могут быть привлекательным, с нашей точки зрения, для современного исследователя истории русского императорского флота начала XX века, периода Первой мировой и Гражданской войн.

Как отметила Л.П. Муромцева, историко-культурная деятельность руских эмигрантов не ограничивалась преподавательской и просветительской работой, но также созданием частных и общественных музеев, организацией выставок, сохранением культурных ценностей, вывезенных из России⁴. Уже в первые годы

¹Казимиров М.В. К 25-летию августовских боев 1-й Тихоокеанской эскадры // Зарубежный морской сборник. 1929. № 6. С. 9-28.

²Казимиров М.В. Морской музей в Париже // Морской журнал. 1935. № 4. С. 13-14.

 $^{^{3}}$ Казимиров М.В. А.А. Бестужев-Марлинский (к 100-летию со дня рождения)» // Морской журнал. 1938. № 3. С. 9-12.

⁴Муромцева Л.П. Историко-культурная деятельность русской эмиграции во Франции в 1920-1930-е гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 1. С. 92.

изгнания русские эмигранты создали частные и общественные музеи, архивы и библиотеки, в которых собирались памятники искусства и культуры, документальные материалы, отражающие как историю дореволюционной России, так и различные аспекты эмигрантской жизни.

Данный компонент историко-культурной деятельности русских военных эмигрантов 1920-1930-х гг. нашел своё выражение в героизации Белого дела, включавшей коллекционирование реликвий и архивов эпохи Первой мировой и Гражданской войн¹. Так, например, члены группы Военно-морского союза собрали в своей кают-компании в Марселе живописные полотна с изображениями сражений парусного флота, морских битв времен Первой мировой войны, а также портреты российских императоров и знаменитых адмиралов, предметы корабельной обстановки².

Обстановка квартир военных эмигрантов по мере возможности также напоминала о прежней жизни: фотографии, иконы, портреты императоров и военачальников. Эмигранты стремились сохранить любые предметы, связанные с родиной. В своем письме-рапорте в штаб Русской эскадры капитан 1 ранга А. Городысский сообщал, что покидая транспорт «Рион», «священник о.Павел Вороновский, взял с собой священные предметы церкви. Судовой образ Смоленской Божией матери и кормовой транспортный флаг хранятся у меня» 3. По устным свидетельствам потомков русских эмигрантов, впоследствии, названный флаг хранился в семье генерала-майора Беркалова: в конце 1930-х годов Беркаловы

¹Богатырёва Л.В., Базанов П.Н. Русская эмиграция о Гражданской войне 1917-1922 годов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. 1. С. 23-31; Муромцева Л.П. Первая мировая война в памяти российской эмиграции // Россия и современный мир. 2014. №4 (85). С.155-165; Она же. Память о событиях Первой мировой войны // Первая мировая война - пролог XX века. Материалы международной научной конференции. Москва, ИВИ РАН - МГУ им. М.В. Ломоносова - МГПУ, 8 - 10 сентября 2014 г. Часть II / Отв. ред Е.Ю. Сергеев. М., 2015. С. 269–276; Она же. Деятельность эмиграции по сбережению реликвий Первой мировой войны // Историк-марксист. Альманах. М., 2014. С. 75; Она же. Деятельность российской эмиграции по сбережению реликвий Первой мировой и Гражданской войн // История Гражданской войны в России 1917-1922 гг. ЦМВС РФ. М., 2016. С. 318–325.

²Кают-компания в Марселе (от редакции) // Часовой. 1932. № 72. С. 27.

³ГА РФ. Ф. Р5903. Оп. 1. Д. 81. Л. 82.

открыли в тулонском пригороде Ла Фарлед небольшой русский ресторан, в интерьере которого посетили могли видеть флаг с военного транспорта «Рион»¹.

Кроме того, военные эмигранты, проживавшие в Тулоне, будучи сами участниками военных событий 1914-1918 гг., свято чтили память о русских солдатах и офицерах, погибших в годы Великой войны: они ухаживали за могилами русских воинов, похороненных на кладбищах в Ла Сейн-сюр-Мер и Сен-Мандрие, ставшие для них своего рода «местами памяти» о покинутой родине. Как уже упоминалось в главе 1 настоящего исследования, в годы Первой мировой войны в Ла Сейн располагался русский госпиталь. Могилы 31 солдата и офицера Русского Экспедиционного корпуса находятся на специальном участке сейнского городского муниципального кладбища: «Квадрат 11. Русско-французский военный мемориал». Мемориал был создан в 1922 году по инициативе городских властей и при участии регионального отделения французской Ассоциации комбаттантов Великой войны. Все русские могилы были украшены уникальными литыми крестами в виде шпаги (так называемые, «русские кресты») и табличками с гравировкой «Mort pour la France» («Погиб за Францию»). Кладбище сильно пострадало от бомбардировок в годы Второй мировой войны, однако, «русский угол» сохранился. В 1999 г. была проведена реконструкция данного участка кладбища, обветшавшие могильные памятники прошлого века были заменены новыми, современными и типовыми (Рисунок 13.)².

¹Entretien avec M.Youry Klimoff. le 17 mai 2013. Toulon.

²Domange Y. Les croix-épées dites russes des monuments aux morts des communes du canton de Reignier//https://www:la-salevienne.org, consulté le 5 décembre 2017.

Рисунок 13. Русский военный некрополь, г. Ла Сейн-сюр-Мер, 2016 г.¹

Некрополь в Ла Сейн не единственный в регионе, где были похоронены русские военные, участники Первой мировой войны. Русские могилы присутствуют также и на кладбище центрального военно-морского госпиталя в Сен-Мандрие. Здесь, на линии «G» покоятся останки 18 русских воинов, павших за Францию: 17 солдат Русского Экспедиционного корпуса и 1 морской офицер².

Представители тулонской общины хорошо знали о местонахождении данных объектов русской воинской славы и памяти, о чем свидетельствуют соответствующие архивные документы. Согласно выписке из протокола заседаний Церковного совета русской церкви Вознесения в Тулоне от 13 мая 1937 г., прихожане заботились об организации ежегодной панихиды на русском военном кладбище в Ла Сейн: «Отслужить в воскресение 16 мая в 4 с половиной часа. Сбор у церкви, выше пристани...»³.

К сожалению, в Тулоне никаких музейных объектов, связанных с русскими эмигрантами, создано не было. Однако, память о русской общине сохраняется в наши дни, прежде всего, благодаря Русской православной ассоциации при храме Воскресения. Настоящее помещение, жилой дом с садом, приспособленный для

 $^{^{1}}$ Фото из личного архива автора.

²Автор благодарит Жана-Франсуа Пельярда за возможность ознакомиться с рукописью его исследования об истории захоронений эпохи Первой мировой войны на кладбище военноморского госпиталя Сен-Мандрие: Pelliyard J.-F., Extraits militaires russes des archives de l'hôpital de Saint-Mandrier. Tapuscrit. Toulon. 2005.

³AP de l'Eglise. Procès-verbaux des réunions du Conseil de l'administration. 1937.

проведения церковных служб, по адресу ул. Сентраль, 97 в Тулоне было куплено у города в конце 1960-х годов. Как уже отмечалось выше, в иконостасе современного храма находятся две иконы, написанные в 1930-е годы для первой русской церкви в Тулоне. Кроме того, сохранилась библиотека примерно в 300 томов, собранная в конце 1920-х годов русскими эмигрантами; в основном, это издания русской классики конца XIX – начала XX века.

Отдельный интерес представляют приходские архивы церкви Воскресения. Данный документальный комплекс насчитывает около 200 страниц архивных источников на русском языке, классификация и инвентарная опись фондов отсутствуют. При изучении данной архивной коллекции были выявлены и зафиксированы следующие виды документов¹:

- инвентарная опись церковной утвари (1 ед.)
- информационный листок «Приходские новости» (5 ед.)
- исповедальная книга (1 ед.)
- клировая ведомость (3 ед.)
- метрическая книга (2 ед.)
- обыскная книга, для вступающих в брак (1 ед.)
- переписка священнослужителей (2 ед.)
- подписной лист на восстановление ризницы (1 ед.)
- послужной список старосты П.Вирановского (1 ед.)
- приходская книга (3 ед.)
- протоколы собрания Церковного совета (2 тетради)
- список книг приходской библиотеки (1 шт.)

Несмотря на отсутствие системного подхода к хранению и классификации архивных документов, административный совет современной ассоциации проводит большую работу по сохранению памяти о русском православии в Тулоне, истории храма и его основателях. В 2018 году, к 90-летию открытия тулонской

¹AP de l'Eglise. Ensemble des archives paroissiales. Non côtées, non datées. 1928-1938.

церкви, ассоциация опубликовала небольшую брошюру, посвященную истории русской православной общины.

Помимо тулонской церкви Воскресения, русские военные эмигранты построили в регионе Вар ещё одну православную церковь — храм Святого Архангела Рафаила в г. Сен-Рафаэль. Настоящая церковь была построена в 1961 году по плану Николая Цветкова, архитектора и морского офицера, благодаря личным усилиям тулонского протоиерея Михаила Трухина, и пожертвованиям русской общины. Она была освящена 11 ноября 1961 года, долгое время обязанности диакона в ней исполнял один из активных членов тулонской православной общины бывший гардемарин Констанин Каранфилов¹. В настоящее время часовня Святого Архангела Рафаила, как и тулонский храм Воскресения входят в Архиепископию Православных русских церквей в Западной Европе и являются известными местами культа в южной Франции.

Память о русских военных эмигрантах первой волны сохраняется также благодаря их потомкам, многие из которых ведут большую общественную работу. В настоящее время в Тулоне проживают представители семей Бабоченко, Громовых, Евфимиевых, Запольских, Звягинцевых, Климовых, Куцевых. Многие их них принимают активное участие в жизни церковной общины (Жорж Запольский на протяжении последних 20 лет исполняет обязанности приходского старосты), организации благотворительных акций и культурный мероприятий (Жорж Климов организовывает традиционные салоны, приуроченные к празднику музыки 21 июня).

Отдельно необходимо отметить деятельность ассоциации «Amitiés Russes de Provence» («Друзья России в Провансе»), которая ведет большую работу по сохранению памяти о русских эмигрантах, по популяризации знаний о России и русской культуре. Ассоциация была создана в 1993 году, когда отмечался 100-летний юбилей прибытия русской эскадры под командованием адмирала Ф.Авеллана в Тулон. Бессменным руководителем ассоциации и главным

¹Entretien avec Georges Zapolsky. le 13 novembre 2012. Toulon.

организатором всех её мероприятий является Филипп Куцев, потомок русского эмигранта. Его отец, Андрей Куцев поселился в Тулоне в 1936 году. Врачофтальмолог, он бесплатно лечил своих русских пациентов и принимал активное участие в жизни православной общины. Филипп Андреевич с детства интересуется историей и на протяжении 40 лет собирает документы, связанные с русской эмиграцией¹. В рамках деятельности руководимой им ассоциации «Друзья России в Провансе», он проводит конференции, лектории, устраивает выставки, посвященные памятным датам русской военной истории и эмиграции².

Подводя итог, следует отметить, что историко-культурная деятельность по сохранению и распространению памятия о России занимала важное место в общественной жизни русских военных эмигрантов Тулона. Несмотря на небольшой количественный состав членов общины, они не только включились в социально-экономическую жизнь города, продемонстрировав отличные профессиональные качества, но также оставили о себе духовную память, художественное, литературное и публицистическое наследие.

Подводя итоги настоящей главы, можно сделать следующие выводы. Вопервых, особую роль в духовной жизни русских эмигрантов Тулона имела православная церковь Воскресения Христова. Православный приход был основан в 1928 году при непосредственном участии членов военных объединений. Жизнь приходской общины была организована по принципам, практикуемым в дореволюционной России: наличие института старост, Совета попечителей и Ревизионной комиссии, избираемых для решения основных проблем церковной жизни. В послевоенный период, по инициативе членов прихода в тулонском регионе был основан еще один православный храм; обе церкви являются действующими в наши дни.

¹Крест над Европой. О жизни и творчестве Марины Петровны Романовой-Голицыной//www.amities-russes-de-provence.com/expositions, доступ 20/01/2019.

²Подробная информация на официальном сайте ассоциации: www.amities-russes-de-/provence.com/expositions.

Во-вторых, православный храм в Тулоне занимал важное место не только в религиозной, но также культурной и повседневной жизни русских эмигрантов. При приходе функционировали библиотека, школа для детей, молодежная организация скаутов, театральная труппа, хор, медицинская амбулатория.

В-третьих, русские военные эмигранты Тулона объединились в две профессиональные офицерские организации, деятельность которых была направлена на поддержание профессионального уровня офицеров, сохранение знаний об истории русской армии и флота. Данные объединения являлись частью институциональной системы русских воинских организаций во Франции.

В-четвертых, русские военные эмигранты проводили мемориальные Первой событиями мероприятия, связанные c мировой войны, также способствовавшие сохранению и распространению памяти о России. В настоящее время, данная работа продолжается в рамках деятельности общественного объединения потомков русских эмигрантов в Тулоне.

Таким образом, можно заключить, что русская военная эмиграция в Тулоне в 1920-1930-е гг. осуществляла достаточно разнообразную культурнообразовательную деятельность, которая включала различные просветительские, воспитательные, художественные, мемориальные мероприятия, способствующие сохранению родного языка, ментальности, широкого круга национальных и воинских традиций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема формирования и развития русских эмигрантских общин в 1920 – 1930-х гг. во Франции изучалась отечественными и зарубежными историками в отношении многих регионов, среди которых особо следует отметить Париж и

Ниццу. В диссертационной работе исследован процесс формирования и развития общины русских военных эмигрантов в Тулоне, причиной создания которой стали коренные изменения политического и идеологического характера в России. Русские эмигранты, прибывшие в Тулон в 1921 году, должны были построить новое сообщество в соответствии с условиями интеграционной политики, установленной принимающим обществом.

В исследовании было доказано, что изучаемые события разворачивались на фоне сложнейшего и постоянно меняющегося политического контекста, что приводило к неожиданным и неоднозначным последствиям, о чем красноречиво свидетельствует финал истории проекта русской эмиграции в Бразилию в 1921 году, приведший к созданию русской общины в Тулоне. «Случайная эмиграция», однако, не может считаться случайной в вопросе выбора место проживания, так как исторические связи русского флота и двустороннее сотрудничество с военноморской базой в Тулоне были плодотворными и динамичными на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. о чем, безусловно, было известно офицерам, прибывшим в город в 1921 году.

Условия прибытия русских эмигрантов в Тулон регистрируются в очень длинной цепочке политических и дипломатических событий, которые не всегда отвечали интересам эмигрантов. Город-порт, который в начале маршрута считался лишь одним из стояночных пунктов, стал постоянным местом проживания для большинства русских беженцев, прибывших в августе 1921 года на борту транспортного судна «Рион». Аналитический подход к изучению событий, связанных с прибытием в Тулон русских эмигрантов, позволил констатировать, что городская и военная администрация не отличались самостоятельным решением вопроса об их разрешении на проживание. Политическая обстановка потребовала вмешательства структур на уровне Министерства иностранных дел.

Пресса – зеркало происходящих событий, чей язык также помог определить взгляды тулонского общества на «русскую проблему». Анализ местных печатных изданий позволил представить коллективный портрет русского эмигранта,

прибывшего в Тулон в 1921 г.: принадлежность к высшим классам общества, отсутствие средств к существованию, психологическая подавленность, желание найти работу для улучшения собственной финансовой ситуации. Следует также отметить, осторожность и подозрительность, которая прослеживалась в настроениях французской общественности, в связи с опасениями, что среди прибывших могут скрываться большевики.

Во Франции основными центрами русской военной эмиграции в 1920-1945 гг. являлись крупнейшие города — Париж, Лион, Марсель, Бордо и другие промышленные центры¹. Важно отметить, что географическое положение Тулона, портового города, в котором многие видели исключительно транзитный пункт назначения, безусловно, повлияло на количественный и социальный состав русской колонии. По сравнению с другими центрами русской эмиграции во Франции, тулонская община представляется очень малочисленной. Тем не менее, следует отметить, что парижская колония имела свои исторические корни, город привлекал своими богатыми возможностями в профессиональной сфере; русское население Лиона было занято в сфере текстильной промышленности, а в Бийанкуре русские эмигранты работали на заводах «Рено». В указанных примерах прослеживается наличие устойчивой связи между трудовой интеграцией и местом проживания эмигрантов.

При изучении формирования русской общины в Тулоне в межвоенной период, был определен ее количественный состав, сделаны наблюдения о его изменениях и определено, что он стабилизировался к концу 1920-х годов. Таким образом, было доказано, что в изучаемый период Тулон стал одним из центров русской военной эмиграции во Франции. Важность этого открытия заключается в том, что русская колония в Тулоне не имела исторической основы до Революции 1917 года, несмотря на давние исторические связи с Россией и сотрудничество в военно-морской сфере.

 $^{^{1}}$ Сотников С.А. Российская военно-политическая эмиграция во Франции. 1920–1945 гг. М., 2017. С 54.

Изученная источниковая база исследования, а также использованные в работе справочные издания, позволили реконструировать отдельные этапы биографий представителей русской колонии в Тулоне; сделать определенные выводы о переездах беженцов из числа военных и причинах их прибытия в Тулон; установить наличие внутренних коммуникационных связей в составе данной группы эмигрантов с целью обмена информацией и взаимопомощи. Также интересными представляются выводы о гендерной составляющей русской колонии в Тулоне, которые свидельствуют об уверенном перевесе мужского населения. Данная статистика приводит к новому важному исследовательскому вопросу о количестве браков, заключенных в эмиграции, как внутрикоммунитарных, так и смешанных.

В результате исследования удалось не только определить общее число членов русской общины, проанализировать ее состав в зависимости от пола, возраста, числа семей с детьми, но также изучить вопрос о административном статусе русских эмигрантов. В работе показано, что процесс правовой интеграции русских эмигрантов растянулся на весь изучаемый период и имел определенные особенности. Только разработка и внедрение в юридическую практику термина «беженец» заняли больше десяти лет. Процедура административной регистрации и учёта контигента беженцев включала различные типы документов международного и национального образца. Отличительной чертой данного процесса стало включение в систему юридической интеграции русских эмигрантов дипломатических структур Российской Империи, вошедших в сферу деятельности Офиса по делам русских беженцев и апатридов.

Подобная юридическая практика имела определенные последствия. Прежде всего, она способствовала активному сохранению во Франции русского общества закрытого типа с его традиционными представлениями о русской жизни, ее культуре, что особенно ярко проявилось в рамках российской военной диаспоры. Активный процесс приобретения французских документов изучаемой группы эмигрантов относится к концу 1920-х годов, когда большинство членов русской

общины получило официальный вид на жительство. Кроме того, в связи с установлением дипломатических отношений между Францией и Советской Россией, становится ясно, что возвращение на родину, на которое так надеялись русские в эмиграции, невозможно.

Изучение географии районов проживания русских военных эмигрантов в Тулоне основано на полицейских отчетах и данных переписей населения. Адреса русских Тулона отражали их материальную ситуацию: эмигранты селились в отдаленных от центра города периферийных сельских районах и пригородах. Также, следует констатировать отсутствие стабильных связей между трудовой деятельностью эмигрантов и географией проживания в городе. Таким образом, было доказано, что расселение русских в городе не способствовало созданию русского квартала.

Трудовая интеграция русских эмигрантов в Тулоне вписывалась в общенациональный экономический и политический контекст. Так, например, многие офицеры-моряки обладали всеми необходимыми знаниями и навыками для работы в Арсенале и хотели бы в эмиграции быть занятыми в сфере деятельности, имеющей отношение к флоту, но поступление на такую службу было невозможным для иностранцев и политических беженцев. В исследовании был определен список наиболее востребованные профессии русских в Тулоне: разнорабочий, водитель трамвая, маляр, плотник, электрик. Делается вывод о том, что русские военные эмигранты были заняты на низкоквалифицированных физических работах, хотя речь идет о бывших офицерах Военно-морского флота и Императорской армии, имеющих солидную специализированную подготовку.

Одной из основных характеристик феномена русской эмиграции в целом, и русской военной эмиграции во Франции, в частности, являлось культурно-образовательное движение, которое интенсивно развивалось в течение всего изучаемого периода, характеризовалось развитой институциональной структурой и разнообразными формами проявления.

офицеры изгнании Русские создали В разветвленную систему общественных и политических организаций. Русские военные эмигранты, проживавшие в Тулоне, активно участвовали в данном общественном процессе. Анализ эмигрантских военных периодических изданий показывает, что в 1920 -1930 годах в Тулоне существовало два общественных военных объединения, чья деятельность была включена в сотрудничество с широкой сетью подобных общественных структур, прежде всего, взаимодействие с И, военными эмигрантскими кругами в Марселе. Военные клубы организовывали мероприятия профессиональной направленности (лекции, чтения, дебаты), участвовали в повседневной жизни бывших офицеров и их семей, предлагая соответствующую помощь.

Главным направлением культурно-образовательной деятельности русских военных эмигрантов было сохранение и передача исторической памяти, языковых и культурных традиций молодому поколению. В Тулоне была образована и успешно работала приходская школа для детей в возрасте от 5 до 17 лет. Кроме того, необходимость дать подрастающему поколению полноценное образование стала одной из самых важных забот русских эмигрантов. Представители молодого поколения русских беженцев Тулона проходили обучение как в частных, так и в государственных образовательных школах и пансионах, демонстрируя при этом солидные успехи в освоении учебных программ. Следует также отметить, что французское законодательство в области просвещения не ограничивало доступ детей из эмигрантских семей во французские образовательные учреждения. Понастоящему сдерживающим фактором в возможности получить школьное образование для семей многих русских беженцев являлась финансовая сторона вопроса.

В исследовании было установлено, что в Тулоне вся культурнообразовательная деятельность велась при православном храме Воскресения, основанном в 1928 году. Она в значительной степени воспроизводила, соответствующие элементы русского дореволюционного общества: лекторий, библиотека, театр, хор, оркестр народных инструментов, благотворительные и мемориальные акции. Значение данной деятельности состоит в том, что она давала культурную «пищу» сообществу образованных людей, вынужденных жить вдали от родины и заниматься тяжелым физическим трудом. Регулярные совместные культурно-образовательные проекты русских военных эмигрантов в Тулоне способствовала консолидации офицеров в условиях изгнания.

Таким образом, делается вывод, что в 1920-1930-е гг. православный приход стал не только центром религиозной и культурной жизни, но и основой формирования общинных связей среди русских эмигрантов Тулона, разделенных профессиональными обязанностями и местами проживания в городе. В рамках деятельности прихода русские беженцы создали особую социокультурную среду, связанную с желанием людей сохранить мировоззрение и образ жизни, которых больше не существовало в реальности, и которые сохранялось исключительно в социальной памяти, религиозных ценностях, культурных традициях и языке. Сохраняемая эмигрантами русская национальная идентичность превратилась в мощный ресурс социальной общности. Прежде всего, она определяла потребность в самобытности и обеспечивала принадлежность к конкретной социальной группе.

Специфика жизни и деятельности русской военной эмигрантской колонии в Тулоне в 1920 – 1930-е гг. как общества закрытого типа, адаптировавшегося в новых условиях, сделали ее положение весьма особенным, определив ее институциональную основу и специфику развития. Однако в результате адаптационных и интеграционных социально-экономических процессов 1920–1930-х гг. значительная часть российских военных беженцев в Тулоне интегрировалась в среду проживания, сохраняя при этом устойчивые внутриобщинные связи, основанные на реализации общих социально-культурных практик, а также контакты с региональными организационными центрами русского зарубежья Франции.

СПИСОК ТАБЛИЦ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1. Список в	военных суд	ов российского	о флота, постро	енных на ве	рфях в Ла
Сейн-сюр-Мер	c	1857	году	В	1905
ΓΓ					47-48
Таблица 2. Военные	е корабли ро	оссийского фло	та в Тулоне, 19	08-1916 гг	49-50

Таблица 3. Использование «Риона» французской военно-морской базой в
Константинополе, ноябрь-декабрь 1920 года
Таблица 4. Статистическая информация о количественном составе русской
общины в Тулоне, Йере и Ля Сейн-сюр-Мер в 1921, 1926-1939
годах
Таблица 5. Половозрастной состав членов русской диаспоры, 1921, 1926 и 1932
годы
Таблица 6. Статистика работающих и безработных русских эмигрантов в Тулоне,
1932-1939 гг
Таблица 7. Статистика профессий русских эмигрантов в Тулоне, 1932-1933
тт
Таблица 8. Статистика временных видов на жительство выданных русским
беженцам, г. Тулон, 1927-1939 годы
Таблица 9. Адреса проживания русских эмигрантов в Тулоне, данные 1921,
1923,1926 годов
ИЛЛЮСТРАЦИИ
Рисунок 1. Спуск парохода "Кириналь" в Ла Сейн 26 апреля 1857 года45
Рисунок 2. Военный транспорт «Рион», 1920 г 68
Рисунок 3. Трамвай в Тулоне, бульвар Страсбург, 1920-е гг
Рисунок 4. Имение «Пелиерано», Калабро-Ла Валетт, 1920 гг 111
Рисунок 5. Логотип производственной фермы «Фезандери де ля Капель», которая
принадлежит Андре Завадия, потомку русских эмигрантов в 3-м поколении, сыну
Наташи Бабоченко
Рисунок 6. Кварталы Тулона с компактным проживанием русских эмигрантов в
1920-1930-х годах
Рисунок 7. Интерьер первой русской церкви в Тулоне, 1930-е гг138
Рисунок 8. Русские эмигранты в Тулоне, 1930-е гг

Рисунок 8. Художник Ростислас Лукин, автор иконостаса церкви Воскр	есения і
Тулоне. Икона «Спас Вседержитель», 1930-е гг., Тулон	144
Рисунок 10. Община русских скаутов, Фабрегас, Тулон, 1930-е гг	155
Рисунок 11. Русский оркестр балалаечников, 1930-е гг., Тулон	150
Рисунок 12. Александр Александрович Авринский	167
Рисунок 13. Русский военный некрополь, г.Ла-Сейн-сюр-Мер, 2016 г	181

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ: ИСТОЧНИКИ:

Архивные материалы:

<u>Государственный архив Российской Федерации</u> Фонд Р5903. Военно-морской агент во Франции. Париж. Опись1.

- Д.23. Доклады капитана Дмитриева, Руденского и Струмило о Финляндии, военностратегическом положении Финляндии и русско-финляндских финансово-экономических взаимоотношениях, мурманском побережье.
- Д.81. Переписка с Российским консульством в Марселе о реквизиции французским правительством русских судов, об отправке команд реквизированных судов в Россию на территорию, занятую белыми войсками, и по другим вопросам.
- Д.122. Письма военно-морского агента в Турции и русских эмигрантов морских офицеров о состоянии русского флота, выведенного белыми из Крыма, о восстановлении флота в Советской России, о материальном положении русских эмигрантов за границей и оказании помощи.
- Д.139. Переписка с военными и морскими агентами в разных странах, отчеты морского агента в Марселе и письма русских эмигрантов чинов военно-морского флота об оказании материальной помощи.
- Д.435. Докладные записки, переписка с командующим русской эскадрой о положении русского флота, выведенного из Севастополя в Бизерту, о передаче флота французскому правительству, о положении отряда русских моряков.
- Д.473. Письма морских офицеров о настроениях, отношении к гражданской войне в России, о подыскании работы, о розыске родных и знакомых, материальном положении
- Д.483. Переписка с русским консульством в Марселе о выдаче денежных пособий русским эмигрантам офицерам и матросам флота, получении виз и др.
- Д.496. Письма чинов русского морского флота по вопросам оказания денежной помощи, устройства на работу и по другим вопросам.
- Д.497. Письма ст. лейтенанта В. Маслова и других русских эмигрантов офицеров и матросов флота, проживающих в Марселе /Франция/ об оказании материальной помощи.
- Д.499. Рапорты и письма русских эмигрантов чинов флота об оказании материальной помощи и др.

Д.503. Рапорты и письма русских эмигрантов — чинов флота об оказании материальной помощи и другим вопросам.

Д.504. Рапорты и письма русских эмигрантов — чинов флота об оказании материальной помощи, розыске родных и знакомых и др.

Д.527. Письма ст. лейтенанта В. Маслова и других русских эмигрантов — офицеров и матросов флота, проживающих в Марселе /Франция/ об оказании материальной помощи.

Д.543. Письма, заявления и обращения русских эмигрантских организаций и русских эмигрантов – офицеров флота об оказании материальной помощи.

Д.551б. Письма и заявления русских эмигрантов — чинов военно-морского флота и членов их семей об оказании материальной помощи и др.

Д.556. Письма русских эмигрантов – офицеров флота об оказании материальной помощи.

Опись 2

Д.143. Переписка с Морским Генеральным Штабом в Петрограде, с французскими фирмами и с командиром транспорта «Рион» о перевозке русских военных грузов на пароходах «Рио-Бланко» и «Ромней» и оказании материальной помощи команде парохода «Рион». На русск. и фр. яз.

Фонд Р5916. Особое совещание по оказанию помощи чинам флота и их семьям. Опись 1.

Д.1. Протоколы заседаний Комиссии по организации помощи чинам флота и их семействам и Особого совещания по оказанию помощи чинам флота и их семьям. Д.24. Письма русских эмигрантов капитану 1 ранга Дмитриеву.

Фонд Р5970. Григорович Иван Константинович, адмирал, морской министр (1911-1917 гг.), член Государственного Совета (с 1913 г.).

Опись 1.

Д.49. Письма Казимирова М.

Фонд Р6425. Совет по расселению русских беженцев. Константинополь.

Опись 1.

Д.7. Доклады Гаярина Ф.И. о положении эмигрантов в Бразилии и об отправке эмигрантов с о. Корсика в Константинополь

Фонд Р9112. Управление Российским торговым флотом. Париж.

Опись1.

Д.5. Переписка с Российским посольством в Париже, начальником Русской морской базы в Константинополе, Союзом русских судовладельцев и другими организациями о выплате выходного пособия в связи с ликвидацией управления, о продаже пароходов, перевозке грузов и по другим вопросам.

Фонд Р9145. Коллекция отдельных документов эмигрантских организаций.

Опись 1.

Д.480. Объявление Французского комитета по обучению детей русских беженцев в Константинополе об открытии пансионата для русских детей при колледже Св. Георгия. На французским языке.

Д.658. Обращение Русского эмигрантского комитета г. Марселя и Прованса к белоэмигрантам о сплочении вокруг комитета.

Фонд Р6666. Кедров Михаил Александрович, вице-адмирал, представитель русского флота при британском адмирале Джелико (1914-1915 гг.), командир дредноута «Гангут» (1915-1916 гг.), начальник Минной дивиии Балтийского флота (1916-1917 гг.), командующий Черноморским флотом (1919-1920 гг.)

Опись 1.

Д.3. Письма белоэмигранта Ермакова.

Российский государственный архив Военно-морского флота

Фонд 432. Морское училище. Документы воспитанников. Аттестационные тетради.

Опись 2.

Д. 583. Давыдов Михаил Евграфович.

Д.714. Жевахов Константин Константинович.

Д.880. Казимиров Михаил Васильевич.

Опись 3.

Д.45. Гассовский Георгий Николаевич.

Опись 5

Д. 8214. Казимиров Михаил Васильевич.

Д. 8385. Повелецкий Антон Карлович.

Д. 8564. Миткевич Александр Константинович.

Опись 6.

Д.27. Трасковский Николай Иванович.

Опись 7.

Д. 538. Вавилов Борис Николаевич.

Д. 809. Гассовский Георгий Николаевич.

Д. 2237. Маляревский Николай Владимирович.

Фонд 434. Морское инженерное училище. Личные дела воспитанников.

Опись 2.

Д.710. Зубков Иван Тимофеевич.

Д.719. Иванов Александр Кириллович.

Российский государственный военно-исторический архив

Фонд 348.

Опись1.

Д.70. О производстве экзаменов в 1911–1912 гг. и выпуске офицеров. Александровская военно-юридическая академия.

Archives départementales du Var

Série M. Sous-série 4

Carton 99. Statistiques concernant les étrangers. 1920-1948.

Carton 100. Statistiques concernant les étrangers. 1920-1948.

Carton 101. Statistiques concernant les étrangers. 1920-1948.

Carton 102. Statistiques concernant les étrangers. 1920-1948.

Carton 103. Statistiques concernant les étrangers. 1920-1948.

Carton 104. Statistiques concernant les étrangers. 1920-1948.

Carton 105. Statistiques concernant les étrangers. 1920-1948.

Carton 130. Artisans et commerçants étrangers. 1933-1943.

Carton 131. Artisans et commerçants étrangers. 1933-1943

Carton 132. Artisans et commerçants étrangers. 1933-1943

Série S. Sous-série 5

Carton 159. Société des Tramways de Toulon, ligne Toulon-La Garde-Hyères

Série Z

Carton 57. Rapports et statistiques policies. 1922-1939.

Carton 58. Rapports et statistiques policies. 1922-1939.

Archives départementales des Bouches-du-Rhône

Série M. Sous-série 1

Carton 916-918. Etrangers. Service de renseignements.

Série M. Sous-série 4

Carton 964. Correspondance du Préfet.

Série F. Sous-série 200

Carton 1579. Renseignements sur les bâtiments russes sur la rade de Marseille, 1919-1922.

Archives municipales de Toulon

Délibération du Conseil municipal du 23 octobre 1893

Délibération du conseil municipal du 25 septembre 1901.

Série 8. Sous-série 1

Cartons 4-15bis. Recensements de population. 1921-1946.

Série JII. Sous-série 1

Cartons 5-6. Rapports et renseignements policiers, 1921-1940.

Archives du Service Historique de la Défense de Toulon

Série 1A. Sous-série 1

Carton 125. Correspondance Préfet Maritime. 1780.

Série 2A. Sous-série 1

Carton 1825. Correspondance. Ministre de la Marine. État-major général. 1914.

Série 2A. Sous-série 4

Carton 11. Correspondance de la Préfecture Maritime. 1921.

Carton 12. Correspondance de la Préfecture Maritime. 1922.

Série 2A. Sous-série 6

Carton 273-274. Correspondance du Préfet Maritime. 1908-1916.

Série C. Sous-série 56

Carton 61-62. Escadre de la Méditerranée Occidentale et du Levant.

Carton 65. Escadre de la Méditerranée Occidentale et du Levant.

Série C. Sous-série 57

Cartons 10-11. Division Navale de Syrie.

Série C. Sous-série 58

Cartons 12-13. Marine Constantinople.

Cartons 17-18. Marine Constantinople.

Série D1. Sous-série 2

Carton 99. Correspondance. Préfet Maritime de Toulon.1914.

Série 2D. Sous-série 2

Carton 71. Port de Toulon. Ordres Préfectoraux. 1921.

Carton 75. Port de Toulon. Ordres Préfectoraux. 1921.

Série 2D. Sous-série 4

Carton 21. Port de Toulon. Ordres de la Majorité Générale. 1921.

Série 2D. Sous-série 10

Carton 21. Correspondance. Major Général. 1910.

Service historique de la Défense Vincennes

Série 1 BB. Sous-série 2

Carton 139. Correspondance cabinet du Ministre de la Marine. 1921.

Carton 140. Correspondance cabinet du Ministre de la Marine. 1921.

Archives de la Chambre de Commerce et d'Industries Marseille

Série L

Journaux de campagnes d'Odessa, d'Affon, de Jérusalem.

Notes de presse. 1919-1922.

Archives de l'Office français pour les réfugiés et les apatrides

Dossiers de demande de naturalisation des réfugiés russes. Non-côtées. 1936-1939.

Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine

F/DELTA/RES/0917///

Chemises 1-10. Fonds Savelieff Serguey. Foyer des Anciens officiers de la Marine russe, années 1950-1970.

Archives paroissiales de l'Eglise de la Résurrection de Toulon

Documents sur la fondation de la paroisse.

Métriques de naissance.

Procès-verbaux des réunions du Conseil de l'Eglise. 1932, 1935, 1937.

Livres de confession.

Registres paroissiaux. 1931-1937.

Données des Comités d'inspection.

Gazettes de clergés. 1935, 1938.

Inventaires des biens de la paroisse. 1928-1938.

Livres d'enquête pour les mariés. 1933.

Enregistrements des responsables de paroisse.

Публикации документов, сборники:

Archives de la Société des Amis du Vieux Toulon

Lycée de Toulon. Distribution solennelle des Prix.

Lycée de Toulon. Extraits de règlement. Conditions d'admission.

Lycée de Toulon. Composition des trousses.

Décret du 28 novembre 1938 portant règlement d'administration publique pour l'application de la loi du 11 juillet 1938 sur l'organisation de la nation pour le temps// [Ressource électronique] https://www.legifrance.gouv.fr/affichtexte.do, consulté le 01/10/2018.

Documents diplomatiques. L'alliance franco-russe: Origines de l'alliance, 1890-1893, Convention militaire, 1892-1899 et Convention navale 1912. – Paris, Imprimerie nationale, 1918. – 462 p.

Периодика:

Бизертинский морской сборник (1921-1923) / сост. и науч. ред. В.В. Лобыцын. – М.: Согласие, 2003. - 560 с.

Морской журнал. – Прага, 1928-1942.

Часовой. – Париж, 1928-1939.

Вестник Ривьеры. – Ницца, 1927-1930.

Записки Военно-Морского Исторического имени адмирала Колчака Кружка. – Сан-Франциско, 1937.

Зарубежный морской сборник. – Прага, 1928-1942.

Je dis tout. – Toulon, 1921-1939.

Journal de Roubaix. – Paris, 1912.

La Jeune Corse. – Ajaccio, 1909-1943.

Le Petit Var. – Toulon, 1917-1939.

Иконы

Icône de la Sainte Vierge Marie. – Par R. Loukine. – Eglise de la Ressurrection. Toulon. – fin des années 1920.

Icône du Saint-Sauveur. – Par R. Loukine. – Eglise de la Ressurrection. – Toulon. Fin des années 1920.

Фотографии

Фотографии из личного архива автора (Тулон, Ла Сейн-сюр-Мер, Сен-Мандрие), 2014-2017 гг.

Photographies des archives familiales de Philippe Koutseff. – les années 1930.

Кинодокументы

Крест над Европой. О жизни и творчестве Марины Петровны Романовой-Голицыной//www.amities-russes-de-provence.com/expositions.

Интервью, устные мемуары:

Entretien avec M. Georges Zapolsky. Le 6 novembre 2012. Toulon.

Entretien avec Mme Natasha Babotchenko. Le 29 avril 2015.

Entretien avec Mme Tatiana Evfimieff. Le 27 avril 2015.

Entretien avec M. Youry Klimoff. Le 17 mai 2013. Toulon.

Entretien avec M. Philippe Koutseff. Le 26 mai 2013. Toulon.

Интернет-ресурсы

Пароход-крейсер«Смоленск».

http://www.retroflot.com/dobrovoljnyj flot/parohodkrejser smolensk.html.

Православные храмы// http://bonjourazur.ru/showplaces/pravoslavnye-khramy.php.

Ассоциация «Друзья России в Провансе: www.amities-russes-de-/provence.com/expositions.

Участники Белого движения в России: https://погибшие.pф/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-vojny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/.

Список офицерских чинов русского Императорского флота царствования Николая II: http://www.petergen.com/publ/omsn206.shtml.

Офицеры русской Императорской армии: www.ria1914.info.

ЛИТЕРАТУРА:

Монографии, статьи.

- 1. Абданк-Коссовский, А. Русские офицеры и изгнании / А. Абданк-Коссовский // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 90-96.
- 2. Адамович, Г.В. Вклад русской эмиграции в мировую культуру / Г.В. Адамович. Париж, 1961. 21 с.
- 3. Алпеев, О. Е., Козлов, Д.Ю. Зарождение коалиционной стратегии в военном планировании стран Антанты перед Первой мировой войной / О.Е. Алпеев, Д.Ю.

- Козлов // Великая война: сто лет / под ред. М.Ю. Мягкова, К.А. Пахалюка. М.,Спб.: Нестор-Иллюзия, 2014. С. 23-38.
- 4. Андерс, А. Взаимоотношения России и Франции: довоенный период / А. Андерс // Кто должник?: сборник документированных статей по вопросу об отношениях между Россией и Францией и другими странами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции / под общ. ред. А.Г. Шляпникова. М.: Авиоизд-во, 1926. С. 65-77.
- Антошин, А.В., Антошин, В.А. Педагогическая деятельность русских морских офицеров в Тунисе в 1920-е годы / А.В. Антошин, В.А. Антошин // Дискуссия. – 2015. № 7(59). – С. 108-115.
- 6. Антошин, А.В., Антошин, В.А. Организация учебного процесса в кадетском корпусе в условиях эмиграции (Египет, 1920-е годы) // А.В. Антошин, В.А. Антошин. Дискуссия. 2017. № 7(81). С. 72-78.
- 7. Апрелев, Б. О «Гебене» в Великую войну 1914-1918 гг. / Б. Апрелев // Зарубежный морской сборник. 1930. № 9. С. 38-43.
- 8. Базанов, П.Н. Издательская деятельность левых эсеров и берлинское издательство «Скифы» / П.Н. Базанов // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2005. № 3. С. 141-146.
- 9. Базанов, П.Н. Издательская деятельность политических организаций русского зарубежья на примере «Русского трудового христианского движения» / П.Н. Базанов // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2006. № 1. С. 123-131.
- 10. Базанов, П.Н. Издательская деятельность левых пореволюционных организаций русской эмиграции / П.Н. Базанов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 1(6). 70-79.
- 11. Баркова, О.Н. К вопросу о численности, гендерном и социальном составе русской эмиграции во Франции в 1920-1930-е гг. / О.Н. Баркова // Клио. -2013. -№ 2. C. 55-59.
- 12. Бегидов, А.М. Военное образование в зарубежной России / А.М. Бегидов. М.:

- ИВИ РАН, 2001. 330 с.
- 13. Белов, В.М. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность (Материалы для будущего историка) / В.М. Белов. Ревель, Пг.: Гос. изд. 1922. 125 с.
- 14. Белов, В.М. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. Опыт. исследования психологии, настроений и бытовых условий эмиграции в наше время / В.М. Белов.
 Ревель, Пг.: Гос. изд. 1923. 148 с.
- 15. Бовыкин, В.И. Из истории возникновения Первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912-1914 гг. / В.И. Бовыкин. М.: Изд-во Московского университета, 1961. 208 с.
- 16. Богатырёва, Л.В., Базанов, П.Н. Русская эмиграция о Гражданской войне 1917-1922 годов / Богатырева Л.В., П.Н. Базанов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. № 1. С. 23-31.
- 17. Бойко, Ю.В. О влиянии смешанных браков на процессы социальной адаптации россиян во Франции в 1920-е годов / Ю.В. Бойко // История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX веках: Сборник статей / Отв. ред. Ю.Поляков. М.: Ин-т Российской истории РАН, 1996. С. 105-114.
- 18. Бойко, Ю.В. Переписи населения Франции как источник по истории социальной адаптации российских эмигрантов / Ю.В. Бойко // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв. / под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М.: ИРИ РАН, 1997. С.135-147.
- 19. Бочарова, З.С. Документы о правовом положении русской эмиграции 1920-30-х гг. и источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX XX вв.: сб. ст./ З.С. Бочарова //под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 63-70.
- 20. Бочарова, З.С. Деятельность Лиги Наций по урегулированию статуса беженцев/ З.С. Бочарова // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб.: Сударыня, 2006. С.10-25.
- 21. Бочарова, З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов. Том 2/ З.С. Бочарова // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах / под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч.

- Касаева. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. 408 с.
- 22. Бочарова, З.С. Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920-1930-е годы / З.С. Бочарова // Россия и современный мир. -2017. -№ 2(95). -С. 161-176.
- 23. Брюханов, А.И., Гаврилов, М.К., Филатов, Н.А. Страница истории, ждущая своих исследователей / А.И. Брюханов, М.К. Гаврилов, Н.А. Филатов // Вопросы истории. —1961. № 2. С. 209-212.
- 24. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов: Научная книга, 2007. 526 с.
- 25. Владимиров, Л. Возвратите их на Родину. Жизнь врангелевцев в Галлиполи и Болгарии / Л. Владимиров. М.: Красная новь, 1924. 54 с.
- 26. Волков, С.В. Трагедия русского офицерства / С.В. Волков. М.: Центрполиграф, 2002. 509 с.
- 27. Волков, С.В. Энциклопедия Гражданской войны / С.В. Волков. М., Олма-Пресс, 2002. 672 с.
- 28. Волков, С.В. Русская военная эмиграция / С.В. Волков. М.: Пашков дом, 2008. 548 с.
- 29. Волошина, В.Ю. Роль комуникативных связей в социальной адаптации научного социума зарубежья в 1920-1930-е гг. / В.Ю. Волошина // Вестник ОмГУ. 2011. № 1. С. 68-75.
- 30. Генкина Э.Б. Из истории борьбы партии за укрепление идеологического фронта / Э.Б. Генкина // Вопросы истории. 1949. № 1. С. 16-38.
- 31. Голдин, В.И. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX-XXI веках / В.И. Голдин Архангельск: СОЛТИ, 2006. 796 с.
- 32. Голдин, В.И. Армия в изгнании: страницы истории Российского Общевоинского Союза / В.И. Голдин. Архангельск, Мурманск, Солти, 2002. 299 с.
- 33. Голиков, Д.Л. Крах вражеского подполья (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России. 1917-1925 гг.) / Д.Л. Голиков. М. Политиздат, 1975. 703 с.
- 34. Гравицкий, Ю.К. Военная эмиграция в Болгарии / Ю.К. Гравицкий // Военная

- мысль и революция. 1923. № 3. С. 92-109.
- 35. Гребенкин, А.Н. Физические занятия и спорт в жизни воспитанников кадетских корпусов Российской империи и Русского Зарубежья / А.Н. Гребенкин // Вестник БГУ. 2015. № 2. С. 136-140.
- 36. Гусефф, К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920—1939 годы) / К. Гусефф. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- 37. Даватц, В.Х. Годы. Очерки пятилетней борьбы / В.Х. Даватц. Белград: Рус.тип., 1926. 237 с.
- 38. Еременко, Л.И. Русская эмиграция как социально-культурное явление / Л.И. Еременко // Обновление культуры: проблемы и перспективы. М.: Изд-во РАУ, 1993. С. 74–90.
- 39. Ершов, В.Ф. Адаптация российской военной эмиграции в странах размещения в 1920-е годы / В.Ф. Ершов // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX вв. М.: Изд. Центр ИРИ, 1996. С. 199-209.
- 40. Ершов, В.Ф., Свириденко Ю.П. Мир российского военного зарубежья в 1920-1945 гг. / В.Ф. Ершов, Ю.П. Свириденко // Россия: идеи и люди. Сборник научных трудов. Вып. 4. М.: Гос. ак. Сферы быта и услуг, 1999. С. 3-43.
- 41. Ершов, В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918-1945 / В.Ф. Ершов. Москва, МГУ Сервиса, 2000. 294 с.
- 42. Зайончковский, А.М. Франко-русские отношения до войны 1914 года / А.М. Зайончковский // Кто должник?: сборник документированных статей по вопросу об отношениях между Россией и Францией и другими странами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции / под общей ред. А.Г. Шляпникова. М.: Авиоизд-во, 1926. С.11-50.
- 43. Зеньковский, В.В. Русские мыслители и Европа / В.В. Зеньковский. Париж: Ymca Press, 1955.-282 с.
- 44. Ильин, И.А. Родина и мы / И.А. Ильин. Белград: Главное правление Общества Галлиполийцев, 1926. 18 с.
- 45. Ипполитов, С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс / С.С.

- Ипполитов. Москва, Изд-во Ипполитова, 2004. 376 с.
- 46. Ипполитов, С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. / С.С. Ипполитов, В.М. Недбаевский, Ю.И. Руденцова. – М.: Спас: РГУ, 1999. – 206 с.
- 47. История российского зарубежья. Сборник статей ИРИ РАН. М.: ИРИ РАН, 1996. 192 с.
- 48. Казимиров М.В. О необходимости единения морских офицеров // Бизертинский морской сборник (1921-1923) / М.В. Казимиров / сост. и науч. ред. В.В. Лобыцын. М.: Согласие, 2003. С. 154-167.
- 49. Камнева, Г.П., Сотников, С.А. Историко-культурные проекты в системе воспитания детей и юношества российской эмиграции в XX веке / Г.П. Камнева, С.А. Сотников // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 40-45.
- 50. Карпенко, С.В., Ипполитов С.С., Пивовар Е.И. Российская эмиграция в Константинополе в начале 20-х годов. (Численность, материальное положение, репатриация)/ С.В. Карпенко, С.С. Ипполитов, Е.И. Пивовар // Отечественная история. − 1993. − № 5. − С. 75-85.
- 51. Квакин, А.В. Общее и особенное в положении российской диаспоры первой волны / А.В. Квакин. Тверь: Изд-во ТвГУ, 1992. 42 с.
- 52. Керенский, А.Ф. Издалека. Сб. статей. 1920–1921 гг. / А.Ф. Керенский. Париж: Русское книгоизд-во Я. Поволоцкого и К., 1922. 251 с.
- 53. Климович, Л.В. Праздники российской эмиграции как отражение исторического кода дореволюционной России (1920-1930-е гг.) / Л.В. Климович // Научный диалог. 2017. № 11. С. 356-368.
- 54. Ковалевский, П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970) / П.Е. Ковалевский. Париж, Librairie des cinq continents, 1971. 347 с.
- 55. Ковалевский, П.Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск / П.Е. Ковалевский. Париж, Librairie des cinq continents, 1973. 147 с.

- 56. Комин, В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом: Учебное пособие / В.В. Комин. Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1977. 121 с.
- 57. Коротков, И.С. Разгром Врангеля / И.С. Коротков. M.: Воениздат, 1948. 263 с.
- 58. Костиков, В.В. Не будем проклинать изгнанье... Пути и судьбы русской эмиграции/ В.В. Костиков. М.: Международные отношения, 1990. 462 с.
- 59. Кривошеева, Е.Г. Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны (1936-1945 гг.) / Е.Г Кривошеева. М.: Изд-во МАДИ(ГУ), 2001. 164 с.
- 60. Кудрявцев, Р. Белогвардейцы за границей / Р. Кудрявцев, М.: Партиздат, 1923. 54 с.
- 61. Кудряшова, С.К. Российская эмиграция «первой волны»: социокультурные, педагогические и социально-психологические факторы национального воспитания детей и подростков / С.К. Кудряшова // Научный журнал КубГАУ. 2012. № 82(08). С. 1-14.
- 62. Кудряшова, С.К. Особенности национального воспитания детей и подростков в условиях эмиграции «первой волны» / С.К. Кудряшова // Инновации в науке. 2012. –№ 11-2. С. 29–33.
- 63. Кудряшова, С.К., Дерюга, В.Е. Национальные праздники как источник сохранения русской культуры в условиях эмиграции / С.К. Кудряшова, В.Е. Дерюга // Инновации в науке. 2012. № 12-2. С. 24-28.
- 64. Кузнецов, Н.И. Русский флот на чужбине /Н.И. Кузнецов. М.: Вече, 2009. 464 с.
- 65. Кузнецов, Н.А., Емелин, А.Ю. Деятельность русского военно-морского агента во Франции В.И.Дмитриева в годы Первой мировой и Гражданской войн / Н.А.Кузнецов, А.Ю.Емелин // Франция-Россия 1914-1918 гг.: от альянса к сотрудничеству. Материалы франко-российского коллоквиума. М.: РОССПЭП, 2015. С. 145-154.
- 66. Культурная миссия российского зарубежья: История и современность / отв.ред. Шулепова Э.А. – М.: Изд-во Рос. ин-та культурологи, 1999. – 197 с.

- 67. Лагодзинская, Ю.С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев / Ю.С. Лагодзинская // Вопросы российского и международного права. 2012. №3-4. С. 132-144.
- 68. Лаптун, В.И. Русская православная церковь в образовательном пространстве российской эмиграции: 20-30-е гг. ХХ в. / В.И. Лаптун // Интеграция образования. -2009. № 1. C. 21-23.
- 69. Локоть, Т.В. Завоевания революции и идеология русского монархизма / Т.В. Локоть. Берлин, Двуглавый орел, 1921. 24 с.
- 70. Лычковская, Н.В. Особенности и основные черты педагогики русской эмиграции первой волны / Н.В. Лычковская // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2010. Вып. 3(18). С. 104–113.
- 71. Мамай Н. Коммунистическая партия в борьбе за идейно-политическое воспитание масс в первые годы НЭПа / Н. Мамай. М.: Госполитиздат, 1954. 136 с.
- 72. Манфред, А.З. Образование русско-французского союза / А.З. Манфред. М.: Наука, 1975. 324 с.
- 73. Менегальдо Е. Русские в Париже, 1919-1939 / Е. Менегальдо. М.: Кстати, 2001. 248 с.
- 74. Милюков, П.Н. Эмиграция на перепутье / П.Н. Милюков. Париж: Изд. респ.демокр. обр-я, 1926.-137 с.
- 75. Милюков, П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры; Т.2. Антибольшевистское движение / П.Н. Милюков. Париж: Б. и., 1927. / П.Н. Милюков. 400 с.
- 76. Мир в XX веке / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.:, Наука, 2001. 487 с.
- 77. Митрохин, В.А. Отечественная историография российской эмиграции «первой волны» (1920-е середина 1980-х гг.) / В.А. Митрохин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т.10. №4. С. 1235-1242.
- 78. Митрохин, В.А. Современная отечественная историография российской эмиграции «первой волны» (1990-е начало 2000-х гг.) / В.А. Митрохин // Известия

- Саратовского университета. -2005.- Т. 5. Серия История. Право. Международные отношения. вып. 1/2.- С. 93-102.
- 79. Михайлов, Е.А. Белогвардейцы поджигатели войны. / Е.А. Михайлов. М.: Партиздат, 1932. 64 с.
- 80. Мосейко, А.Н. Культура повседневности российской эмиграции и её место в культурном разнообразии мира / А.Н. Мосейко // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 152-162.
- 81. Муромцева, Л.П. Военно-исторические музеи российской эмиграции во Франции / Л.П. Муромцева // И.С.Шмелев и писатели литературного зарубежья. XIX Крымские международные Шмелевские чтения 15-19 сентября 2010 г. "Антиква" Алушта, 2011. С. 436–444.
- 82. Муромцева, Л.П. Историко-культурная деятельность русской эмиграции во Франции в 1920-1930-е гг. / Л.П. Муромцева // Вестник Московского универистета. Серия. 8: История. 2012. № 1. С. 92-107.
- 83. Муромцева, Л.П. Типология русских эмигрантских музеев / Л.П. Муромцева // Вопросы музеологии. 2013. N 1(7). C. 49-59.
- 84. Муромцева, Л.П. Праздники и памятные даты в жизни российской эмиграции / Л.П. Муромцева // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2013. N_2 6. С. 92-115.
- 85. Муромцева, Л.П. Военные музеи и музейные коллекции русской эмиграции / Л.П. Муромцева // Вопросы музеологии. 2014. № 2(10). С. 50-63.
- 86. Муромцева, Л.П. Деятельность эмиграции по сбережению реликвий Первой мировой войны / Л.П. Муромцева // Историк-марксист. Альманах. Москва. 2014. С. 75–78.
- 87. Муромцева, Л.П. Историко-мемориальная деятельность российской военной эмиграции / Л.П. Муромцева // Исторические записки Вып.15(133). Москва, 2014. С. 341–357.
- 88. Муромцева, Л.П. Первая мировая война в памяти российской эмиграции / Л.П. Муромцева // Россия и современный мир. 2014. № 4. С. 155-165.

- 89. Муромцева, Л.П. Военно-патриотические традиции в жизни российской эмиграции / Л.П. Муромцева // Войны и военные конфликты в истории России: к 70-летию великой победы. Материалы XIX Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 21-22 мая 2015 г. Российский университет дружбы народов Москва, 2015. С. 251–262.
- 90. Муромцева, Л.П. Память о событиях Первой мировой войны / Л.П. Муромцева // Первая мировая война пролог XX века. Материалы международной научной конференции. Москва, ИВИ РАН МГУ им. М.В. Ломоносова МГПУ, 8-10 сентября 2014 г. Часть II / Отв. ред Е.Ю. Сергеев. Москва: ИВИ РАН, 2015. С. 269–276.
- 91. Муромцева, Л.П. Деятельность российской эмиграции по сбережению реликвий Первой мировой и Гражданской войн / Л.П. Муромцева // История Гражданской войны в России 1917-1922 гг. Москва: ЦМВС РФ, 2016. С. 318–325.
- 92. Муромцева, Л.П. Роль библиотек в сохранении историко-культурного наследия российской эмиграции / Л.П. Муромцева // Румянцевские чтения 2018. Библиотеки и музеи как культурные и научные центры: историческая ретроспектива и взгляд на будущее. Т. 2. Москва: Пашков дом, 2018. С. 181–187.
- 93. Муромцева, Л.П. Традиции в жизни российской эмиграции / Л.П. Муромцева // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 13. Москва: Собрание, 2018. С. 84–104.
- 94. Муромцева, Л.П. Роль русской православной зарубежной церкви в жизни российской послереволюционной эмиграции / Л.П. Муромцева // Православная церковь в век революций и модернизации. Смоленск, 2018. С. 292–302.
- 95. Мухачев, Ю.В. «Новая тактика» российской контрреволюции и ее провал. 1920-1922 / Ю.В. Мухачев // Исторические записки. М., 1977. Т. 99. С. 55-88.
- 96. Низовцев, Н.А. Общество бывших морских офицеров в Сан-Франциско в 1920-1930-е гг. / Н.А. Низовцев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия 8: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014.

- -T. 32. No 21. C. 134-139.
- 97. Окороков, А.В. Молодежные организации русской эмиграции 1920-45 гг. / А.В. Окороков. М.: Станица, 2000. 120 с.
- 98. Окороков, А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920-1990 гг. / А.В. Окороков. М., Авуар-Консалтинг, 2003. 331 с.
- 99. Павленко, А.П. Разработка и реализация новых оснований морской политики России в начале XX века / А.П. Павленко // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2010. № 4. С. 59-63.
- 100. Панова, М.А. Русские в Тунисе. Судьба эмиграции первой волны / М.А. Панова. М.: РГГУ, 2008. 296 с.
- 101. Парчевский, К.К. По русским углам / К.К. Парчевский. М.: ИВИ РАН, 2002. 220 с.
- 102. Патек, В. Исповедь сменовеховца / В. Патек. София: Танаис, 1924. 151 с.
- 103. Пивовар, Е.И. Военные училища и военно-научная мысль белой эмиграции в 1920-1930/ Е.И. Пивовар // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии национальной культуры. М., 1993. С. 58-61.
- 104. Пивовар, Е.И., Селунская, Н.Б. Новые теоретические подходы и необходимость новой интерпретации актуальных аспектов социальной и экономической истории России XX века / Е.И. Пивовар, Н.Б. Селунская // Исследования исторического факультета Московского университета/ под ред. С.П. Карпова. Москва, МГУ,
- Пивовар, Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен,
 роль и место в культурно-историческом наследии / Е.И. Пивовар. М.: РГГУ, 2008.
 545 с.
- 106. Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930-е годы. СПб.: Сударыня, 2006. –353 с.
- 107. Проблемы изучения истории российского зарубежья / ред. Ю.А.Поляков. М., ИРИ РАН, 1996. 103 с.

- 108. Раев, М.И. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции // М.И. Раев. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
- 109. Ренувен, П. Новое в ориентации франко-русского союза / П.Ренувен // Французский ежегодник.1966. М., 1967. С. 312-319.
- 110. Розенталь, Э.М. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века / Э.М.Розенталь. М., 1960. 272 с.
- 111. Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920-1945). Сборник документов / сост. Е.Н.Чернолуцкая. Южно-Сахалинск: Б. и., 1994. 151 с.
- 112. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). Учебное пособие. Москва-Геттинген: Ист.-арх. институт, 1994. 117 с.
- 113. Рудковская, М.М. Русско-тулонское военно-морское сотрудничество второй половины XIX-начала XX вв. / М.М. Рудковская // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3. С. 125-134.
- 114. Рудковская, М.М. Русские морские офицеры в эмиграции: Михаил Васильевич Казимиров (краткий очерк жизни и творчества) / М.М. Рудковская // Дальневосточная Россия: научный альманах. Уссурийск. 2015. Вып. 2. С. 104-108.
- 115. Рудковская, М.М. Русская военно-морская эмиграция во Франции: источники и документы / М.М. Рудковская // Дальневосточная Россия: научный альманах. Уссурийск. 2017. Вып. 4. С. 94-98.
- 116. Русская армия в изгнании/ предисл. и коммент. д.ист.н. С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2003. 509 с.
- 117. Русская эмиграция во Франции (1850-е 1950-е гг.) / под ред. В.И. Старцева и Т.Г. Фруменковой. СПб.: Третья Россия, 1995. 184 с.
- 118. Русская эскадра. Прощание с Императорским флотом / под ред. А.Ю. Емелина— М.: Арт Волхонка, 2015. 407 с.
- 119. Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20 40х

- годов / Е.В. Алексеева, Н.П. Герасимова, Л.И. Демина и др.; Редкол.: С.В. Карпенко (отв.ред.) и др. М.: РГГУ, 2000.-497 с.
- 120. Русский Париж / сост., предисл. и коммент. Т.П. Буслаковой. М.: Изд-во Московского университета, 1998. 527 с.
- 121. Русское зарубежье 1917-1994 / под ред. Г.А. Толстых. М.: Российский международный фонд культуры, 2002.-240 с.
- 122. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 1-4. 1920-1940. Paris; М.: YMCA-Press; ЭКСМО, 1995-1997.
- 123. Рыбаченок, И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века / И.С. Рыбаченок. М.: АН СССР Институт истории СССР, 1993. 351 с.
- 124. Рыбаченок, И.С. Русско-французский союз: сто лет изучения / И.С. Рыбаченок // Россия и Франция. XVIII-XX века. Вып. 1. М., 1995. С. 128-151.
- 125. Рыбаченок, И.С. Военное и военно-морское сотрудничество России и Франции на рубеже XIX-XX вв. / И.С. Рыбаченок // Россия и Франция. XVIII-XX века. Институт всеобщей истории РАН / отв.ред. Черкасов П.П. Вып. 8. М.: Наука, 2008. С. 205-236.
- 126. Рябова, В.И. Русская эмиграция в Африке в 1920-1930е годы / В.И. Рябова. Москва: Макс Пресс, 2005. 190 с.
- 127. Сабенникова, И.В. Российская эмиграция (1917–1939): Сравнительно-типологическое исследование / И.В. Сабенникова. – Тверь, Золотая буква, 2002. – 431 с.
- 128. Сводка сведений об армиях пограничных с Россией государств (Составлена на основании данных, полученных в военных журналах) / Ген Н.Н. Головин. Белград: [б. и.], 1924. 40 с.
- 129. Семёнов, К.К. Русская военная эмиграция во Франции в 1920-1945 гг. / К.К. Семёнов // Ежегодник Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына. 2011. М., 2011. С. 170-189.
- 130. Серегин, А.В. Русская военная эмиграция: из истории изучения в

- отечественной историографии / А.В. Серегин // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 19(41). С. 183-192.
- 131. Склярова, Т.В. Религиозный аспект педагогической деятельности в среде русской эмиграции первой половины XX века / Т.В. Склярова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2003. № 1. С. 194-212.
- 132. Сонов, И. Капиталистический заговор против Страны Советов / И. Сонов. М., Л.: Гос. изд-во (тип. «Красный пролетарий»), 1927. 61 с.
- 133. Сотников, С.А. Дети российских военных эмигрантов в 1920-1930-е гг.: судьбы, образование, ментальность / С.А. Сотников // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 63-68.
- 134. Сотников, С.А. Русская военная эмиграция во Франции в 920-1930-е гг.: проблемы адаптации / С.А. Сотников // Туризм и миграции. Вестник Московского государственного университета сервиса. 2007. № 2. С. 120-126.
- 135. Сотников, С.А. Российская военно-политическая эмиграция во Франции. 1920–1945 гг. : монография / С.А. Сотников. М. : ИИУ МГОУ, 2017. 164 с.
- 136. Струве, Г. Русская литература в изгнании / Г. Струве. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956.-408 с.
- 137. Толочко, А.В. О деятельности Военно-морского исторического кружка в 1927-1930-х гг. / А.В. Толочко // Вестник Пермского университета. Серия История. -2013.- N = 3(23).- C. 20-26.
- 138. Трифонов, Я.И. Из истории борьбы Коммунистической партии против сменовеховства / Я.И. Трифонов // История СССР. 1959. № 3. С. 64-82.
- 139. Турыгина, H.B. Sales Etrangers: положение русской эмиграции во Франции накануне и в годы Второй мировой войны / H.B. Турыгина // Клио. 2016. № 6(114). С. 132-142.
- 140. Устрялов, Н.В. Под знаком революции / Н.В. Устрялов. Харбин: Русская жизнь, 1925. 354 с.
- 141. Хрисанфов, В.И. К вопросу о численности российской эмиграции «первой

- волны»/ В.И. Хрисанфов // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 85-87.
- 142. Хрисанфов, В.И. Российский «исход»: мифы и реальность. Историографическое исследование о численности «первой волны» российской эмиграции 1917-1920 гг. / В.И. Хрисанфов СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2014. 196 с.
- 143. Хрисанфов, В.И., Турыгина, Н.В. К историографии вопроса о численности русской эмиграции во Франции в 1920-1930-е гг. / В.И. Хрисанфов, Н.В. Турыгина // Вестник СпбГУ. Серия 2. 2014. Вып. 3. С. 17-27.
- 144. Челышев, Е.П. Российская эмиграция 1920-30 гг. / Е.П. Челышев. М.: Граф-Пресс, 2002. 278 с.
- 145. Чичерюкин-Мейнгардт, В.Г. Дроздовцы после Галлиполи / В.Г. Чичерюкин-Мейнгард. М.: Рейтар, 2002. 103 с.
- 146. Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Воинские организации Русского Зарубежья после Второй мировой войны / В.Г. Чичерюкин-Мейнгард. М.: Гриф и Ко, 2008.
 168 с.
- 147. Чичерюкин-Мейнгард, В.Г. Пути русского офицерства в годы Гражданской войны и эмиграции / В.Г. Чичерюкин-Мейнгард // Труды I Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875-1944). Исход на юге России и начало Галлиполийской эпопеи русской армии: 90 лет: 1920-2010. Спб.: Скрипториум, 2011. С. 150-159.
- 148. Чичерюкин-Мейнгард, В.Г. К истории русских воинских организаций русского зарубежья. Корпус императорских армии и флота / В.Г. Чичерюкин-Мейнгард // Труды III Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича

- Головина (1875-1944)): сборник статей и материалов / сост. К.М. Александров, О.А. Шевцов, А.В. Шмелев. Спб.: Скрипториум, 2013 С. 313-336.
- 149. Шкаренков, Л.К. Агония белой эмиграции / Л.К. Шкаренков. М.: Мысль, 1981. 231 с.
- 150. Шулепова, Э.А. Роль и место православной церкви в процессе адаптации русской эмиграции / Э.А. Шулепова // Культурная миссия Российского зарубежья: история и современность. Сборник статей / отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Министерство культуры РФ, Российский институт культурологии, 1999. С. 22-29.
- 151. Щупленков, О.В. Сохранение национальной идентичности через преемственность образования / О.В. Щупленков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 6. С. 72-75.
- 152. Щупленков, О.В. Русское самосознание в условиях эмиграции первой волны
 / О.В. Щупленков // Современные исследования социальных наук. 2010. № 3(03). С. 106-109.
- 153. Щупленков, О.В. Адаптационные возможности русской эмиграции «первой волны» / О.В. Щупленков // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2010. № 2. С. 115-116.
- 154. Юрьева, Ю.С. Русская эмиграция и становление правового статуса беженца в первой рети ХХ в. / Ю.С. Юрьева // Вопросы теории, истории государства и права. Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата. № 2(21). 2011. С. 39-45.
- 155. Яковлева, М.Г. Проблемы воспитания детей русских эмигрантов во Франции (1918-1939 гг.) / М.Г. Яковлева // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2013. № 11. С. 153-158.
- 156. Яковлева, М.Г. Правовое положение русских эмигрантов во Франции, 1920-1930-е гг. / М.Г. Яковлева // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. -2014. № 12. С. 139-146.
- 157. Яковлева, М.Г. Проблемы идентичности и интеграции русских эмигрантов во французское общество на примере деятельности Русской общественной

- библиотеки им. А.С.Тургенева / М.Г. Яковлева // Вестник СПбГУ. 2014. Серия 2. Вып. 4. С. 234-240.
- 158. Яшина, М.А., Худобородов, А.Л. Учебные заведения казачьей эмиграции в 1920-1930-х гг.: из истории культурнопросветительской деятельности русского зарубежья / М.А. Яшина, А.Л. Худобородов // Известия АлтГУ. 2016. № 4(92). С. 165-171.
- 159. Albera, F. Albatros des Russes à Paris, 1919-1929 / F. Albera. Milan-Paris, Cinémathèque française, 1995. 182 p.
- 160. Adam, R. Histoire des soldats russes en France 1915-1920. Les damnés de la guerre / R. Adam. Paris: L'Harmattan, 1996. 383p.
- 161. Agulhon, M. Histoire de Toulon / sld. de M. Agulhon. Toulouse, Privat, 1980. 400 p.
- 162. Aprile, S., Réflexions sur le temps en politique: l'exemple de l'exil / S. Aprile // Revue d'histoire du XIXe siècle [En ligne]. 25 | 2002, mis en ligne le 29 juin 2005, consulté le 28 janvier 2015. URL: http://rh19.revues.org/428; DOI: 10.4000/rh19.428.
- 163. Attard-Maraninchi, M.-F., Temime, E. / M.-F. Attard-Maraninchi, E. Temime. Migrance. Histoire des migrations à Marseille. T.III Le cosmopolitisme de l'entre-deux guerres, 1919-1945. Aix-en-Provence, Edisud, 1990. 188 p.
- 164. Avice-Hanoun, M. Les relations stratégiques franco-russes de 1892 à 1914, Thèse de doctorat de l'Université de Paris I Sorbonne / M. Avice-Hanoun. Paris, 2001. 567 p.
- 165. Bachellerie, P. Les Russes blancs dans le Var 1917-1939 Mémoire de maîtrise / P. Bachellerie. IEP Aix, 1979. 57 p.
- 166. Badoin, L. Histoire de la Seyne, annexe III Histoire maritime / L. Badoin. Société des Amis de la Seyne ancienne et moderne. 1965. 582 p.
- 167. Bagni, B. Mai 1921: Les émigrants du «Rion» à Ajaccio / B. Bagni // Etudes corses. №49. 1999. P. 123-168.
- 168. Bagni, B. L'odyssée du Rion. 1921 : 3700 réfugiés russes dérivent en Méditerranée. Garamond: Bibliocratie, 2013. 171 p.

- 169. Bonnet, J.-C. Les pouvoirs publics français et l'immigration dans l'entre-deux guerres / J.C. Bonnet. Lyon, Centre d'histoire économique et sociale de la région lyonnaise. 1976. 414 p.
- 170. Bottarelli, Ch. 1886-1955, vie et mort des tramways toulonnais / Ch. Bottarelli // Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. − 2006. − № 128. P. 170-192.
- 171. Burguière, A., L'École des Annales. Une histoire intellectuelle / A. Burguière. Paris, Odile Jacob, 2006. 365 p.
- 172. Coudry, G., Notes sur le «passeport Nansen» / G. Coudry // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1996. №44. Exilés et réfugiés politiques dans la France du XXe siècle. [En ligne] http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/mat_0769 3206 1996 num 44 1 403048, consulté le 03/10/2018.
- 173. Delage, J. La Russie en exil / J. Delage. Paris, Delagrave, 1930. 178 p.
- 174. Domange, Y. Les croix-épées dites russes des monuments aux morts des communes du canton de Reignier / Y. Domange // [En ligne] https://www:lasalevienne.org, consulté le 05/12/2017.
- 175. Dumas, A. Trente siècle sous la mer / A. Dumas. Paris, 1972. 318 p.
- 176. Ginzburg, C., Le fromage et les vers. L'univers d'un meunier du XVIe siècle / C. Ginzburg. Paris: Flammarion, 1980. 220 p.
- 177. Gorboff, M. La Russie fantôme. L'émigration russe de 1920 à 1950 / M. Gorboff. Lausanne, L'Age de l'Homme, 1995. 288 p.
- 178. Gousseff, C. Une intelligentsia chrétienne en exil : les orthodoxes russes dans le Paris des années 1920 / C. Gousseff // Intellectuels chrétiens et esprit des années 1920. Actes du colloque / sous la direction de Colin P. Paris: Cerf, 1997. P. 115-137.
- 179. Gousseff, C. Les enfants de l'exil. Récits d'écoliers russes après la Révolution de 1917 / C. Gousseff. Paris: Bayard, 2005. 263 p.
- 180. Gousseff, C., Pichon-Bobrinskoy, O. L'invention d'une politique humanitaire : le Zemgor et les réfugiés russes (1921-1930): avant propos / C. Gousseff, O. Pichon-Bobrinskoy // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46/4, sept-déc. P. 667-672.

- 181. Gousseff, C. L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920-1939) / C. Gousseff. Paris: CNRS Éditions, 2008. 335 p.
- 182. Gousseff, C. Paul Robinson, The White Russian Army in exile / C. Gousseff // Cahiers du monde russe [En ligne] –. 2002. № 43/4, mis en ligne le 17 juin 2009, consulté le 29 octobre 2012. URL : http:// monderusse.revues.org/4027.
- 183. Gouzevitch, I. Etudiants, savants et ingénieurs juifs originaires de l'Empre russe en France (1860-1940) / I. Gouzevitch // Archives juives. 2002. Vol. 1(35). P. 120-128.
- 184. Guerout, M. Les icônes de la «Slava Rossii», contexte historique et archéologique / M. Cuerout // Parc National de Port-Cros. − 1993. − № 15. − P. 28-54.
- 185. Hemu, E. La Résorption du bidonville de Lorrette, Histoires des vies, histories des villes / E. Hemu // Hommes et migrations. − 1998. − № 1213. − P. 89-93.
- 186. Huntington, W.C. The Homesick Million Russia out of Russia / W.C. Huntington. –Boston, The Statford Co, 1933. 298 p.
- 187. Jevakhoff, A. Les Russes blancs / A. Jevakhoff. Paris, Tallandier, 2007. 605 p.
- 188. Joncherey, A. et J.-P. / A. et J.-P. Joncehrey. 100 épaves en Côte d'Azur de la Ciotat à Saint-Tropez. Gap, Challes des Eaux, 2007. 202 p.
- 189. Ilsen, A., Enregistrer et identifier les étrangers en France, 1880-1940 / A. Ilsen // [En ligne]: http://www.histoire-immigration.fr/dossiers-thémathiques/intégration-et-xenophobie/enregistrer-et-identifier-les-etrangers-en-france, consulté le 05/12/2018.
- 190. Kevonian, D. L'organisation non gouvernementale comme acteur émergent du champ humanitaire: le Zemgor et la Société des Nations dans les années vingt/ D. Kevonian// Cahiers du Monde russe. déc. 2005. –№ 46/4. P. 739-756.
- 191. Kevonian, D. Enjeux de catégorisations et migrations internationales / D. Kevonian // Revue européenne des migrations internationales [En ligne]. −2005. − Vol. 21. − №° 3 |, mis en ligne le 01 décembre 2008, consulté le 15 octobre 2012. URL : http://remi.revues.org/2522.
- 192. Kleinmann, J. Les étrangers dans les Alpes Maritimes à travers les documents préfectoraux (1860-1944). Thèse de doctorat en histoire / J. Kleinmann. Université de

- Nice, 2003. 522 p.
- 193. Korobov, Yu. Les relations militaires franco-russes de 1870 au lendemain de la guerre russo-japonaise / Yu. Korobov // Revue historique des armées [En ligne], 245 | 2006, mis en ligne le 25 novembre 2008, consulté le 30 septembre 2016. URL : http://rha.revues.org/5612
- 194. Kulischer, E.M. Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947 / E.M. Kulisher. N.-Y. Columbia University Press, 1948. 378 p.
- Laggoune, A. Les Russes de Cannes, 1879-1939. Master II Recherche en histoire /
 A. Laggoune. Nice, Université de Nice, 2014. 132 p.
- 196. Ledré, Ch. Les émigrés russes en France, ce qu'ils sont, ce qu'ils font, ce qu'ils pensent/ Ch. Ledré. Paris, SPES. 1930. 288 p.
- 197. Le Guillou, O., L'émigration russe en France, Boulogne-Billancourt et les usines Renault: lieux d'habitation et employés des émigrés russes dans l'entre-deux guerres / O. Le Guillou // E.Guichard et G.Noiriel (dir.) Construction des nationalités et immigration dans la France contemporaine. Pris, Presse de l'Ecole Normale Supérieure, 1997. P. 215-257.
- Marcellesi, D. Soins des malades et des blessés à La Seyne: institution de la Sainte-Marie et l'hôpital russe / D. Marcellesi // Regards sur l'histoire. Traces et mémoire de la Grande Guerre sur le front occidental et le front d'Orient. Var. № 15. 2015. P. 18-24.
- 199. Mathieu, J. Toulon dans les incertitudes de l'entre-deux guerres / J. Mathieu // Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. − 1982. − № 104. P. 111-128; − 1983. − № 105. P.112-130; 1985. − № 107. − P. 110-125.
- 200. Mauco, G. Les étrangers en France: leur rôle dans l'activité économique / G. Mauco. Paris, Armand Collin, 1932. 600 p.
- 201. Maushart, E. 1891-1893, L'alliance franco-russe. L'escadre russe à Toulon, Bandol, Ollioules, Hyères, Saint-Tropez / E. Maushart. Toulon, Editions Mnemosis, 2016. 158 p.
- 202. Ménégaldo, H. Les Russes à Paris 1919-1939 / H. Ménégaldo. Paris,

- Ed.Autrement, 1998. 187 p.
- 203. Ménégaldo, H. Les russes à Bizerte: de la Tunisie à la France, les étapes d'une intégration contrariée / H. Ménégaldo // Mémoire(s), identité(s), marginalité(s) dans le monde occidental contemporain [En ligne], 13 | 2015, mis en ligne le 30 juin 2015, consulté le 02 août 2015. URL : http://mimmoc.revues.org/2077.
- 204. Mongin, L. Toulon, sa rade, son port, son arsenal / L. Mongin. Marseille, Laffitte Reprints, 1904. 294 p.
- 205. Néptunia. Cadeaux des Tsars. La diplomatie navale dans l'alliance franco-russe 1891-1914 // Musée National de la Marine. Les Amis du Musée national de la Marine. Numéro Hors-série «Patrimoine, histoire et culture maritimes». Paris, 2010. 82 p.
- 206. Nicolas, C. Le CICR au secours des réfugiés russes 1919-1939 / C. Nicolas // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 2009/3. № 95. P. 13-24.
- 207. Noel, B. Vieux quartiers, vieilles gens / B. Noel // Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. − 1989. − №111. − P. 105-129; 1991. − №113. − P. 114-130.
- 208. Palluau, N. Entre nation et religion. Scoutisme et organisation des jeunes immigrés (1920-1950) / N. Palluau // Cahiers de la Méditerranée [En ligne], 78 | 2009, mis en ligne le 15 février 2010, consulté le 21 juillet 2015. URL : http://cdlm.revues.org/4680.
- 209. Pelliyard, J.-F., Extraits militaires russes des Archives de l'hôpital de Saint-Mandrier / J.F.Pelliyard. Tapuscrit. Toulon, 2005. 30 p.
- 210. Pietri, M. La communauté russe des Alpes-Maritimes durant l'entre-deux-guerres
 / M. Pietri. Mémoire de maîtrise d'histoire contemporaine, Université de Nice, 2004. –
 108 p.
- 211. Pivovar, E. I. L'étranger russe comme un phénomène social et culturel: son rôle et sa place dans l'héritage historique et culturel / E. I. Pivovar. Moscou, 2011. 392 p.
 212. Raeff, M. Russia abroad. A cultural history of the Russian emigration, 1919-1939 / M. Raeff. New-York, Oxford University Press, 1972. 256 p.
- 213. Regnard, C. Les travailleurs chinois de la Grande Guerre l'exemple de la Seynesur-Mer / C. Regnard //Regards sur l'histoire. Traces et mémoire de la Grande Guerre sur

- le front occidental et le front d'Orient. Var. 2015. –№ 15. P. 30-33.
- Renouvin, P. Les engagements de l'aliance franco-russe: Leur évolution de 1891
 à 1914 / P. Renouvin // Revue d'histoire de la Guerre mondiale. 1934. № 4. Oct. –
 P. 297-310.
- Renouvin, P. Les relations franco-russes à la fin du XIXe siècle et au début du XXe siècle [Bilan des recherches] / P. Renouvin // Cahiers du monde russe et soviétique.
 Mai 1959. Vol. 1. № 1. P. 128-147.
- 216. Robinson, P. The White Russian army in exile, 1920-1941/ P. Robinson. Oxford, Clarendon Press, 2003. 254 p.
- 217. Robinson, P. Zemgor and the russian army in exile / P. Robinson // Cahiers du monde russe. 2005/4. Vol 46. P. 719-737.
- 218. Rudkovskaya, M. L'émigration militaire russe en France: problèmes de l'intégration sociale et de l'insertion professionnelle (exemple de la communauté toulonnaise des années 1920-1930) / M. Rudkovskaya //L'Europe et la Russie: problèmes actuels du dialogue. en 2 vol. − № 1. − Édition du Centre de la culture et de la connaissance, Paydeya, 2014. − P. 18-22.
- 219. Rudkovskaya, M. Les russes blancs du Var : histoire de l'émigration navale (étude analytique d'archives du SHD Antenne de Toulon) / M. Rudkovskaya // [En ligne] HAL: Archives ouvertes, https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01171570, consulté le 12/07/2015.
- 220. Saibène, M. La flotte des Russes blancs / M. Saibène. Rennes, Marines Editions, 2008. 287 p.
- 221. Schor, R. Le facteur religieux et l'intégration des étrangers en France (1919-1939)

 / R. Schor // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. N° 7. Numero special: Étrangers,

 Immigrés, Français (Jul. Sep., 1985). P. 103-115. URL:

 http://www.jstor.org/stable/3769937, consulté le 22/06/2015.
- 222. Schor, R. L'opinion publique et les étrangers en France 1919-1939 / R. Schor. Paris: Publications de la Sorbonne, 1985. 762 p.
- 223. Simpson, J.H. Refugees: Preliminary Report of a Survey / J.H. Simpson. London, Oxford University Press, 1939. 637 p.

- 224. Struve, N.A. Soixante-dix ans d'emigration russe (1919–1989) / N.A. Struve. Paris, Fayard, 1989. 302 p.
- 225. Tramways de Toulon. Règlement et instructions générales sur le fonctionnement des voitures. Toulon, Imp. Giraud, 1914. 78 p.
- 226. Vasseur, L.-M. Les principaux chantiers de construction navale sur les côtes de la Méditerranée française [La Seyne-Sur-Mer La Ciotat Port De Bouc] / L.-M. Vasseur// Méditerranée. 1961. 2e année. №3. [En ligne] doi: 10.3406/medit.1961.1008, http://www.persee.fr/doc/medit_0025-8296_1961_num_2_3_1008, consulté le 01/06/2018.
- 227. Ville de Toulon: les noms des rues / sld. R. Gallan. Vol. 2. Toulon, 1996. 230 p.
- 228. Vitse, G. Emigrés toulonnais: les héros malgré eux / G. Vitse // Revue de la société des amis de vieux Toulon et de sa région. − 1973. − № 95. − P. 92-122.

Диссертации и авторефераты диссертаций

- 229. Базанов, П.Н. Издательская деятельность политических организаций русских эмигрантов (1917-1988 гг. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / П.Н. Базанов. СПбГУКИ, 2005. 645 с.
- 230. Бегидов, А.М. Военно-учебные заведения российской эмиграции в 1920–30-е годы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Бегидов А.М. М., 1998. 278 с.
- 231. Бегидов, А.М. Военное образование в зарубежной России 1920–1945 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / А.М. Бегидов. М., 2001. 508 с.
- 232. Ефременко, В.В. Деятельность научных и культурных учреждений российской эмиграции во Франции. 1917-1939 годы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук // В.В. Еременко. М., 2008. 35 с.

- 233. Ершов, В.Ф. Российская военная эмиграция в 1921–1939 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В.Ф. Ершов. М., 1996. 213 с.
- 234. Ершов, В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг. (организация, идеология, экстремизм). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / В.Ф. Ершов. М., 2000. 45 с.
- 235. Климутин, В.А. Российская военно-морская эмиграция в 1920-1930-е гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В.А. Климутин. М.: МГУС, 2006. 194 с.
- 236. Коробов, Ю.М. Опыт сотрудничества Генеральных штабов России и Франции в 1906-1914 гг. Автореферат диссертации кандидата исторических наук (Институт военной истории) / Ю.М. Коробов. М., 1997. 28 с.
- 237. Пронин, А.А. Российская эмиграция в современной историографии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А.А. Пронин. – Екатеринбург, 2001. – 284 с.
- 238. Руденцова, Ю.И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции (1920-1930-е гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Ю.И. Руденцова. М., РГГУ, 2000. 209 с.
- 239. Сотников, С.А. Российская военная эмиграция во Франции в 19201945 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / С.А. Сотников. М., 2006. 215 с.
- 240. Толочко, А.В. Русская военно-морская эмиграция: политические ориентации и деятельность в межвоенный период. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / А.В. Толочко. Пермь, 2012. 229 с.
- 241. Турыгина, Н.В. Русская эмиграция во Франции в годы Второй мировой войны. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Н.В. Турыгина. СПб., 2016. 190 с.

- 242. Чичерюкин, В.Г. Русские эмигрантские воинские организации в 1920—40-е годы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В.Г. Чичерюкин. М., 2000. 218 с.
- 243. Шинкарук, И.С. Военная периодика российской эмиграции 1920–30-х гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / И.С. Шинкарук. – М., 2000. – 255 с.
- 244. Цурганов, Ю.С. Российская военная эмиграция в Европе 1939-1945 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Ю.С. Цурганов. М., 2001. 24 с.

Справочные издания:

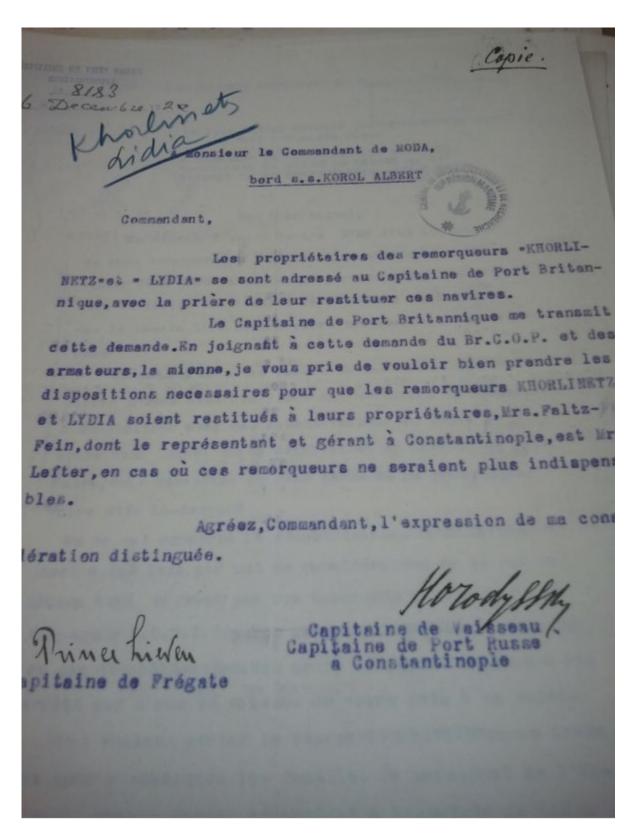
- 245. Волков, С.В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога / С.В. Волков. М., «Русский Путь», 2004. 632 с.
- 246. Волков, С.В. Офицеры российской артиллерии: Опыт мартиролога / С.В. Волков. М.: Издательство ПСТГУ, 2011. 776 с.
- 247. Волков, С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога / С.В. Волков. М., «Русский Путь», 2002. 568 с.
- 248. Волков, С.В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога / С.В. Волков. М.: «Русский путь», 2004. 560 с.
- 249. Люди Русской эскадры / сост. А.В. Плотто. М.: Арт-Волхонка, 2015. 495 с.
- 250. Мартиролог русской военно-морской эмиграции / ред. В.В. Лобыцын. Москва-Феодосия, 2001. 192 с.
- 251. Незабытые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917—1997: в 6 т. / Российская гос. б-ка. Отд. лит. рус. зарубежья; сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. М.: Пашков дом, 1999—2007.
- 252. Российское зарубежье во Франции: 1919-2000: биографический словарь. В 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008-2010. [Электронный ресурс]// URL:

http://www.dommuseum.ru/?m=dist.

- 253. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции / ред. С.В. Мироненко // Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель. Т. 4. М.: РОССПЭН, 2004. 794 с.
- 254. Manuélian E. Les sources complémentaires à la sous-série GG4 archives de l'escadre Wrangel / E. Manuélian // Service Historique de la Défense. Département Marine. Archives centrales. Vincennes, 2006. 9 p.
- 255. Rossignol Ch. Répertoire numérique. Sous-série GG4. 1915–1922 / Ch. Rossignol // Service Historique de la Défense. Département de la Marine. –Vincennes, 1981. 30 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

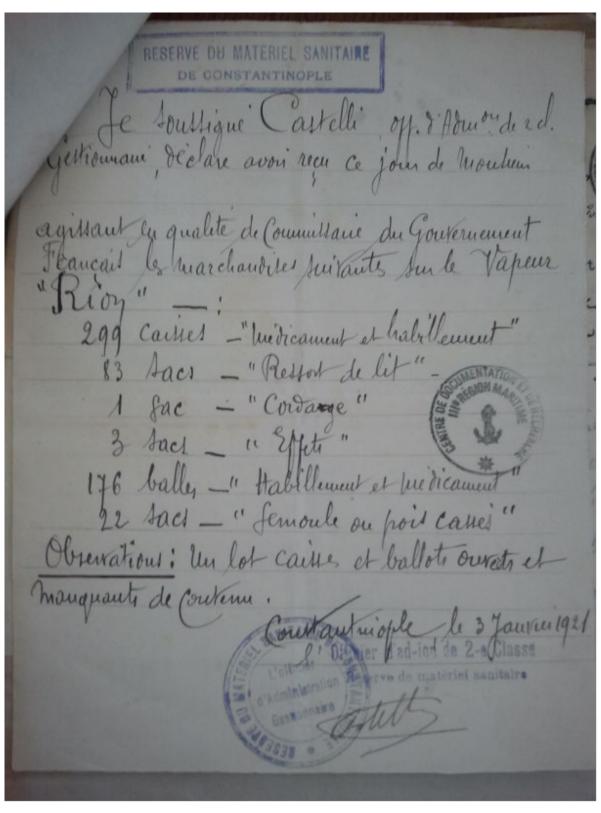
Приложение 1.

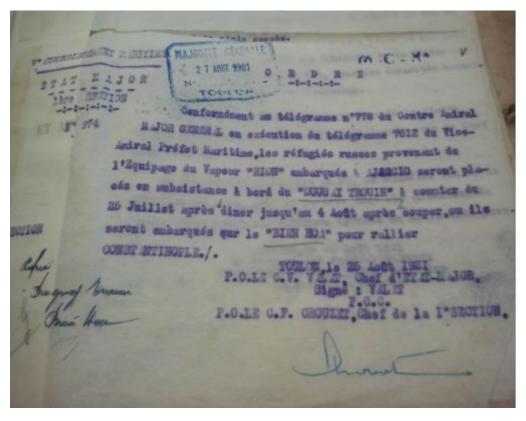
Note №8183 du capitaine de vaisseau Horodyssky, Capitaine de Port Russe à Constantinople au Monsieur le commandant de Moda, le 6 décembre 1920

SHD Toulon. Série C. Sous-série 58. Carton 12-13.

Приложение 2.

Quittance de l'officier-adjoint du 2è classe Castelli, Reserve du matériel sanitaire, le 3 janvier 1921, le transport «Rion» SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10

Ordre №974 concernant des sujets russes du 25 août 1921, Etat Major, 1ère section, Toulon

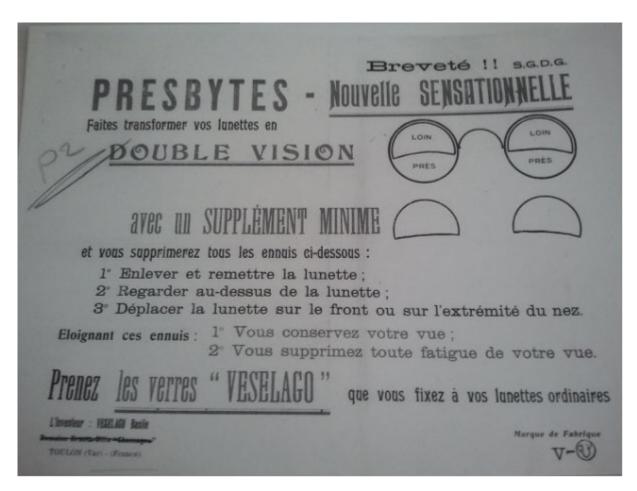
SHD Toulon. Série D2. Sous-série 2. Carton 75

MINISTÈRENDE L'INTÉRIEUR
PREPROTURE ON FIDENTIEL
DEMANDE DE CARTE D'IDENTITÉ
DE
« COMMERÇANT » ÉTRANGER
NECESSAIRE POUR L'EXERCICE DE TOUTE PROFESSION COMMERCIALE OU INDUSTRIELLE
(Décret lei du 12 novembre 1938. — Décret du 2 février 1939.)
Nom: Veselago Baile Prénoms: Baile
Né le à
Nationallie toleine ruste
Résidant à Caulou 8 rue Faugassière
Protession dont Pexercice artisau . (Pabricant de venes por lunettes
e questionnaire doit être rempli par l'Administration (Prérezeure — Crambre de Connerce — Mi naire) et joint au questionnaire de demande souscrit par l'étranger intéressé. est CONFIDENTIEL et ne doit être communiqué qu'aux autorités administratives.

Demande de carte de séjour de commerçant étranger (page 1), 1939

THE RESIDENCE OF THE PARTY OF T
-1-
MINISTÈRE DE L'INTERIEUR
PARPECTURE
a Van
QUESTIONNAIRE
A REMPLIE A L'APPUI D'UNE DEMANDE
de carte d'identité dite «carte de commerçant» étranger
NECESSAIRE POUR L'EXERCICE DE TOUTE PROFESSION COMMERCIALE OU INDUSTRIELLE
(Décret-loi du 12 novembre 1938. — Décret du 2 février 1939.)
Consider Aluma mantière très ligible
(Ce questionnaire doit être rédigé en français d'une manière très lisible.)
Noin: Chicker R. P.
Prénoms: Yesellage Basil
No 10 10 décembre 1882 à Moscou
Nationalité Réfugie Resse
Nom: Vébélago Basile Né le 10 décembre 1882 à Moscou Nationalité Réfugie Riesse. Résidant à Toulon-8 rue Pougassière Profession actuelle Inférmier
Profession setuelle Infumier
Situation de famille (célibatane, marié): Audrie
Enfants (nombre): 2 : (Age): 32 et 26 aus
Nationalité des enfants: Resse
co. r.
Degré d'instruction: Communale
Connaissez-voustla langue française?
Possédez-vous des diplômes trançais? 3 Recents d'innections (S.G. D.G) Ferfect dons lemettes de presbyt esquels? 12-11-1932. Nº 740-300
3 Brevets d'inventions (S.G. D.G) Ferfet dans linears
resquess 12-11-1932- Nº 740-500
22. 1. 1935. nº 788-203
8. 8. 1940. No. 860. CCT.

Page du questionnaire du dossier rempli par Vassily Veselago (page 2)

Dépliant promotionnel du dossier de Vassily Veselago (page 3)

AD du Var. Série M. Sous-série 4. Carton 130. Artisans et commerçants étrangers. Dossier de demande de carte d'identité de commerçant de Veselago Basile

Удостоверение капитана Н.Петрунина о службе на транспорте «Рион» за подписью. А.В. Городыского ГА РФ. ФР5903. Оп.1. Д. 122. Л. 262.

	M. Constantin Tevaxhof
100	délivrée par Pol, d'État à Coulon 10 3! Mai 1943
	nationalité of Ossil, né à le le de et de
	conjoint. demourant à 43. av. Colonel Ficot Toulon, Vas.
	résidant en France depuis
	Je certifie par le présent, après avoir pris connaissance des articles 363-365 du Code Pénal, être un réfugié russe et ne pas avoir acquis à la date de ce jour une autre nationalité par naturalisation ou par option notamment en application du décret du IL, Juin ISL6 du Gouvernement de 1°U.R.S.S.
	PARIS, le 1.6. Mai 1949
	(Signature)
Co	undel forti officier de la flate russe a bris part aux actions de la flate de l'estadre de la mus Noire en 1915, 1916 et 1917 Il hossède le grade de
	l'enfenant de vaintair Il possède le grade de
	Mre D.C. p. solliether une carte de cons
-	Décret de nafeeral de du 24 Avril 1940
	W2824 x 39-ni le 1959t 1897 à Nicolaief
ai	V2824 x 39-ni le 1959t 1897 à Nicolaiesse l'épar le Chif l'État Major de l'Éscado Reesse (capie)

Carte nationale d'identité de Konstantin Jevakhoff, 1949 Archives OFPRA. Non côtées.

Toulon (Var) Brunet Chemin de l'Energie Villa Carmencita " 5" OKET LOKES 1924. Умубоканванамий Buaguing Whanobur Theams have and Rabyenta h for N 4488 A Tougrant Sydyru eye h Mapceur, no Jamo he authoraus, it, x. Thurd Gomorphil genipoicuitou asu a trivis a pery med agrand restructions sorge y weres bysein bound garrang. aperide heero vojhoutine San volusiodapunit ja инскиго по г. тих боборыминой он посиненно заrecented were recent contratary xow. No set and me nous a cupuyand, income in a Transpier Whowthers byworks, ypushinin o curs lesposewise au face, is . K. I emy nures we wired. Know Thetune Juropies Manchero repetative lung Comanguetra moro upopraticus nomes da Anumanie. Boujou of quisposicis les mon sue who no unino johns. Trusenes haciones Isile currying, hiporevet, cruitant out on hymnel, in. K. Leunstenstie names ino conspairement 2. for Tortopurement na auto mereno wet est paracuera mos xygum b. H. Morriegt.

Письмо М.В. Казимирова В.И.Дмитриеву об условиях жизни в Тулоне, 5 октября 1924 г. (страница 1)

ваней и наший жоконир еревинения постоятиро paracing, a museur na injamban le stymours l'acreciales песечия а папарымя состого св Гакуста. Работа консти, se up upis a nock, orms promune usuan, our munawas been tens a racino nora. Re acio samo su case insquires no suga à cirous, rous cuyena bou : you aroun tha uneura, ne tous yesch chosad upuny dudines u pasawail to 93/4-10 2. L'equirement l'equire, a us many lagarante Fare expounses ujo funto mais municipara, xorobas I'm mont cemen supersumer na oenobanie Hypuns. cornars siluma & 600 oppourst. Pougras moremungue 460 pp. (co chepayporumum) replantaente errementes un okono 140 gpp, voit pare highest see proso your airayla in Tauth. July surveits away is decore word pap my ruse hus aquantitu greus & drieseis; entapunis ches fuberis a name l'Aquour u rous obustice en évenigamente L'Ayen une leole Rouvière d'un revo yennemes jammasju a persentistiopour ; unaquier gentpoens na trode (do Focution receives wer 14 4. boppactura) h Carries le Asile, eyt a fourent unemerero cochezares Sopp. huy acreatile us jandinis rand beautour Asile, wax u h Institut Stans place, up a out xoquier a dryman presume шанктичания. Паний образоно чисты сводиный кон. ум а гонувши мусто им не учить вний, что на mois frank fortyentuins assessmente religiousuno, um пий 4-5 рер в потиро. В примом сивами, конито, и дито нешкинино, а банбошу транитически природити мотим го ступия упражения сидона и сограниции пистам

Письмо М.В. Казимирова В.И.Дмитриеву об условиях жизни в Тулоне, 5 октября 1924 г. (страница 2)

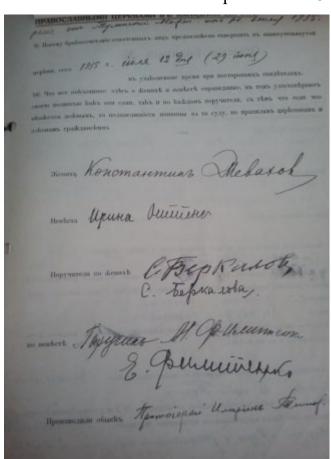
de docuertures dony entemans ignorous. De dinaruhantes our inaries proportes, nant igiosportenie yresusex event, coruna orghu, oderedo u in is you as. сошентио испаную. Провована мина брания на доней рабония по отороння ruis urge ne entantes cherr (lesque nentous) - ja 8-10 rant exocious mebor pararien ydehauses begaracian I fr! Tues ento me bowyman morpine enjabuster y names construct humant homours. Harrasso a isome Baco a Breming Bacustelun mus parenti luhatus na entretiendies dus muset madea que unite. No it. u. is ne beary hoperofunction igorray bohains, is a spained murger rieghand rost choice aged inhaving lo Manyir, Sep mainestand nort is oddensen Dur offering Mirer, was a orens apocured the Bon Lucian arrusino du mex hoperormanel aprodomencie chour offerobacies. He fourmors he squares, runde hibrangethe muposo ujusoguhumi us iomons moguzous, nehow work is where advocation massing existent due iomorge demobrated saintans fram , injuly fulle are lo union u med nom mour hand aper copponibe unes recur In na widrisin repeaulance counting union , quet his was a preparenis could , a h bydyer and care to congruent gowing In irrudanies Janero morquas our histura Susacoch ybarracoujes Dan is heard mit o-Abov a yearsand M. Kazunipoly

Письмо М.В. Казимирова В.И.Дмитриеву об условиях жизни в Тулоне, 5 октября 1924 г. (страница 3)

ГА РФ. ФР5903. Оп 1. Д. 578. Л. 283-284.

Приложение 8.

елархіальное управленіе русскими
Обыскъ брачный № 4
Incorperence of the party of the second of t
House Seineman Regaringuers operano
Karemanner Keremannaders Kebarah
Autenoragen a 2. Myrones.
1) House Leinesseum Reguenquers grown, Regemennen Kestenmunnalen Kebarah surenengen & 2. Myrous. 2 moren Upma Apmypolus Constant
destructionis to mark be 2. Higgsours.
I fuquers in empericing unders companional, a name: downs. Copies -
mplease the mater mpedyamor cellan de
в оби нахилется нь хараноск умв. 1) Розетие вежду вени духовным или плитевать
мастав и сподства возбранивнико по установлению св. Предста бродев, вобифили идет.
Monneys.
metera
Ка бракосочетацию приступають опи по сноску изыкающу согласно и жезанию, а не
аршаужденко, и на то небанъ
в троебратинну огланично, ехблиновну из опивичной періон
гествія ісь сону браку пакайого вийских не объяканно 8) Для удостопървани безпре-
венности вего брайа представлентей инскиенные документы: "Уся состово-

Обыскная книга для готовящихся вступить в брак Обыск брачный №4: лейтенант Константин Жевахов и Ирина Оттенс AP Toulon. Livre d'enquête pour les mariés, 1938.